ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Кафедра социологии

На правах рукописи

ПЕРОВА АНАСТАСИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ «НОВЫХ» ЭКОЛОГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии

Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
доцент Федотова Н. Н.

Москва – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения социальной составляющей экологических катастроф в социологии 21

§1.1. Нарастание противоречий и уязвимостей в отношениях природа-общество как предпосылка экологического неокатастрофизма 21

§1.2 Категориальный аппарат анализа экологических катастроф 65

Глава 2. Социологический анализ аспектов «новых» катастроф 87

§2.1. «Новые» катастрофы: влияние на социум и природу 87

§2.2. Типы «новых» катастроф и различия их социальных последствий 107

Глава 3. Авария на АЭС Фукусима-Даичи: кейс-стади «новой» катастрофы 140

§3.1. Социально-экологический метаболизм катастрофы на АЭС Фукусима 141

§3.2. Нарративы катастрофы на АЭС Фукусима 160

Заключение 177

Библиография 185

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена усложняющимися проблемами, возникшими в результате агрессивного воздействия человека на окружающую среду, что получило название антропоцена. Глобальное изменение климата и его турбулентность, вызывающая таяние льдов и повышение уровня океанов, сокращение биоразнообразия Земли, ее опустынивание, неограниченное потребление природных ресурсов наряду с загрязнением воды, почв, воздуха, наглядно свидетельствуют о серьезных угрозах для планеты, вызванных неконтролируемой человеческой деятельностью. Все они относятся к «новым» катастрофам – термин, предложенный Дж. Урри в 2011 г.

При всей очевидности этих вызовов, актуальности исходящей от них угрозы людям не свойственно принимать их всерьез: экологические проблемы игнорируются на всех уровнях, а поиск путей выхода из наметившегося кризиса крайне замедлен и политизирован. Ученые все чаще акцентируют внимание на глобальных экологических проблемах, вызванных недостаточно бережным отношением к планете. И это нашло отражение в проблематике, поднимаемой социологами, которые теперь обратились к проявлениям природных катастроф и катастроф в целом, как экстремальных событий, рассматривая их, как результаты антропоцена.

Сегодня социологи предлагают свои способы изучения вопросов, связанных с изменениями климата, загрязнением окружающей среды, истощением ресурсов, параллельно исследуя и пытаясь предсказать пути развития общества в условиях непредсказуемости экологических катастроф и усложнения неопределенностей.

Социологи поставлены перед необходимостью «переоткрытия» условий и путей взаимодействий социума и природы с учетом формирования единой социо-природной реальности. Формируются представления о единой социо-природной реальности, показывающей, что общество не возвышается над

природой, а они взаимосвязаны. Появляются теории «нормальных» или очередных катастроф, представления о «новых катастрофах» и неокатастрофизм как способ теоретизирования о «новых катастрофах».

Нарастающая дискуссия вокруг экологических проблем заметен не только в политических кругах, публицистике и естественных науках, а также социологии, как науке, рефлексирующей об общественных трендах. В связи с этим представляется важным проследить подходы и альтернативные парадигмы, существующие в научной, экологической литературе и их отражение в социологической теории.

Таким образом, актуальность диссертации заключается в необходимости изучения социальных аспектов «новых катастроф» и обновления теоретико-методологического инструментария анализа катастроф с учетом критической рефлексии относительно классических и новейших социологических теорий.

Степень научной разработанности темы. Данная работа представляет собой одну из первых попыток проанализировать социальную составляющую «новые катастрофы» в экологической сфере и их теоретическое социологическое осмысление.

Анализ окружающей среды начал фигурировать в работах социологов достаточно давно, и примерами тому являются работы Г. Спенсера, К. Маркса и Ф. Энгельса, З. Фрейда, социологов Франкфуртской школы[1].

Однако обращение к природе как самоценной субстанции в трудах социологов началось только в конце прошлого века. С процессом институционализации инвайронментальной социологии как самостоятельной отрасли научного знания было издано много научных трудов, посвященных соотношению природы и общества.

[1] Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. – Киев, Гама-Принт, 2012; Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М., Государственное издательство политической литературы, 1960 г.; Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – М., Государственное издательство политической литературы, 1961; Фрейд З. Недовольство культурой. – М.: Фолио, 2013; Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М.: АСТ, 2003; Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007; Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. – М., Медиум, 1997; Marcuse H. Counterrevolution and Revolt, – London: Penguin, 1972.

Среди авторов многих научных трудов можно отметить следующих: Дж. Барри, И. Р. Данлэп, Р. Дж. Брулле, Ф. Х. Баттел, П. Дикенс, А. Джижсвижт, Л. Кинг, Д. МакКарти, М.Р. Рэдклифт, Г. Вудгейт, Р. Уайт, Дж. Ханниган[2]. В них она предстает как самостоятельная отрасль знания, раскрываются проблемы новейших реалий окружающей среды, а также дается анализ практик на разных уровнях социального действия. Особо отметим «Сборник по теории экологической модернизации: инвайронментальная реформа в теории и на практике» под ред. А. П. Дж. Мола, Г. Шпаргарена, Д. А. Зонненфельда, в котором раскрывается отдельное теоретическое направление в рамках инвайронментального подхода[3]. Среди отечественных социологов, занимающихся вопросами экологии и инвайронментальной экологии, можно отметить ученых-теоретиков И. А. Халий, Ю. Г. Маркова, исследователей И. А. Сосунову, И. П. Кулясова, С. П. Баньковскую.[4]

Помимо социологов-инвайронменталистов, существует и ряд всемирно известных социологов-теоретиков, которые исследовали вопросы окружающей среды. Н. Луман в работе «Экологическая коммуникация» писал о том, как проблемы экологии встраиваются в различные подсистемы коммуникаций общества[5]. У. Бек рассматривал не только качественно новые риски, связанные со все большим влиянием изменений климата на разные сферы жизни общества, но и те метаморфозы, которые принес интернет и

[2] Barry J. Environment and Social Theory. – NY, Routledge, 2005; Dunlap R. E., Brulle R. J, eds. Climate change and society: Sociological perspectives. – New York, NY: Oxford University Press, 2015; Dunlap R. E., Buttel F. H., Dickens P., Gijswijt A., eds. Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002; King L., McCarthy D. Environmental sociology: from analysis to action. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009; Redclift M. R., Woodgate G., eds. The International Handbook of Environmental Sociology, 2nd ed. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2010; White R. Controversies in environmental sociology. – New York, Cambridge University Press, 2004; Hannigan J. Environmental Sociology. 2nd ed. – Abingdon: Routledge, 2006.

[3] Mol A. P.J., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A., eds. The Ecological Modernisation Reader: Environmental reform in theory and practice. – London: Routledge, 2009.

[4] Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. – Рига: Зинатне, 1991; Халий И. А. Общество и природа: эволюция новейших концептов // История и современность. 2011, № 2; Марков Ю. Г. Социальная экология. – Новосибирск: Наука, 1986; Сосунова И.А. Социальная экология. – М., РИЦ ИСПИ РАН, 1996; Сосунова И.А. Методология и методы современной социальной экологии. – М.: МНЭПУ, 2010; Кулясов И.П. Экологическая модернизация: теоретические аспекты // Социология и социальная антропология. 2005. № 3. С. 100-113.

[5] Luhmann N. Ecological communication. – Cambridge: Polity Press, 1989.

современные технологии[6]. Э. Гидденс, акцентирующий фактор меркантильного подхода к природе, игнорирования ее будущего состояния, обосновал «парадокс Гидденса», то есть отсутствие предотвращающих действий людей по отношению к невидимым или нереальным для них изменений климата[7]. М. Манн рассматривал климатические изменения как производную от трех факторов: капитализма, национальных государств и индивидуальных потребителей, – так как именно экономический рост и политическая гонка при истощении природных ресурсов и росте населения привели к ухудшению экологической обстановки, ставшей «слепым пятном» для политиков и обывателей[8].

Концепцию нового катастрофизма обосновал Дж. Урри в 2011 г., но и в последующих работах он поднимал темы общественно-природного коллапса[9]. Ч. Перроу обосновал не только теорию «нормальных» аварий, но и в своих работах говорил о факторах, способствующих ухудшению ситуации в современном мире, вызванном усложнением катастроф, среди которых указаны следующие: большая сплоченность населения в опасных регионах, развитие технологии и неосмотрительное ее использование, изменения климата[10].

Другое направление представлено исследованиями, посвященными обусловленным новыми катастрофами и современным уязвимостям. Наиболее известные исследователи: В. Смил (глобальные катастрофы и тренды), С. Сассен (концепт мертвых почв и вод), М.Д. Андерсона (культуральная политика катастроф в странах Латинской Америки), З. Баумана (побочный ущерб индивидуалированного общества), Г. Баттона

[6] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000; Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. – Cambridge: Polity Press, 2016; Beck U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2009.
[7] Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004; Giddens A. The politics of climate change. – Cambridge, Polity Press, 2009.
[8] Mann M. The sources of social power. Vol. 4. – New York: Cambridge University Press, 2013.
[9] Urry J. Climate Change and Society. – Malden: Polity Press, 2011; Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. – London: Zed Books, 2013.
[10] Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. – Princeton, Princeton University Press, 2007; Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. – NY, Basic Books, 1984.

(культура катастроф), Р. Мерфи (лидерство в условиях катастрофы, в частности, глобальных климатических изменений), Д.С.К. Томаса и др. (социальная уязвимость перед лицом катастроф), П.А. Сорокина (четыре «монстра»: война, голод, революции и эпидемии), Н.Н. Талеба (теория «черных лебедей»), Ф. Фукуямы (теория постчеловеческого будущего), Г. Банкофф, Г. Фреркс, Д. Хилхорст (теория уязвимостей), Н. Штера и Х. Штора (связь между погодой, климатом и человеком), К.А. Черуло (теория «слепого пятна»), С. Асаямы (апокалиптический катастрофизм)[11]. Из российских социологов, знаковым для данного диссертационного исследования можно назвать труды О.Н. Яницкого,[12] который определяет суть экологических катастроф, как ситуаций, когда экосистема Земли «устанавливает свой социальный порядок». Автор приводит наиболее яркие случаи новейшей истории, когда пожары или цунами приводили к существенным сдвигам в жизни общества. Кроме того, он предлагает анализ аварии на АЭС Фукусима-1, где рассматривает аварию с точки зрения «самоуверенности высокоразвитого капитализма».

Кроме того, в числе русскоязычных работ по тематике данного исследования, необходимо отметить работы С.А. Кравченко, посвященные рискам и уязвимостям, в которых представлена рефлексия относительно вызовов усложняющихся социо-культурных реалий. Отметим

[11] Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. – Санкт-Петербург: Мир, 2012; Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М., Колибри, 2014; Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., АСТ, 2004; Штер Н., Штор Х. Погода – климат – человек. – СПб.: Алетейя, 2011; Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. – Cambridge, Belknap Press, Harvard University Press, 2014; Smil V. Global catastrophes and trends. The next 50 years. – Cambridge, The MIT Press, 2008; Asayama S. Catastrophism toward ‘opening up’ or ‘closing down’? Going beyond the apocalyptic future and geoengineering // Current Sociology, 2015, Vol. 63(1); Anderson M. D. Disaster Writing: The Cultural Politics of Catastrophe in Latin America. – Charlottesville, University of Virginia Press, 2011; Cerulo K. A. Never saw it coming: cultural challenges to envisioning the worst. – Chicago: The University of Chicago Press, 2006; Bankoff G., Frerks G., Hilhorst D., eds. Mapping vulnerability: Disasters, development and people. – London: Earthscan, 2004, Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. – Walnut Creek, CA, Left Coast Press, Inc., 2010; Murphy R. Leadership in Disaster: Learning for a Future with Global Climate Change. – Montreal: McGill-Queen’s University Press, 2009; Thomas, D.S.K., Phillips, B.D., Lovekamp, W.E., Fothergill, A. Social vulnerability to disasters. 2nd ed. – Boca Raton, FL: CRC Press, 2013.

[12] Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. – М.: Институт социологии РАН, 2013.

монографические исследования С.В. Чугрова, занимающегося вопросами становления японской идентичности, и О.В. Аксеновой, в которой рассматривается поведения сотрудников АЭС Фукусима во время аварии 11 марта 2011 г.[13].

Существует также направление социологического осмысления конкретных кейсов катастроф, представленных такими исследователями как Д.Л. Брансма, Д. Оверфелт, Дж.С. Пику, Д.А. Идальго, К. Барбера, С. Пилвайн[14]. Их основная тематика: социологические истории об урагане Катрина, изменение климата и миграция, климатические беженцы.

Отдельный интерес представляют книги, посвященные Японии и истории ее борьбы с последствиями катастрофы 11 марта 2011 г. Их авторами являются Т. Джилл, ученые Национального исследовательского совета Национальной Академии, С. Макдонах[15].

Опубликовано и множество статей в зарубежных и российских социологических журналах, посвященные анализу современных социальных практик в сфере экологической ответственности, но среди них лишь немногие уделяли внимание «новому катастрофизму»[16]. Подчеркиваем, что если среди российских исследований и есть работы, посвященные

---

[13] Кравченко С. А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. – М.: Анкил, 2009; Кравченко С. А. Социальная диагностика рисков, уязвимостей, доверия. – М.: МГИМО-Университет, 2016; Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. – М.: Восточная литература, 2010; Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

[14] Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010; Hidalgo D. A., Barber K., eds. Narrating the Storm: Sociological Stories of Hurricane Katrina. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007; Pillwein S. Climate Refugees: Klimawandel und Migration am Beispiel des Inselstaats Tuvalu im Pazifik. – Hamburg, Diplomica Verlag GmbH, 2013.

[15] Gill T., Steger B., Slater D.H, eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. – Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013; Pillwein S. Climate Refugees: Klimawandel und Migration am Beispiel des Inselstaats Tuvalu im Pazifik. – Hamburg, Diplomica Verlag GmbH, 2013; Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010; Hidalgo D. A., Barber K., eds. Narrating the Storm: Sociological Stories of Hurricane Katrina. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007; McDonagh S. Fukushima: The death knell for nuclear energy? Dublin, The Columba Press, 2012; National research council of the National Academies. Lessons Learned from the Fukushima Nuclear Accident for Improving Safety and Security of U.S. Nuclear Plants. – Washington, D.C., The National Academies Press, 2014.

[16] Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? // Социологические исследования, 2016, № 1; Яницкий О.Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы. Социологические исследования, № 1, 2012; Marriner N., Morhange Ch., Skrimshire S. Geoscience meets the four horsemen? Tracking the rise of neocatastrophism // Global and Planetary Change, 2010; Longo S.B., Clark B. An Ocean of Troubles: Advancing Marine Sociology // Social Problems, 2016. V. 63 (4).

инвайронментализму, то направлены они на изучение экологической культуры и экологического сознания[17]. Однако в связи с обширностью проблематики «новых» экологических катастроф многие из них описывают их особенности с точки зрения философии и социологии культуры, либо более конкретны, прикладные и относятся к изучению экологического сознания. Собственно социологической рефлексии «новых» катастроф и нового катастрофизма в них нет.

Теоретико-методологическую базу исследования составили подходы современных теоретических социологов, обративших внимание на инвайронментальные вызовы обществу и выдвигающие идею единой социоприродной реальности – Дж. Урри, Э. Гидденс, У. Бек, З. Бауман, О.Н. Яницкий. Использованы концепции, сложившиеся в рамках социологии катастроф, социологии риска, теорий социальной уязвимости и инвайронментальной социологии. Применены методологии анализа социальной коммуникации Н. Лумана и социального конструирования реальности СМИ, методологии исследования нарративов.

Эмпирическая база диссертационного исследования. Мы провели кейс-стади аварии на АЭС Фукусима для иллюстрации теоретико-методологического анализа «новой» катастрофы на основании социологической и антропологической литературы. Второй частью исследования стал анализ нарративов, возникших вокруг катастрофы, и контент-анализ заголовков изданий на четырех языках, отобранных за период с 11 марта по 31 марта 2011 г. Это следующие СМИ: японская газета “The

[17] Ефимов К. М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.04. – М., 2005; Марар О. И. Экологическая культура в современном российском обществе: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.06. – М., 2012; Зорина А. Е. Социальная ответственность бизнеса и экологические установки населения (на примере общности в условиях риска): дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. – М., 2015; Калиева А. Д. Влияние экологической ситуации России на формирование экологического сознания населения региона: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. Волгоград, 2010; Катерный И. В. Инвайронментализм в социальной философии: методологические и мировоззренческие аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2004; Кулясов И.П. Сравнительный социологический анализ экологической модернизации в России. Диссертация. – СПб, 2005; Платонов К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. СПб., 2017; Родичева И. В. Социологический анализ трансформации массового экологического сознания: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. – Иркутск, 2009.

Japan Times", американская газета "The New York Times", французская газета "Le Monde", британские BBC и газета "The Daily Mail", немецкий журнал "Der Spiegel", российские РИА-Новости и газета «Комсомольская правда». Исследовано более 200 заголовков. Выбор был обусловлен желанием представить наиболее широкий диапазон данных из стран, для которых атомная энергетика является одним из важнейших в энергетической отрасли, необходимостью показать разные типы изданий и восприятие картины катастрофы в нескольких языковых мирах. Были использованы архивов статей за 2011 г., которые можно найти в интернете. Временной диапазон с момента аварии до конца марта 2011 г. объясняется тем, что это период пикового интереса к событию, достаточно длинный для того, чтобы показать динамику осмысления и отражения этого события.

В качестве источников практической, эмпирической информации о современной экологической ситуации послужили доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата ООН 2014 г. и доклады ЮНЕСКО и других агентств ООН, ВОЗ, движений в защиту окружающей среды WWF и Greenpeace, релевантные теме статьи онлайн-СМИ, таких как The Guardian, The New York Times; Al Jazeera, Reuters, National Geographic, The Australian, ТАСС и РИА Новости[18].

[18] The Intergovernmental Oceanographic Commission (IOC) of UNESCO. Look deeper. An introduction to the role and functioning of the IOC of UNESCO with suggested guidelines for promoting the IOC's mission and programmes. – Paris, UNESCO, 2006; Greenpeace website. The problems of air pollution [website] // URL: http://www.greenpeace.org/eastasia/campaigns/air-pollution/problems/ (accessed 05.07.2017); IPCC Climate Change 2014 Synthesis Report [Website] URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_All_Topics.pdf (accessed 04.04.2017); National Geographic website. Freshwater crisis [Website] // URL: http://www.nationalgeographic.com/freshwater/freshwater-crisis.html (accessed 14.05.2017); Ulrich K. Fukushima nuclear disaster and the violation of women's & children's human rights // Greenpeace International [Website] URL: http://www.greenpeace.org/international/en/news/Blogs/nuclear-reaction/fukushima-nuclear-disaster-and-the-violation-/blog/58873/ (accessed 02.06.2017); UN Food and Agriculture Organization (FAO). Livestock a major threat to environment [Website] // URL: http://www.fao.org/newsroom/en/news/2006/1000448/index.html (accessed 18.04.2017); UN Press Release. Conference on cooperation of cities and citizens to cultivate 'eco-society' to be held at Tokyo, 26-29 May [Website] URL: http://www.un.org/press/en/1998/19980522.eco4.html (accessed 04.06.2017); WHO (World Health Organization). Avian influenza: assessing the pandemic threat. Geneva, 2005; WHO (World Health Organization). Cumulative number of confirmed cases of avian influenza (A/(H5N1) reported to WHO. Geneva, 2007; WMO Statement ontheStateoftheGlobalClimatein 2016. [Электронный ресурс] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (accessed 04.04.2017); World Health Organization website. Ambient (outdoor) air quality and health [website] // URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs313/en/ (accessed 04.03.2017); World Population Prospects: The 2015 Revision [Website] // URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/events/other/10/index.shtml

Объектом диссертационного исследования являются социологические рефлексии «новых катастроф» в экологической сфере.

Предмет исследования – экологические, социологические, антропологические и публицистические тексты, представляющие дискурс о «новых катастрофах» и их проявлениях.

Цель работы – осуществить теоретико-методологический анализ социологических рефлексий и социальных аспектов «новых катастроф», включая рефлексию социального метаболизма аварии на Фукусиме.

Цель работы определяет постановку и решение следующих **задач**:

1) Рассмотреть развитие социологической теории в контексте инвайронментализма и катастрофизма;
2) Систематизировать категориальный аппарат, связанный с социальными аспектами новых катастроф и неокатастрофизмом;
3) Проанализировать различия между «старым» типом катастроф и «новым»;
4) Изучить специфику отображения «новых катастроф» в естественно-научных и социологических текстах;
5) Выявить особенности отображения в СМИ «новых катастроф»;
6) Привести пример теоретико-методологического анализа кейс-стади аварии на АЭС Фукусима («новой катастрофы») – и на этом примере выявить возникшие вокруг этой катастрофы нарративы.

Гипотеза исследования. В данном диссертационном исследовании предполагается, что новый подход к изучению экологических катастроф в социологии означает своего рода praxis – и принципиально иные пути выхода

(accessed 06.04.2017); World Wildlife Fund (WWF) review of deforestation [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/deforestation (accessed 06.04.2017); World Wildlife Fund (WWF) reviewofoverfishing [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/overfishing (accessed 06.04.2017) Safdar A. IOM: Refugees dying at quicker rate in Mediterranean // Al Jazeera, Sept 17, 2017. [Website] URL: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/09/iom-refugees-dying-quicker-rate-mediterranean-170917035605080.html (accessed 20.09.2017); UN Migration Agency. Mediterranean Migrant Arrivals Reach 131,772 in 2017; Deaths Reach 2,556 // IOM press-release, Sept 19, 2017. [Website] URL: https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reach-131772-2017-deaths-reach-2556 (accessed 20.09.2017); Wallace R. Japanese press baulks at push for 'fascist' secrecy laws // The Australian. Nov 25, 2013. [Website] URL: http://www.theaustralian.com.au/business/media/japanese-press-baulks-at-push-for-fascist-secrecy-laws/news-story/062748f2a68dba90d121a02f7c1d9fe0 (accessed 20.09.2017).

из кризиса, которые могут предложить социологи. Укорененность «новых катастроф» в социальной структуре позволяет предполагать, что, возможно, у проблем окружающей среды подобного рода не может быть решений, лежащих исключительно в плоскости экологических и естественных наук, здесь должно быть взаимодействие социальных, гуманитарных и естественных наук – так называемый гуманистический поворот[19].

Выбор **методики исследования** обоснован необходимостью изучить большое количество теоретической информации. Среди методов, которые были использованы: метод восхождения от абстрактного к конкретному, необходимый для реконструкции объекта исследования, гипотетико-дедуктивный метод, необходимый для построения гипотез о предмете исследования. Кроме того, для более непосредственной работы с предметом исследования были методы сравнения, индукции и дедукции и другие общенаучные методы. Значимыми для работы были методы кейс-стади и контент-анализа.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в рассмотрении «новых катастроф» в экологической сфере, выявлении их «текучести» – принципиального отличия от прежних, старых катастроф, изучении социологических теорий, ограниченных пространственно-временными параметрами, посвященных анализу катастроф; обновлении социологического теоретико-методологического инструментария анализа катастрофы. Кроме того, возможности этого инструментария с акцентом на действии СМИ и их нарративов показаны на кейсе аварии на АЭС Фукусима в Японии – примере последней крупнейшей, планетарной атомной аварии.

Практическое значение работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в учебных программах, лекционных курсах и семинарах, посвященных инвайронментальной социологии. Кроме того, ее основные положения возможно использовать при анализе

[19] Кравченко С.А. Становление сложного социума: за гуманистический поворот // Вестник МГИМО-университета, №: 6 (33), 2013. С. 220–224.

международного взаимодействия, посвященного современным экологическим проблемам и урегулированию социальных последствий крупных экологических катастроф.

Научная новизна диссертации:

1) На основе проанализированных социологических рефлексий отношений общества и природы определены теоретико-методологические основания дискурсов, возникших вокруг «новых» катастроф, и анализа социальной составляющей экологических катастроф;
2) Обновлен категориальный аппарат анализа социальной составляющей «новых катастроф»;
3) Дано авторское определение «новых катастроф», выявлены теории, которые различают «старые» и «новые» катастрофы;
4) Предложены типы «новых» катастроф и выявлены особенности освещения новых катастроф в СМИ;
5) Используя эксплицированные теоретико-методологические основы изучения катастроф, проведен комплексный социологический анализ социально-экологического метаболизма катастрофы на АЭС Фукусима-1;
6) Дифференцированы особенности нарративов «новых катастроф» на примере катастрофы в Японии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Опираясь на подходы инвайронментальной социологии, теории риска У. Бека, «нормальных аварий» Ч. Перроу, теории уязвимости, «парадокса» Гидденса, неокатастрофизма Дж. Урри, теории экологической коммуникации Н. Лумана, – мета-теоретизирование об отношениях окружающей среды и общества, – неокатастрофизм может быть концептуализирован в настоящее время как теоретико-методологическое основание социологического изучения взаимосвязи социума и окружающей среды. Развитие теории проходило в несколько

этапов: редкие построения социальной теории на основе природных законов у отцов-основателей, возвращение к тематике отношений природа-общества через социальную психологию З. Фрейда и у социологов Франкфуртской школы, возникновение Чикагской школы социологии в начале XX в. Потом в 1970-е гг. возникла новая экологическая парадигма, которая в 1990-е гг. распалась на критический реализм и социальный конструктивизм, возникла теория экологической модернизации.

2. Категориальный аппарат анализа социальной составляющей «новых катастроф» концептуализируется посредством обращения к социально-экологическому метаболизму катастроф, то есть сложные обменные процессы между обществом и природой в процессе разворачивания и затухания катастрофы, согласно определению О. Н. Яницкого. Выделяется несколько концептуальных блоков, характеризующих разные аспекты метаболизма. Во-первых, происходит обращение к «новым катастрофам» как к феномену, рассматриваемому с помощью представлений о «нормальных авариях», каскадирующих катастрофах, патологической окружающей среде, поврежденном сообществе и травме, ландшафте катастроф. Эти аспекты свидетельствуют об изменении понимания сути катастроф как непосредственно социо-природного явления, оставляющего глубокий след на функционировании сообществ и окружающей среды. Во-вторых, концептуализируется человеческая сторона катастрофы (экологические беженцы, солидарность жертв риска, приспособляемость и уязвимость, стигматизация и виктимизация, экофеминизм). Третий аспект концептуализации связан с отражением катастроф в СМИ. Он представлен анализом фреймов катастрофы и ее нарративов (включая транслируемые), секвестрации знания, информационной неуверенности, нарративов жертвы и героя.

3. В отличие от «старых» катастроф, «новые» они не однократны и несут с собой парадоксальные риски, они глобальны, а не локальны. Несмотря на то, что ответственность за борьбу с последствиями катастроф лежит на уровне правительств, de facto тяжесть последствий катастроф несут местные жители и международные неправительственные организации, которым приходится принимать решения в условиях информационной неуверенности и секвестрации знания, исходящей от национальных властей. «Новые катастрофы» имеют транснациональный характер, т.к. чувство коллективного страха распространяется на людей не только из-за их территориальной близости к катастрофе. В этом состоит эмансипирующий характер катастроф, заставляющий задуматься о взаимосвязанности людей и планеты и необходимости понимания этого властями.

4. Типы «новых» катастроф были предложены в соответствии с их воздействием на человека: от глобального уровня до индивида. К ним относятся: 1) планетарные изменения, вызванные трансформацией климата; 2) антропогенные изменения, к которым можно отнести загрязнения почв, вод, атмосферы и проч.; 3) высокомобильные эпидемии. Все они в сознании людей конструируются СМИ, и взаимосвязаны в своей многополярности, в воздействии на каждого человека, вне зависимости от рискогенности места проживания. Социальные институты, способные разрешить проблемы реабилитации после «новой» катастрофы – это религия, образование, а также как отдельный путь выхода из кризиса – нарративные практики и психотерапия. Это обусловлено наращиванием социального капитала, необходимым для преодоления травм, помощи пострадавшим и воспитания бережного, системного и рационального отношения к природе и энергии.

К особенностям освещения «новых» катастроф в СМИ относится то, что транслируемые сообщения встраиваются в единый

апокалиптический мета-нарратив, в котором журналисты конструируют реальность беззащитности перед ударом стихий, противопоставляя человека природе, и, в то же время, говоря о безопасности технологий.

5. Методология исследования «новых» катастроф была показана в изучении кейса аварии на АЭС Фукусима. Это соединение антропологического и социологического анализа, раскрывающего техническую и природную составляющие, высок и человеческий фактор. В нее включен процесс социально-экологического метаболизма, исследование социально конструируемой уязвимости и приспособляемости, солидарностей жертв риска, проявленную в совместных действиях волонтеров и местных жителей. Экологическая и радиационная обстановка замалчивалась властями, и происходила информационная секвестрация. Наряду с дисфункциональными последствиями катастрофы были и функциональные. Проявления эмансипирующего катастрофизма в этом кейсе заключаются в том, что весь мир, узнав об аварии на АЭС Фукусима, по-новому обратился к проблемам безопасности ядерной энергетики и переосмыслению отношений «окружающая среда – общество», в волне экофеминизма, с которой женщины стали более самостоятельными в отстаивании своих интересов.

6. Возникшие в Японии и в мире нарративы вокруг четверной катастрофы (землетрясение, цунами, авария, волна слухов) 11 марта 2011 г. можно разделить на локальные и транслируемые. Пять локальных нарративов, глубоко укорененных в национальной культуре, призваны облегчить травму и справиться с ней – или же стигматизировать жертвы (сопоставляя, например, нарративы *mujo* – выживания несмотря на превратности судьбы, и индивидуальные нарративы самоизоляции вплоть до самоубийства и жертвы). К ним же относятся нарративы

природной и антропогенной катастрофы, первый рассматривается, как «кара небес», а второй – замалчивается.

Транслируемые транснациональные нарративы рассматривают трагедию сквозь призму западного взгляда на жизнь. Проведенный нами контент-анализ более 200 заголовков газет шести стран выявил семь нарративов, которые объединяли четверную катастрофу в общее понятие «кризис», основное внимание уделялось радиации и ее возможному загрязнению территорий их стран. Кроме того, было показано и человеческое лицо трагедии: от разрушенных цунами семей и оставленных людей («человеческая сторона») до «героев-спасателей». Есть и нарративы «сухих фактов», «мнимого спокойствия», «поиска виноватого», «судного дня», «сопоставления ситуации».

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях (общий объем 3,38 а. л.):

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ:

1. Перова А. Е. Роль СМИ в освещении «новых» катастроф: нарративы и риски // Коммуникология. Т. 5, №5, 2017. С. 46–58.
2. Перова А. Е. Локальные нарративы «новой» катастрофы на примере аварии на АЭС Фукусима-1 в Японии // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 2 (786), 2017 г. С. 226–234.
3. Перова А. Е. Транслируемые нарративы «новой» катастрофы: кейс-стади аварии на АЭС Фукусима-1 // Вестник университета, № 11, 2017. С. 166–172.
4. Перова А. Е. Неокатастрофизм в экологической сфере: социологические рефлексии // Вестник университета, № 12, 2017. С. 205–210.

5. Кравченко С. А., Перова А. Е. «Новый катастрофизм» и будущее: востребованность нелинейного знания (на англ. яз.) // Вестник РУДН. Т. 17, №4, 2017. С. 449–459.

Также по теме были сделаны **доклады:**

- «Черный лебедь» Фукусимы: социологический взгляд на экологическую катастрофу // День науки в МГИМО МИ Д России в 2014 г.
- Экокатастрофы в России и за рубежом: сравнение кейсов Чернобыля и Фукусимы // День науки в МГИМО МИД России в 2017 г.
- «Новый катастрофизм» в инвайронментальной социологии: вызовы и последствия // XIV Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные и естественнонаучные факторы решения экологических проблем и устойчивого развития». – 22 сентября 2017 г.
- «Новый» катастрофизм и сценарии будущего в социологии Дж. Урри // XI Ковалевские чтения Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции). – 9 – 11 ноября 2017 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, описывается научная разработанность проблемы, формулируются цель и задачи исследования, определяются его научная новизна, теоретическая значимость, практическая ценность. Кроме того, в нем освещаются теоретические и методологические основы работы, объект и предмет исследования.

В **Главе 1. «Теоретико-методологические основы изучения социальной составляющей экологических катастроф в социологии»**

проводится анализ теоретических аспектов работ социологов, которые уделяли внимание вопросам экологии и взаимоотношения общества и окружающего мира. Рассмотрен вопрос «периферийности» экологической социологии и новизны «экологического поворота» для социологии в целом. Также в первой главе представлены концептуальные основы социологического анализа экологических проблем – рассмотрены наиболее значимые понятия, встречающиеся в социологической литературе.

В **Главе 2. «Социологический анализ аспектов “новых” катастроф»** последовательно рассматривается, в чем заключаются различия в формировании, протекании и развитии катастроф старого (включая «нормальные» аварии по Ч. Перроу) и нового типов. Проанализированы не только определения этих типов катастроф, но и на многочисленных примерах доказаны различия между ними. В частности, рассмотрен вопрос того, почему изучение случаев, относящихся к неокатастрофизму, не предполагает каких-либо шкал, этапов и границ.

В **Главе 3. «Авария на АЭС Фукусима-Даичи: кейс-стади “новой” катастрофы»** разобрана экологическая и техногенная катастрофа на АЭС Фукусима-Даичи, произошедшая в марте 2011 г. Рассмотрена предыстория аварии, в том числе и ее культурные предпосылки, увеличившие тяжесть последствий этого события. Кроме того, представлен анализ борьбы с последствиями катастрофы, где стало ясным разделение между простыми японцами и их трудами по восстановлению мирной жизни и работами местных компаний (в первую очередь Токийской энергетической компании, которая является владельцем АЭС). Наконец, на уровне макроанализа были изучены не только отражение последствий аварии для мировой экологии в СМИ и меры, предпринятые на уровне правительств, но и отклик международной общественности в лице НКО. С помощью контент-анализа мы разобрали и специфику подхода к освещению «новой» катастрофы и ее последствий в СМИ шести стран.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги проведенного исследования и формулируются основные выводы. Также в заключении сформулированы рекомендации для исследователей, которые захотят разрабатывать новейшую проблематику инвайронментальной социологии.

Объем диссертации составляет 206 страниц, библиографический список включает 202 использованных источника на русском, английском и немецком языках.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения социальной составляющей экологических катастроф в социологии

В первом параграфе проанализированы концепции, которыми оперирует инвайронментальная социология, социология катастроф и мета-теории ведущих социологов, рассмотрены понятия, которые будут задействованы в данной работе. Основное внимание в нем уделено концепции неокатастрофизма, как комплексной и в то же время встроенной в иерархию других понятий. В нем также раскрыты теоретико-методологические подходы к изучению экологических катастроф.

В работах отцов-основателей социологии сложно найти темы, связанные с вопросами отношений человека и окружающей среды и тем более экологии, но это не означает их полного отсутствия. Влияние природы можно найти в трудах Г. Спенсера, К. Маркса, в работах социологов Франкфуртской школы, наконец, в трудах социологов, основателей экологического направления социологии – Р. Парка и др. Помимо социологов-инвайронменталистов, в первую очередь Р. Данлэпа, необходимо рассмотреть и труды крупнейших социологов современности – Э. Гидденса, Дж. Урри, У. Бека, П. Штомпки и Дж. Александера, остановиться на работах русских социологов. Все эти социологи представляют собой разные дискурсы, существующие вокруг взаимосвязи природы и общества, показывающие их с разных сторон.

§1.1. Нарастание противоречий и уязвимостей в отношениях природа-общество как предпосылка экологического неокатастрофизма

Несмотря на всю новизну вызовов, которые поставил перед человечеством XX и XXI век в области экологии: от турбулентности климата до вымирания видов и защиты прав животных, – человечество размышляло об отношениях общества и окружающей среды со времен возникновения общества, а значит, и возникновения оппозиции культурного и природного.

Исторически сложилось так, что социальная теория была антропоцентричной, то есть зачастую игнорировала окружающую среду и

влияние ее факторов на общество[20]. Однако обратимся к античной философии и религиям, чтобы лучше понять корни, питающие современную социальную теорию и отношения человека и природы.

Философия Древней Греции началась, как поиски первоначала мира – и искали его философы в окружающей их природе: например, Фалес в качестве первостихии называл воду, Анаксимен – воздух, а Гераклит – огонь. Вселенная для древнегреческих натурфилософов полна гармонии, это космос, который противостоит хаосу.

В Месопотамии, языческих верованиях Ближнего Востока отношения человека с природой были сродни борьбе: люди, их постоянный труд и усилия, с помощью верховных богов боролись с первородным хаосом для того, чтобы «установить порядок»[21].

Противоположные взгляды – «гармонии с изобильной природой» – сложились на Востоке, в таких религиях, как буддизм, иудаизм. В Коране также есть предписания о том, какими должны быть отношения человека с природой.

Все мировые религии (христианство, буддизм, ислам, индуизм) разделяют одну черту – это сельскохозяйственные религии, возникшие после того, как человечество оставило первобытнообщинный строй охотников-собирателей и перешло к культурам, возделывающим землю, цивилизациям, строящимся в городах, являющихся центрами экономической, политической, религиозной и военной жизни. В иудео-христианской традиции, например, природа рассматривается, как «дикость», несущая угрозу привычному порядку. Согласно христианскому мировоззрению, отношения между человеком и природой изменились с грехопадением, человеку нужно возделывать землю «в поте лица своего», а вся религия строится в терминах «пастырства», то есть культуры выращивания овец. Христианство также

20See Barry J. Environment and Social Theory. NY: Routledge, 2005. Pp. 33–49.
[21]Hughes J.D. Ecology in Ancient Mesopotamia // D.Wall. Hutchinson Dictionary of Ideas. Oxford, Helicon, 1994. P. 34 citing Barry J. Environment and Social Theory. NY, Routledge, 2005. P. 34.

задает четкую структуру мира, во главе которой Господь Бог, затем следует иерархия небесных чинов, мужчина, женщина, животные и растения, металлы, минералы, камни и глина – так называемая «великая цепь творения».

Аборигены Африки, Австралии, Америки и Азии тоже обладают своим собственным, уникальным, характерным для их традиции восприятием окружающего мира. Она берет свои корни в анимизме – вере в духов леса и животных, поклонение природе и солнцу. По сравнению с иудео-христианской традицией и другими, более формальными религиями это гораздо менее антропоцентричные воззрения.

В эпоху Просвещения произошел важный, переломный момент в восприятии человеком природы и окружающего мира. Люди поверили в прогресс, в улучшение и освоение природы с помощью науки, техники и индустриального развития[22]. С пришествием индустриальной революции природа становится «расколдованной»[23].

Несмотря на обычное представление технического развития, как скачка в сторону эксплуатации природы, на самом деле многие экологические проблемы были заложены гораздо раньше, создавая тем самым предпосылки для дальнейшего насильственного использования ресурсов. Стоит только вспомнить подсечно-огневое земледелие, необходимое для того, чтобы сельское хозяйство получило земли, высвобожденные пожарами, уничтожающими леса. Или же существовавший в первобытную эпоху обычай загона добычи с помощью огня, когда неразумно убивались гораздо больше особей, чем это было необходимо. Так что можно утверждать, что человек на протяжении всей своей истории не жил в гармонии с природой.

В XIXв. с зарождением и развитием социологии к оппозиции общества

[22]Porter, R. The Enlightenment // The Hutchinson Dictionary of Ideas. Oxford: Helicon, 1994. P. 174 citing Barry J. Environment and Social Theory. NY: Routledge, 2005.P. 44.

[23] «Расколдовывание» природы – длительный процесс отказа от мистического или магического объяснения явлений природы, которое установилось еще в период первобытных обществ и античности.

и природы вернулись[24], а катастрофы при этом можно рассматривать, как производные от их столкновения. Так, одним из первых социологов, обративших внимание на эволюцию общества, развив идеи Ч. Дарвина, стал Г. Спенсер. Ему был свойственен органический взгляд на общество, которое он рассматривал, как суперорганизм, подчиняющийся тем же правилам и законам развития, что и любые другие живые организмы – так называемая «надорганическая эволюция». Несмотря на то, что он начал разрабатывать свою парадигму до появления теории Дарвина, впоследствии он использовал его идеи эволюции видов для того, чтобы объяснять, предсказывать и описывать социальные отношения между человеческими существами. По Спенсеру, человеческая природа подчиняется тем же объективным законам, что и природа в целом, и исключения в их трактовке обусловлены в первую очередь несовершенством их понимания. Основным законом можно назвать закон «беспредельной перемены»: все и в природе, и в человеке течет и изменяется, старое отходит в прошлое и уступает место новому, а людям приходится постоянно приспосабливаться к этим переменам. В свою очередь, природа отвечает происходящим изменениям и с помощью катастроф, которые только являются частью цепи этого процесса, катализатором изменений, происходящих не только в окружающем мире, но и в социуме. Например, общества, живущие в условиях неопределенности и риска, способны самоорганизоваться и быть готовыми к встрече с ударом стихии, как это обычно происходит в Японии и на западном побережье США.

Спенсер верил в существование «истинного», всеобщего закона, которому необходимо подчиняться, а не критиковать мир Божий и его устройство с точки зрения своего разума, много уступающего воле Творца. С этой точки зрения Спенсер сравнивает картину мира ученого и чиновника (что может найти отражение в подходе к изучению катастроф): в то время

[24]See Barry J. Environment and Social Theory. NY: Routledge, 2005. Pp. 61–70.

как ученого в своих исследованиях поражает открывающаяся перед ним гармония и красота мира, чиновник намеревается «сделаться самозванным опекуном всего мира» и исправить действие законов природы, мня себя «правителем вселенной». Г. Спенсер приводит такой пример этому: члены парламента настолько не верят в законы природы и так уверены в себе, что – если бы это только было возможно – они сковали бы вместе землю и солнце в порыве обезопасить свою жизнь и «подкрепить» центростремительные, гравитационные силы[25]. Это во многом и иллюстрация того, как происходят современные катастрофы, когда техника, призванная быть гарантом безопасности человека, прошедшая многочисленные проверки и проч., не выдерживает удара стихии и обнажает всю беспомощность чиновников и государственной машины перед лицом природы. Современные катастрофы словно ставят человека на его место, возвращают его с позиции «царя природы» к положению одного из ее обитателей, которому необходимо быть осмотрительным и заботиться о состоянии окружающей среды, не быть бездумным потребителем ее ресурсов.

Совсем иной взгляд был свойственен К. Марксу и Ф. Энгельсу, здесь дискурс строится вокруг рассмотрении природы в оппозиции к человеку. Основоположники классического марксизма считали, что отношения между человеком и природой выстраиваются в основном посредством труда, как «всеобщего условия для обмена веществ между человеком и природой, вечного естественного условия человеческой жизни»[26]. В процессе труда человек противостоит природе и ее материалам, а вот продукты труда в любом случае отстоят от условий, в которых они созидаются, скрывая их.

Социальные теоретики рассматривали эволюцию человеческого общества: от первобытнообщинного строя до коммунизма. В примитивных обществах труд строился либо на кровнородственных связях, либо на

[25] Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. Киев: Гама-Принт, 2012. С. 293.
[26]Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., Государственное издательство политической литературы, 1960 г. С. 195.

отношениях непосредственного господства и подчинения. При капитализме же происходила эксплуатация теми, кто владел капиталом, фабриками, заводами и прочими средствами производства, тех, кто трудился: простых рабочих, пролетариата, равно как и ресурсов производства. Таким образом, индустриальное развитие обусловило насилие зажиточного класса, капиталистов, над природой, породило и усиление человеческого неравенства, отчуждение от плодов труда рабочих классов. Однако К. Маркс предлагал и идею того, что при коммунизме, на последующей ступени развития человечества, природа может быть эксплуатирована еще в большей степени, так как капитализм сдерживает научно-технический прогресс. С другой стороны, при коммунизме эти высвобожденные ресурсы должны были идти на обеспечение социально-экономического равенства.

Ф. Энгельс, как ученый, в большей степени интересовавшийся вопросами натурфилософии, чем К. Маркс, стал автором труда, озаглавленного «Диалектика природы»[27]. В нем, помимо вопросов химии и механики, Энгельс останавливается и на том, какую роль играл и продолжает играть человек в освоении природы. Он подчеркивает, что человек – со всей его плотью, кровью и даже разумом – является частью природы, и совсем не всегда выступает царем-победителем или внешней завоевательной силой. Природа способна «мстить», согласно Энгельсу. У многих действий человека, нацеленных на освоение природы, существуют долгосрочные, непредвиденные последствия. В качестве примера социолог приводит освоение пахотных земель, выкорчевывание лесов в Месопотамии, Греции и Малой Азии, что в дальнейшем привело к опустыниванию и возникновению «мертвых» земель – феномену, о котором мы будем говорить в этой работе. Таким образом, Ф. Энгельса можно назвать одним из социологов, предвосхитивших основополагающую идею «нового» катастрофизма –

[27]Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М., Государственное издательство политической литературы, 1961 г. С. 495–496.

отложенных негативных последствий деятельности человека в период антропоцена.

Однако значительная часть «отцов-основателей» социологии, таких как М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, В. Парето и проч., не рассматривали в своих работах вопросы взаимоотношений человека и общества. Возможно, это связано с тем, что они, с одной стороны, всячески старались отмежеваться от психологии и биологии, а, с другой стороны, концентрировались исключительно на социальной теории самой в себе, на теориях развития общества. Хотя, с другой стороны, некоторые социологи, такие как Баттел и Хамфри, доказывают, что и у них можно найти основания инвайронментальной теории. Маркс, Дюркгейм и Вебер «инкорпорировали то, что мы можем рассматривать, как экологические компоненты в свои работы». Например, у Дюркгейма можно найти биологические аналогии социальным фактам, метафоры черпал он в дарвинистской эволюции, а Вебера можно назвать «экологическим материалистом», так как он анализировал «взаимосвязи географии, климата, природных ресурсов и материальных аспектов технологии в структуре и изменениях исторических социальных структур»[28].

Но были и более явные, не настолько имплицитные исключения[29]. З. Фрейд, создатель современной теории психоанализа, занимался и вопросами взаимоотношения человека и окружающей среды. В работе «Недовольство культурой»[30] он говорит о том, что подавление «внешней», окружающей природы может быть признаком подавления природы внутренней, внутреннего мира человека. Дискурс строится вокруг солидарности человечества в попытке обретения господства над природой, которую следует обезвредить, с которой приходится бороться с помощью развития технологии и под руководством науки. Это проявляется не только в

[28] Dunlap R. E., Buttel F. H., Dickens P., Gijswijt A., eds. Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 39–40, 74.
[29] BarryJ. EnvironmentandSocialTheory. NY, Routledge, 2005. Pp. 80–87.
[30] Фрейд З. Недовольство культурой. М.: Фолио, 2013 г.

подчинении ресурсов внешнего мира, но и – при социальном прогрессе и развитии цивилизации – подчинении внутренней природы, ее диких, разрушительных или темных сторон. Фрейд противопоставляет цивилизацию и природу, говоря, во-первых, об оппозиции культуры и природы, и, во-вторых, о необходимости подавления природного для создания социального порядка. Но в этой работе он приходит к выводу о том, что подобное противопоставление счастья человеку не приносит.

Отдельный интерес вызывает Франкфуртская школа[31], как создавшей дискурс, наиболее отчетливо показавший философские корни потребительского отношения к природе, причем как внутренней, человеческой, так и внешней – окружающей среде. Ее часто называют критической теорией, так как она строится на критическом анализе идей Просвещения и связанных с ним моделей поведения и доминирующего социального порядка. Среди ее представителей можно назвать следующих: М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас. В определенном смысле они продолжили теорию Фрейда, сравнивая и сопоставляя внутреннюю природу человека и внешний мир, его условия и законы.

В известной работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» содержится раскрытие, критическое изучение «темной» стороны модерна, цены и опасностей, скрытых в его развитом технологическом, индустриальном обществе, а также в доминирующем в нем стиле мысли и поведения. Как пишет С. Фогель[32], «критика Франкфуртской школой современного общества была предложена в каком-то смысле «во имя природы» – и той нарушенной внутренней природы людей, попавших в фатальную диалектику Просвещения, и внешней природы, лишенной всех качеств, кроме тех, что позволяют сделать ее подверженной человеческому использованию». В этом смысле Хоркхаймера и Адорно можно назвать

[31]See Barry J. Environment and Social Theory. NY: Routledge, 2005. Pp. 84–92.
[32]Vogel, S. Habermas and the Ethics of Nature // R.Gottlieb. The Ecological Community: Environmental Challenges for Philosophy, Politics and Morality. London: Routledge, 1997. P. 175 citing Barry J. Environment and Social Theory. NY: Routledge, 2005. P. 84.

продолжателями идей З. Фрейда, однако они пошли дальше, анализируя происходящие в психике и вовне ее процессы с точки зрения социологии, а не только психической теории.

Основная проблема для них заключалась в том, что инструментальное использование природы породило институты, способы мышления и действия, которые нелегитимно «распространились» на человеческие, социальные и межличностные, отношения. Доминирование над окружающей средой, ее эксплуатация ведет к эксплуатации, превосходству над людьми. Люди получили, с одной стороны, прекрасное экономическое обеспечение, с другой стороны, никогда еще природа не была столь подавлена – и единичный человек столь «аннулирован»[33]. Этот дисбаланс создает внутреннее напряжение, которое и прорывается катастрофами.

Социальные институты, возникшие в эпоху Просвещения, как виды рациональности, подходящей для взаимодействия между человеком и природой, содержали в себе возможность переноса и на отношения между людьми, где они становились опасными и вредными. Люди учились у природы, но, к сожалению, только ее слепой беспощадности: тому, какими путями стоит поработить и ее, и человека. Социологи сравнивали «развенчивание» природы, господство над ней с образом женщины в буржуазном обществе – «с загадочным образом неотразимости и бессилия»[34]. В своем труде они развивают эту мысль, говоря, что механизмом социального господства природа рассматривается в качестве целительной противоположности обществу, что приводит к тому, что ее образы (такие как зеленеющая травка и голубое небо) «распродаются по дешевке»[35].

Как следствие подавления природы, в обществе начинает царить черствость, с которой сталкиваются еще с раннего детства. Как писали Хоркхаймер и Адорно, «друг от друга и от природы люди отчуждены столь

[33]Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М., Медиум, 1997 г. С. 12.
[34]Там же. С. 94.
[35]Там же. С. 186.

радикально, что все, что они знают – это только то, для чего нужны они друг другу и что они способны друг другу причинить. Каждый является фактором, субъектом или объектом той либо иной практики, чем-то, с чем надлежит считаться или с чем более считаться не следует»[36].

Как видно, для Хоркхаймера и Адорно и люди, и живая природа в отношениях друг ко другу стали терять живость и привлекательность, в своей беззащитности перед самими собой они обрели некую механистичность. Для более четкого определения этого состояния социологи также употребляли термин К. Маркса, «отчуждение», однако у них он заиграл другими красками: словно вместе с отдалгением от настоящей природы человек отчуждался и от собственного внутреннего мира, его красоты и преходящести.

Еще один социолог Франкфуртской школы, Г. Маркузе прямо останавливался на изучении трудов З. Фрейда. В своей работе «Эрос и цивилизация» он описывает отношения между инстинктом к смерти и эксплуатированием внешнего мира. По Маркузе, весь прогресс цивилизации строится и делается возможным только благодаря трансформации и задействованию инстинкта к смерти или его производных: агрессивные импульсы направляются на продолжающуюся эксплуатацию природы и усовершенствование средств, позволяющих это делать с наибольшей выгодой для человечества.

Вслед за Фрейдом, которого он считает не индивидуальным, а социальным психологом, Маркузе пишет о том, что репрессия – феномен исторический, так как у его истоков стоит человек, и в первую очередь она проявляется в методичном подавлении либидо[37]. Цивилизация, конечно, предоставляет небывалые экономические, технологические и промышленные плоды, но делается это не за счет созидательного инстинкта Эроса, а за счет

[36]Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М., Медиум, 1997 г. С. 305.
[37] См. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2003.

разрушительного Танатоса. В конечном счете это приводит к деструктивному господству не только и не просто над природой, но и над другим «Я».

Развив эту идею, мы можем сказать, что она иллюстрирует связи подавления и репрессии, существующие в политике, когда социальный статус людей у власти позволяет им доминировать и над процессами истощения ресурсов природы и попытками ее реанимации, и над обывателями, которые являются потребителями рисков и с точки зрения стихийных бедствий, и с точки зрения решений правительств.

Маркузе говорит о том, что вместо «репрессивного» доминирования над природой, свойственного современным индустриальным обществам, необходимо «освободительное». Он выдвигает идею о том, что «ни одно свободное общество невозможно представить без того, что оно … прикладывает согласованные усилия, чтобы существенно уменьшить страдание, которое человек приносит миру природы»[38]. Такое «освобождающее доминирование» означает «окультуривание» или очеловечивание природы с помощью таких освобождающих физических и культурных трансформаций «дикой» природы, как парки, сады, сельскохозяйственные угодья, резервации и национальные парки. В этом можно найти эхо христианских идей о «совершенствовании природы».

На склоне лет Маркузе стал рассматривать возникающие в Европе и Северной Америке движения в защиту окружающей среды, как антикапиталистические социальные движения – нечто более обещающее, чем классовая борьба марксистов. Для него, они обещали достижение «эмансипирующих» целей, о которых он говорил, и создание «пост-капиталистического» общества. По словам Маркузе, «экологическое движение раскрывается, как политическое и психологическое движение освобождения. Оно политическое, так как противостоит концентрированной

[38] Marcuse H. Counterrevolution and Revolt. London: Penguin, 1972. P. 68, citing Barry J. Environment and Social Theory. NY, Routledge, 2005. P. 86.

силе большого капитала, угрожая его жизненным интересам. Оно психологическое, потому что … умиротворение внешней природы, защита живой окружающей среды также усмиряет природу внутри мужчин и женщин. Успешный инвайронментализм внутри индивидов подчинит деструктивную энергию эротической энергии».[39]

Еще один представитель Франкфуртской школы, Ю. Хабермас, в целом, в своих работах пытался показать, что единственный подход к природной окружающей среде, который мы имеем – инструментальный. Им руководят представления о том, как лучшим образом с точки зрения техники и производства мы можем эксплуатировать ее. В качестве одной из опасностей современности он называет коммуникативную, то есть необходимость предотвратить то, что человеческие социальные отношения могут свестись к инструментальным нормам, которые больше подходят сфере технологической манипуляции природным миром. Он не хочет того, чтобы мы рассматривали друг друга или относились к другим людям так, как мы относились к природе. Социолог говорит, что происходит не разрыв нравственной взаимосвязи, но потеря нравственности, как «категории жизненных отношений»[40].

В этом смысле Хабермаса можно сопоставить с другими социологами Франкфуртской школы, только вместо отчуждения и репрессивного доминирования ключевыми понятиями для него будет инструментализм.

В то же время Хабермаса заботило то, что альтернативой такого инструментально-технического подхода к природе (основанного на ее расколдовании) – это равно опасная стратегия «нового околдовывания» природы с помощью некоего мистического или духовного мировоззрения, следующая за ее «овнешнением» (или опредмечиванием и последующим присвоением)[41]. По его словам, этот феномен может найти выражение в

[39]Marcuse H. Ecology and the Critique of Modern Society// Capitalism, Nature, Socialism. Vol. 3 (3), 1992. P. 36.
[40]Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., Праксис, 2007. С. 101.
[41]Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., Праксис, 2007. С. 40.

«мистических философиях, либо в табу (ограничения вегетарианцев), либо в антропоморфном отношении к домашним животным, и остальном»[42]. Оба подхода являются равно опасными и катастрофичными по своей природе, так как первый обозначает отказ от человечности по отношению друг к другу и к природе, а второй – возвращение к язычеству в людских сердцах и умах, что так же склоняет к жестокости и безнравственности и задает определенные модели поведения, строящиеся на подобном насилии.

Хабермас сохраняет дуализм между природой и обществом, равно как и между типами знаний, характерных для этих двух сфер. Науки о природе, по его словам, позитивистские, то есть несущие объективное, ценностно не окрашенное знание, в то время как социальные науки нормативны, они зависят от ценностей и нормативных принципов.

Примечательно, что Хабермас говорит и о литературе, и именно перед ней ставит задачу «трансляции технически применяемого знания в практическое сознание социального жизненного мира»[43]. Тем самым он показывает искусство в качестве связующего звена между мирами природы, науки и человека, а также способно вернуть нас к нарративным практикам, как несущим исцеление и просвещение для пострадавших от катастроф людей.

Как и Маркузе до него, Хабермас рассматривает подъем движений в защиту окружающей среды, как значительный и важный тип «нового социального движения», который находится «за гранью левых и правых». Он имеет в виду, что политика «зеленых» не озабочена распределением экономического пирога, безработицей, потреблением, доходами, богатством и т. д. Они, наравне с движениями за права сексуальных меньшинств и феминизмом, стремятся бросить вызов существующим институциональным и моральным порядком, вынося на первый план политической борьбы вопросы

[42]Habermas J. ‘A Reply to My Critics’ // J. Thompson and D. Held.Habermas: Critical Debates. London, Macmillan, 1982. Pp. 244–245.
[43]Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 120.

идентичности и стиля жизни. Однако, если Маркузе видел политику инвайронменталистов, как радикальную и эмансипирующую, для Хабермаса она была «оборонительной», то есть действовала в качестве реакции на технологическое доминирование над миром природы современных развитых обществ.

Франкфуртская школа возникла в 1930-е гг., но для изучения корней инвайронментальной социологии вернемся немного назад и переместимся на другой континент. Здесь, в Америке, в 1915-е гг. возникла Чикагская школа социологии. Несомненно, она играет особую важность для становления экологической социологии, а ее расцвет пришелся на 1920–1940-е гг. В числе социологов, принадлежащих к этой школе: Р. Парк, Л. Вирт, Е. Берджесс и др. Методологической основой ей послужили идеи Чикагской школы философии, в первую очередь Дж. Дьюи[44].

Эта социологическая школа, подарившая миру социально-экологическую концепцию, рассматривала город, как социальную лабораторию. Ей была свойственна ориентация на эмпирические, качественные исследования, нацеленные, в конечном счете, на практическое применение, то есть проведение реформ. Теории, относящиеся к Чикагской школе – это теории социального взаимодействия, для нее характерны следующие термины: «социальные миры», «социальная эволюция», «чужой», «самость». Социально-экологическая концепция так и не оформилась в самостоятельную дисциплину и после школы использовалась в основном как метод[45]. В этом ее основополагающее отличие от Франкфуртской школы, направленной на более философский, критический анализ тенденций взаимоотношений человека и природы.

Важно отметить, что впоследствии, вместе с вспыхнувшей волной интереса к проблемам окружающей среды среди людей, в 1968 г. был образован Римский клуб, международная неправительственная организация,

[44] Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991. С. 14, 19.
[45] Там же. С. 29.

занимающаяся разработкой и продвижением изучения глобальных проблем. Именно в рамках его деятельности были созданы более 40 докладов, первый из которых – «Пределы роста» (1972 г.), а последний – «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» (2017 г.). Все они нацелены на обзор социально-экологических проблем, в них показаны различные стороны катастрофизма: от возрастающей бедности до гибели океанов и разорения природы, от проблем безработицы и занятости и до возникновения и роста новых медиа.

Но для всех выше перечисленных социологов вопросы взаимоотношения человека и природы, их внутренняя логика и законы являлись лишь частью их программы и не были в центре исследований.

Непосредственно инвайронментальная социология зародилась в 1970-е, когда в США резко стало возрастать число организаций в защиту окружающей среды, а деградация окружающей среды стала заботить не только экологов, но и так называемых инвайронментальных экономистов. Уже в 1976 г. создается секция инвайронментальной социологии в Американской социологической ассоциации[46]. Институционализацию этой отрасли социологического знания можно признать завершенной с формированием в Международной социологической ассоциации исследовательского комитета «Окружающая среда и общество» в 1992 г.

К социологам, внесшим значительный вклад в становление и развитие этой дисциплины на Западе, можно отнести Р. Данлэпа. Написанная им в 1978 г. в соавторстве с У. Р. Каттоном мл. знаковая статья «Инвайронментальная социология: новая парадигма»[47] говорит, как и следует из названия, о парадигме, пришедшей на смену антропоцентричной и говорящей о превосходстве человека. Эти социологи высказали идею о том, что ученые, изучающие социальные науки, зачастую игнорируют природу и

[46] Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991. С. 38–39.
[47] Catton W. R., Jr., Dunlap R. E. Environmental sociology: a new paradigm // The American Sociologist. 1978, Vol. 13. Pp. 41–49.

ее ограничения, как бы отделяя социальные процессы от физического мира, что в корне неестественно. Со ссылкой на доклад Римскому клубу «Пределы роста» и социальные движения в защиту природы, возникшие в Америке в 1960-е, социологи говорят о важности попытки понимания новых социо-природных тенденций и катастроф, ими продуцируемых, без опоры на традиционную социальную теорию, которая может им – даже неосознаваемо – воспрепятствовать. Они противопоставили «Новую инвайронментальную парадигму» (New Environmental Paradigm, NEP) классической или доминирующей «Парадигме человеческой исключительности» (Human Exceptionalism Paradigm, HEP). В частности, Каттон и Данлэп предложили следующее сравнение парадигм в социальной теории (табл. 1)[48].

Таблица 1. Черты доминирующей и альтернативной парадигм

Парадигма человеческой исключительности	**Новая инвайронментальная парадигма**
Люди уникальны среди созданий Земли, так как у них есть культура.	Люди – это только один из многих видов, которые взаимозависимо задействованы в биотические сообщества, которые формируют нашу социальную жизнь.
Культура может варьироваться практически бесконечно, и меняться гораздо быстрее, чем биологические черты.	Хрупкие причинно-следственные связи и обратная связь в природной сети производят многочисленные непреднамеренные последствия человеческих действий, имевших под собой определенные цели.
Тем самым, многие человеческие различия насаждаются социально, а	Мир конечен, так что существуют потенциальные физические и

[48] Catton W. R., Jr., Dunlap R. E. Environmental sociology: a new paradigm // The American Sociologist. 1978, Vol. 13. Pp. 43, 45.

не являются врожденными; они могут быть изменены обществом, а нежелательные черты могут быть искоренены.	биологические ограничения, сдерживающие экономический рост, общественный прогресс и другие социальные явления.
Таким образом, также, прогресс может продолжаться безгранично, делая любые возможные социальные проблемы потенциально разрешимыми.	

Данлэп и Каттон доказывают, что новая парадигма расширяет горизонты социологов и способна показать цену, которую приходится платить за «неограниченный» рост, его экологические ограничения. В своих статьях они призывали сфокусировать внимание социологов на взаимодействии общества и природы, изучать эту междисциплинарную проблему, тем самым привлекая людей к более бережному отношению к окружающей среде, к признанию ее ограничений и возможных катастроф, возникающих из-за недальновидного отношения к природе.

Однако новая экологическая парадигма – не единственная в рамках инвайронментальной социологии, с ней соперничает влиятельная до сих пор производственная парадигма, представленная А. Шнайбергом, К. А. Гульдом, А. С. Вайнбергом и проч.[49]. Они рассматривают экологию в политико-экономическом контексте роста потребления и экономической экспансии, анализируют производственные модели, такие как конвейерное производство и его социальные и экологические элементы[50].

Кроме того, в инвайронментальной парадигме сложилось три типа ценностей[51]. Первое течение – биоцентрические ценности, говорящие о

[49] Dunlap R. E., Buttel F. H., Dickens P., Gijswijt A., eds. Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. P. 3.
[50] See Schnaiberg A., Pellow D. N., Weinberg A. The treadmill of production and the environmental state, in Mol A. P. J., Buttel F. H., eds. The Environmental State Under Pressure (Research in Social Problems and Public Policy, Volume 10). Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2002. Pp. 15-32.
[51] Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991. С. 82.

важности единения с окружающим миром, ценности, устанавливаемых природой. Второе течение – экологическая традиция, – рассматривает отношения общества с окружающей средой в терминах динамично сбалансированной системы, где ценностью представляется ее стабильность. Третья, утилитаристская традиция призывает к рациональному использованию ресурсов в интересах экономического роста, не призывая к консервации видов, но призывая к благополучию большинства людей в настоящем моменте. Все эти три ориентации противостоят антропоцентризму.

С ходом времени инвайронментальная социология не стояла на месте, и развитие ее шло в сторону усложнения. В 1990-е гг. она переживала «разрыв» между критическим реализмом и социальным конструктивизмом[52]. С точки зрения критических реалистов, необходимо идентифицировать структурные условия, способствующие развитию определенных экологических проблем. При этом они отказывались давать какие-то советы для поиска их решений, отрицая экспертное знание или участие в выработке политических решений, однако призывая общество к международному коллективному действию, направленному на борьбу с последствиями климатических изменений. Подход социальных конструктивистов отличается: несмотря на то, что они также не отрицают материальную реальность природы и ее изменений, они настаивают на том, что их существование нельзя отделить от знания человека о них, так как мы смотрим на природу сквозь «социальные линзы». Идея такой «социоприроды» основана на теории постструктуралистов, в частности, Ж. Дерриды. Они как раз настаивали на том, что решение проблем лежит в плоскости действий политиков, направленных и подкрепленных наукой. Впоследствии этот теоретический разрыв получилось разрешить, так как ученые сошлись на объективной реальности климатических изменений и на

[52] Redclift M. R., Woodgate G., eds. The International Handbook of Environmental Sociology, 2nd ed. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2010. P. 124–125.

том, что все споры рождались из-за разной расстановки акцентов, возникли и другие теории, например, У. Бека и Э. Гидденса, которых мы рассмотрим позднее.

Тогда же, начиная с 1980-х и развиваясь в 1990-е гг. в социологии появилось направление экологического реформизма, предложенное Ф. Баттелом, впоследствии ставшее концептом экологической модернизации (Ecological Modernisation Theory, EMT)[53]. Это понятие можно рассматривать, как «интерпретацию социальными науками процессов реформирования, касающегося окружающей среды, в различных масштабах в современном мире»[54]. Это относительно недавнее направление социологического знания изучает то, как различные институты и социальные акторы пытаются внедрить заботу об окружающей среде в свое ежедневное функционирование, развитие и выстраивание отношений с другими, включая связи с миром природы. С 1990-х гг. оно разрабатывается такими социологами, как А. Мол, Ф. Баттел и Г. Шпааргарен, а эмпирические исследования, использующие ее, как теоретический аппарат, проводятся по всему миру, включая Россию.

Среди изменений, которые эта теория уже зафиксировала, стали распространение систем управления окружающей средой, эко-налоги и страховки, связанные с влиянием на окружающую среду, экологическая осознанность бизнеса, а также интерес к сохранению и охране природных ресурсов и вторичной переработке отходов среди общества. Тот факт, что многие эти инновации и трансформации были встречены, как институциональные изменения, говорит об их устойчивом и долгосрочном характере[55].

В рамках теории экологической модернизации социологи отмечают три

[53] Mol A. P.J., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A. Ecological modernisation: three decades of policy, practice and theoretical reflection // The Ecological Modernisation Reader: Environmental reform in theory and practice. Mol A. PJ., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A., eds. London: Routledge, 2009. Pp. 3–6.
[54] Ibid. P. 4.
[55] [55] Mol A. P. J. Ecological Modernization and the Global Economy // Global Environmental Politics. Vol. 2 (2), 2002. P. 94.

волны, когда вспыхивал интерес к инвайронментализму. Во-первых, это произошло в 1972 г. с публикацией докладов Римскому клубу, когда внимание мирового сообщества привлекло устойчивое развитие, которому, в свою очередь, мешали проблемы окружающей среды. Тогда же, начиная с 1960-х возникло много общественных движений в защиту окружающей среды. Во-вторых, Конференция ООН по окружающей среде и развитию, проходившая в Рио-де-Жанейро с 3 по 14 июня 1992 г., подняла заботу об окружающей среде до мирового феномена. Такие вопросы, как опустынивание, нехватка воды, потеря биологического разнообразия, изменение климата – благодаря международному освещению СМИ – стали распространенным и важным предметом для обсуждения в мировых масштабах. В-третьих, присуждение Элу Гору Нобелевской премии мира в 2007 г., подытоживающее масштабную международную кампанию по ликвидации угроз глобального изменения климата, привлекло внимание общественности к этой проблеме уже на другом уровне. «Новая зеленая волна» отличалась не только акцентом на устойчивом производстве, планировании и транспортации, но и на устойчивом потреблении и более экологичном образе жизни.

В настоящее время теория экологической модернизации используется не только в геополитике и неправительственными организациями по всему миру, но и частными фирмами для «озеленения» производства. Она рассматривает глобализацию, или, как точнее выразился А. Мол, глобальный капитализм, как источник нового витка социальных и экологических разрушений[56], но и – в то же время – основание для унификации исследований в рамках этой теории, равно как и самих процессов, протекающих в политике. Эта теория занимает достойное место в инвайронментальной социологии и давно вышла за пределы северо-западной Европы, где родилась, используется в США и развивающихся странах. Она

[56] Ibid. P. 95.

позволяет противостоять современным катастрофам, предлагая пути выхода из кризиса постоянно нависших экологических катастроф.

Если вернуться к инвайронментальной социологии во всей ее полноте, то можно отметить, что в недавней книге, редактором которой выступил Р. Данлэп, «Изменения климата и общество: социологические перспективы»[57] есть все показатели того, насколько новая парадигма прижилась в Западной социологии. В книге последовательно разбираются антропогенные двигатели климатических изменений и катастроф: в первую очередь, это парниковые газы и изменение ландшафта Земли, однако свою роль играют и структурные социальные факторы, простирающиеся от микро- до макроуровня (решения, выборы и действия индивидов, вписанные в определенный исторический, экономический, социальный и культурный контекст, и государств, с их технологиями и уровнем экономического развития).

И все же, к сожалению, нужно констатировать, вместе с канадским инвайронментальным социологом Р. Мерфи и российским социологом О. Н. Яницким, что это направление социологической науки до сих пор не стало мейнстримом. «Социология и большинство других социальных наук игнорируют или стараются абстрагироваться от чрезвычайно существенных воздействий контекста на социальную и культурную жизнь общества. Эти факты ими упоминаются, но только используя собственный язык этих наук, причем всегда в кавычках или в скобках, а оценка биофизического контекста на социальную жизнь обычно откладывается на потом. Это всегда было ошибкой»[58].

Но пусть инвайронментальная социология и отстоит немного в стороне, проблемы окружающей среды стали вызывать новый, повышенный интерес у крупных социологов всего мира. В этом смысле данную тенденцию можно объяснить тем, что вызовы, которые ставит перед собой

[57] Dunlap R. E., Brulle R. J, eds. Climate change and society: Sociological perspectives. NY: Oxford University Press, 2015.
[58] Murphy R. Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009. P. 15, 342. Цит. по Яницкий О.Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 177.

современность и ее непрекращающаяся зависимость от явлений и ресурсов природы не могут не влиять на ход их мысли и научного теоретизирования. И, согласно О. Н. Яницком, предмет инвайронментальной социологии переориентируется с взаимосвязи «человек – природа» на информационные процессы, протекающие в обществе[59].

В качестве одного из ярких примеров данной тенденции можно назвать труд немецкого социолога, Н. Лумана – «Экологическая коммуникация»[60]. В нем социолог рассматривает общество, как систему коммуникаций, и, соответственно, экологические проблемы, которые оказываются в некотором роде внешними факторами по отношению к нему. Это объясняется тем, что они не могут стать социальными фактами, пока не станут предметом коммуникации и, таким образом, не будут замечены обществом, какими бы объективным они не были. Согласно Луману, это же явление нашло свое отражение в социологии: отцы-основатели оставили вопросы экологии естественным наукам и сконцентрировали свое внимание на «внутренних» вопросах общества (в пример он приводит «социальные факты» по Э. Дюркгейму или «социальные действия» по М. Веберу). Только в 1970-х гг. такие проблемы, как рост потребления невосполняемых ресурсов, снижение разнообразия биологических видов, развитие вирусов, неподконтрольных медицине, проблема загрязнения окружающей среды и перенаселение Земли стали темами социальной коммуникации. Но социология, по словам Лумана, оказалась к ним не готова с точки зрения существующих теорий. «Старая» социологическая теория, предполагавшая в том числе десакрализацию природы, которая стала, с одной стороны, «безвозвратно потерянной историей», а, с другой стороны, «предметом для исследований общества»[61], была нацелена на поиск виноватого и его наказание.

[59] Яницкий О. Н. Экосоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика // Институт социологии РАН. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 22.
[60] Luhmann N. Ecological communication. Cambridge: Polity Press, 1989.
[61] Luhmann N. Ecological communication. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 3.

Луман предлагает смену теоретического фокуса парадигмы, а также мировоззрения. Понятие «окружающая среда» было создано только в XIX в., оно коренным образом отличается от «живого» космоса, окружавшего и питавшего человека во времена Древней Греции и даже в Средние века. Получается, что определение природного мира словами «окружающая среда» выносит его за пределы системы и говорит о его целостности только через целостность системы общества. Смена парадигмы, по Луману, приведет к двум последствиям: (1) целостность социального должна рассматриваться, как меньшая и составная по отношению к целостности мира. Более точно, темой социологического исследования должно стать «целостность различия между системой общества и его окружающей средой»[62]; (2) идея элементов системы должна быть заменена от индивидуумов на самореферентные операции, которые могут быть произведены только внутри системы и с помощью сети подобных операций (аутопоэзис). Тогда общество, чья сложность была достигнута с помощью эволюции, будет рассматриваться и дифференцироваться от окружающей среды и других систем с помощью самовоспроизводящейся коммуникации.

Луман говорит о том, что признание этой теории позволяет по-другому обратиться к экологической проблематике, ведь проблему проще всего уничтожить в зародыше. Кроме того, это необходимо и для осознания того, что общественная система не всегда направлена на адаптацию (если рассматривать ее развитие) и может погрузиться в опасности. Система формирует свои структуры, реагируя на раздражение со стороны окружающей среды, иначе она может перестать существовать. Но при этом она приобретает зачастую нереалистичную идею, что это окружающая среда адаптируется к ней, а не наоборот. В это же время система становится все более открытой, то есть чувствительной к изменениям окружающей среды – и все более «слепой» по отношению к ним. Таким образом, в самом процессе

[62] Ibid. P. 7.

развития общественной системы заложена угроза экологического саморазрушения. Также есть и возможность того, что воздействие системы на окружающую среду приведет к тому, что больше она в этой среде существовать не сможет.

Для системного анализа Луман вводит понятия «резонанса» (концепт, описывающий отношение между системой и окружающей средой) и бинарных кодов. С их помощью он последовательно рассматривает такие подсистемы общества, как экономика (ключ к ее пониманию в языке цен и стоимости), юриспруденция (язык норм), наука (правда или ложь в научных фактах), политика (отношение к власти: правительство или оппозиция), религия (отношение к Богу: имманентность или трансцендентность) и образование (хуже или лучше показатели успеваемости, место учебы, диплом и проч.). Все эти подсистемы общества способны рассматривать проблемы экологии, только если «переведут» их на свои языки. Например, для экономики это была бы стоимость восстановительных работ после очередной катастрофы, однако, если цену рассчитать сложно, в ход идет юриспруденция и законодательные нормы. Любая катастрофа способна «попасть» в сферу внимания общества, только в случае, если она будет закодирована на язык той или иной его подсистемы. В ином случае она будет проигнорирована.

В заключение Луман говорит о необходимости выработки инвайронментальной этики, причем этику следует рассматривать как «рефлексивную теорию морали»[63]. «Смелая» встреча экологических опасностей будет лежать именно в плоскости новой морали, новых ценностей, академической разработке новой этики. Это еще раз подтверждает тот факт, что экологические проблемы следует приписывать всему обществу, а не ошибкам в политике или экономике, или же недостаточному чувству ответственности некоторых людей.

[63] Luhmann N. Ecological communication. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 141.

Таким образом, Н. Луман, как крупный социолог-теоретик, стал рассматривать отношения природы и общества сквозь призму системы коммуникации, и ему удалось ввести свои понятия, релевантные происходящим при этом процессам. В дальнейшем схожим образом поступали и другие крупные ученые.

В последнее десятилетие английский социолог Э. Гидденс выдвинул оригинальную теорию «ускользающего мира», в которой рассматривал изменения, вызванные глобализацией.

Мир «ускользает из рук»[64] из-за рисков, которые невозможно предвидеть заранее – и вызванных такими тенденциями, как глобальная электронная экономика, возвращение женщин на рынок труда, употребление в пищу генетически модифицированных продуктов. Согласно Гидденсу, риск – это «динамичная мобилизирующая сила в обществе, стремящемся к переменам, желающем самостоятельно определять свое будущее»[65].

Развитием теории Гидденса стало рассмотрение инвайронментальной социологии, соединение глобальных изменений климата и новой политики, измененной в их свете.

В своей работе «Политика климатических изменений» Э. Гидденс задается двумя вопросами. В первую очередь социолога волнует, почему изменения климата, представляющие собой угрозу для человечества, не вызывают каких-либо конкретных действий со стороны людей, почему те ведут себя, как будто бы ничего не происходит. Второй вопрос, логически следующий из названия книги, можно сформулировать следующим образом: какие изменения в политике государств следует произвести, чтобы ограничить последствия турбулентности климата.

«Изменение климата» – понятие, укоренившееся в сознании людей: любой человек слышал о таянье льдов, повышении уровня мирового океана, глобальном потеплении. Мировые СМИ и серьезные научные издания

[64]Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 18.
[65]Там же. С. 40.

информируют об антропогенном факторе парникового эффекта – однако в габитусе мало что меняется, люди не склонны менять свои привычки, подстраиваясь под угрожающе меняющуюся окружающую среду. Дело в том, что угроза представляется «абстрактной и ускользающей»[66], и сколько бы во главу повестки дня не ставили климатические проблемы, для среднестатистического жителя Земли они остаются нереальными, их последствия кажутся отделенными от него во времени и пространстве.

В связи с этим социолог предложил новую идею: так называемый «парадокс Гидденса»[67]. Он заключается в том, что опасности, вызванные изменением климата, не являются реальными, немедленными или видимыми в ходе обыденной, повседневной жизни, а, значит, люди не станут предпринимать никаких действий, чтобы их предотвратить. Но к тому моменту, когда они станут ощутимыми и насущными, уже – по определению – будет слишком поздно. В этом сокрыта основная причина того, как современные катастрофы становятся «новыми» или принципиально иными: с ними невозможно справиться, так как корни их лежат в далеком прошлом и они незаметны глазу обычного человека, пока дело не доходит до крупных аварий или проблемных ярлыков, навешиваемых СМИ (на такие феномены, как, скажем, озоновые дыры).

Парадокс Гидденса проявляется практически на всех уровнях. Для многих людей изменение климата остается вопросом где-то на задворках сознания, и опросы показывают, что большинство, будучи осведомленным об угрозах, с ним связанных, тем не менее, не собирается предпринимать никаких конкретных действий по его предотвращению. Так, опрос, проведенный фондом «Общественное мнение» среди россиян в 2008 г.[68],показал, что 67% респондентов верят в реальность потепления. Однако из

[66] Giddens A. The politics of climate change. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 2.
[67]Ibid. P. 106.
[68]База данных ФОМ. Экологическая ситуация и глобальное потепление. Опрос населения 19 июня 2008 г. [Вебсайт] URL: http://bd.fom.ru/report/cat/healthca/d082425 (дата обращения 16.04.2014 г.).

них абсолютное большинство (83%) затруднилось ответить, как именно бороться с изменением климата.

На уровне политических элит ситуация сводится к политике широких жестов. Грандиозно звучащие планы чаще всего пусты по содержанию. Кроме того, Гидденс ставит в вину некоторым ученым – меньшинству, по его словам – отрицающим реальность климатических изменений, то, что они тем самым ставят их под сомнение в глазах обывателей, и так считающих, что изменения на уровне одного человека не приведут к большим сдвигам.

Ядром исследования британского социолога стали предложенные им концепты, необходимые для поиска путей выхода из сложившейся экологической ситуации на планете, чреватой новыми рисками. Это дополнение к вполне известному понятию «устойчивое развитие» и принципу «потребитель платит»[69]:

1.*«Страхующее» государство (the ensuring state).* Гидденс рассматривает государство не только как совокупность политических институтов, но и как национальное государство, однако вне зависимости от подхода он говорит о новой роли государства. Ему необходимо нести ответственность за отслеживание целей общества и пытаться удостовериться, что они реализуются в ощутимой и приемлемой форме.

2.*Политическое взаимодействие, или конвергенция (political convergence*). Эта концепция предполагает наличие перехлестывающихся мотивов в политике, нацеленной на снижение последствий изменения климата, и других областей политики. Примером таких смежных областей могут послужить энергетическая безопасность, технологические инновации, но наиболее существенным вкладом общества благосостояния, по Гидденсу, стала бы забота о транспорте – и выбросах углекислого газа.

3.*Экономическое взаимодействие, или конвергенция (economic convergence)*. Здесь Гидденс говорит о пересечении малоуглеродистых

[69] Giddens A. The politics of climate change. Cambridge, Polity Press, 2009. P. 69–72.

технологий, бизнес-практик и образа жизни в целом с экономической конкурентностью. Предложенный концепт, по сути, близок «экологической модернизации» – идее о том, что прогрессивным с точки зрения окружающей среды политическим стратегиям зачастую сопутствуют процветание экономики и постановка более широкомасштабных политических целей.

4.*Решение задач с высоким приоритетом (foregrounding)*. Изменение климата чревато природными катаклизмами, что делает его проблемой, которую необходимо решать в первую очередь. Однако климатические темы зачастую становятся темой «на задворках сознания» – как общественного, так и индивидуального. Гидденс подчеркивает необходимость поиска политических решений, выносящих проблему изменения климата, в частности, глобальное потепление на повестку дня.

5. *Положительные стороны изменения климата (climate change positives)*. Здесь речь идет о том, что невозможно решить какую-либо задачу, видя в ней исключительно негативные последствия и пытаясь избежать будущих опасностей. Социолог полагает, что и глобальном изменении климата можно найти определенные позитивные моменты, связанные не столько с возможным экономическим ростом в долгосрочной перспективе, но и с благосостоянием общества в целом.

6. *Выход за пределы политики (political transcendence)*. Ответ на изменения климата не может рассматриваться сугубо в рамках программы правых – или же левых – партий. Эта проблема должна, наоборот, объединять различные политические течения в рамках правительств, с тем чтобы находить эффективные пути выхода из сложившейся ситуации.

7.*Процентный принцип (the percentage principle)*. Этот концепт раскрывает существование рисков как от действий, так и от бездействия – и, соответственно, дает основания для рассмотрения баланса рисков и возможностей в любом политическом контексте.

8. *Императив развития (the development imperative)*. Гидденс подчеркивает право бедных стран развиваться экономически с

сопутствующим – пусть даже значительным – ростом эмиссий парниковых газов, поскольку богатые страны ранее делали то же самое и, только достигнув экономического благополучия, стали заниматься вопросами сохранения экосистемы.

9.*Переразвитие (over-development)*. Уровень развития богатых стран сам по себе вызывает достаточно серьезные социальные проблемы, ведь корреляция между экономическим ростом и уровнем благосостояния действительна только до какого-то определенного уровня. Переразвитие не может не сказываться на состоянии экосферы. Соответственно, Гидденс говорит о необходимости совмещения проблем переразвития и контроля за климатическими изменениями.

10.*Проактивная адаптация* (*proactive adaptation*). Основываясь на том факте, что, что бы человечество ни делало, последствия глобального изменения климата неотвратимы, Гидденс говорит о необходимости разработки такой политики, которая бы смягчала вред от них. Человечеству необходимо заранее подготовиться к возможным катаклизмам, при этом превентивные меры должны основываться на постоянной обновляемой и развивающейся научной информации.

Все эти меры нацелены, в первую очередь, на комплексное решение проблем окружающей среды на уровне национальных государств. Э. Гидденс именно на них возлагает ответственность за происходящие на планете изменения и трансформации климата.

Еще один английский социолог Дж. Урри, разрабатывая теоретическую базу для «поворота» социологии к проблемам выдвинул ряд новых терминов, которые мы рассмотрим далее. Среди них самый важный – «неокатастрофизм». Новый катастрофизм – термин, созданный Дж. Урри для анализа будущих обществ, в которых катастрофа станет привычной нормой. Она будет крыться «в зародыше» самого общества, которое больше не сможет служить гарантом общественного порядка, роста благосостояния, заложенных в индустриальном обществе из-за растущего числа

непредвиденных и неконтролируемых катастроф[70]. К этому привела бесконечная потребительская гонка, жажда наживы и отсутствие ограничений при использовании ресурсов планеты. Это подкрепляется и теорией «нормальных» аварий, выдвинутой американским социологом Ч. Перроу[71]. Нормальные или системные аварии – несчастные случаи или чрезвычайные происшествия, неминуемо происходящие в сложных комплексных системах, когда их свойства порождают множественные и неожиданные сбои, строящиеся непосредственно на цепи ошибок или перебоев в работе. Причем у этой цепи ошибок нет прямой последовательности, высока доля непонимания и того, как произошла авария.

Поворот социологии к проблемам природных ресурсов и экологических катаклизмов заостряет внимание на как раз таких, неконтролируемых и непредсказуемых событиях и их развитии. Они же, в свою очередь, необратимо изменяют лицо планеты, а вместе с ним и жизнь современного общества.

Дж. Урри подчеркивает, что климатические изменения в эпоху антропоцена, с XIX в., когда человечество стало играть значительную роль в экологической системе Земли, резко увеличили возможность катастроф в наши дни. Экспоненциальный рост населения в условиях вырубки лесов, этих «легких планеты», окисления океана, вымирания видов за счет ухудшения условий среды обитания, браконьерства и превышения разумных норм охоты и рыболовства, проблемы мусора и общего загрязнения окружающей среды – эти и многие другие проблемы делают более хрупкой устойчивость и целостность, стабильность экологии, ее способность к самовосстановлению, а значит, и предупреждению, «гашению» крупных катаклизмов. В этот ряд можно добавить и проблемы, связанные с энергетикой: будущая, неминуемая нехватка нефти и газа, опасности,

[70]Urry J. Climate Change and Society. Malden: Polity Press, 2011. P. 36-47.
[71] Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999. P. 4.

связанные с атомной энергетикой, явная недостаточность современных «зеленых» источников энергии, таких как приливные, ветряные и солнечные электростанции. Возрастает и важность вопроса продовольственной безопасности и наличия питьевой воды, все это в условиях ухудшения качества воздуха и роста температур. Рост цен, нехватка сырья и земель, подвигающая «богатый Север» скупать ресурсы «бедного Юга» также способствует нестабильности, уже самого общества, порождая протестные движения и общие настроения недовольства и беспокойства.

Кроме того, Дж. Урри рассматривал и катастрофизм обществ будущего – с точки зрения теории «коллапса», непосредственно связанная с теорией катастрофизма, как одна из его граней. Этот коллапс вызван не только ростом температур и снижением запасов нефти, но и естественным направлением развития любого общества, зафиксированным во втором законе термодинамики: динамичные физические и социальные системы двигаются к энтропии или беспорядку[72]. В первую очередь, это коллапс современных Западных обществ или глобальной цивилизации, которым ничего не остается, кроме как следовать пути развития таких цивилизаций, как Майя, например, которые тоже, в конечном счете, пострадали от проблем окружающей среды (в их числе рост населения, растущее воздействие на природу, превышение норм охоты и рыболовства, проблемы управления водными ресурсами, истощение почв и проч.). Урри говорит о том, что «различные катастрофы оставят население мира беднее, менее мобильными, более голодными и склонными к борьбе за все более истощающиеся ресурсы»[73]. Примечательно, что смена социальных систем, их развал происходит резко, нет периода трансформации, и коллапс характеризуют «скорость и жестокость»[74].

[72] Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. London: Zed Books, 2013. P. 225–231.
[73] Ibid. P. 228.
[74] Pearce F. With speed and violence. Boston, MA: Beacon Press, 2007. Citing Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. London: Zed Books, 2013. P. 230.

Для изучения взглядов на связь окружающего мира и общества важна теория еще одного социолога, У. Бека, также предложившего свои термины для описания трансформаций, происходящих с миром.

Современные общества имеют тенденцию становиться обществом риска[75], по словам Бека, то есть в них солидарность строится на основе страхов, мотивация становится негативной и оборонительной (нацеленной на то, чтобы избежать неких опасных последствий рисков), а классовое неравенство уступает место неравенству распределения рисков и их последствий. Бедные слои населения, и так страдающие от необеспеченности ресурсами, принимают на себя наибольший удар от собственной незащищенности, подкрепляемый опасениями и страхами. Именно для низших слоев велика вероятность найти работу на опасном для здоровья производстве или жилье в экологически неблагоприятном районе. Рискогенные производства обычно переводятся в страны с дешевой рабочей силой.

Но риски, связанные с экологией, экспансивны и не признают границ. По мере ухудшения обстановки окружающей среды их влияние распространяется и на обеспеченные классы. Поначалу этот процесс незаметен: как показал У. Бек, «социальная неосязаемость общества риска [не является] доказательством его нереальности, наоборот, [она является] движущей силой, ведущей к возникновению этого общества»[76]. Риски и их масштабность только увеличиваются от того, что не признаются как таковыми. В обществе нарастает напряженность между производителями риска и теми, кто их потребляет, а между ними, в качестве медиатора, встает информация.

Таким образом, в обществе риска на первый план выходит информационный капитал, а СМИ становятся орудием борьбы. Опасные

[75]См. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 19–44 [Эл. ресурс] URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_eaaf4f79b02a78b919aca693a8e6b572 (дата обращения 27.03.2017)/
[76]Там же. С. 30.

явления и продукты, то, что возможно из них – для нивелирования рисков – посредством социальной дефиниции объявляется «безвредным». Впоследствии такие «безопасные» продукты могут маркировать классы, отделяя более богатых, способных «оградить» себя, от бедных. Производства, направившие внимание на собственный экологический след, занимаются поиском аргументов, обеспечивающих безопасность в глазах общественного мнения.

Бек выдвинул и такой термин, как производство рисков – проблемы, конфликты, возникающие попутно с производством богатств в процессе научно-технической деятельности. Эти риски в первую очередь связаны с потенциалом самоуничтожения человечества.

Кроме того, Бек говорил и о том, что существует целая формула: «глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска». Другими словами, «только через воображение и инсценирование мирового риска будущая катастрофа становится настоящим – зачастую с целью избежания ее принимаются значимые решения в настоящее время. В таком случае диагноз риска превращался бы в “самоисполняющееся пророчество”»[77]. В качестве ярчайшего примера этому феномену социолог называет глобальное потепление: то, как дебаты вокруг него и активное участие общественности в вопросах решения его проблем, как предполагается, должны способствовать сглаживанию нависших рисков.

Здесь Бек в определенном смысле противоречит парадоксу Гидденса, говоря о том, что дебаты все-таки ведутся и проблема изменения климата совсем не забыта. Однако та реальность обсуждений и работы СМИ не всегда переходит в реальные действия на микроуровне, а на макроуровне – не всегда способна представить желаемый или действенный результат.

С процессом индустриализации всевозможные риски, связанные с экологическими изменениями, вносимыми человечеством в нормальный

[77] Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 9-10.

порядок хода жизни природы, перестают быть исключительно природными: в них вмешивается политика. По словам У. Бека, речь здесь идет «не только о побочных последствиях для здоровья природы и человека, но и о социальных, экономических и политических побочных последствиях этих побочных последствий»[78]. Происходящие катаклизмы, напрямую ухудшающие жизнь человека и состояние окружающей среды (скажем, смертельные, зачастую влекущие за собой выбросы вредных, загрязняющих веществ), не могут оставаться за гранью сферы интересов политики и экономики. Они становятся важным фактор ом и для СМИ, обретших в них особый источник информации, способной устрашающе влиять на аудиторию. И любые катастрофы, большие и маленькие, в конечном счете, обладают потенциалом к реорганизации политической власти. Так Бек, создатель термина «общество риска» приходит к выводу о том, что общество риска – это «общество, чреватое катастрофами»[79].

У. Бек отмечал и то, что происходит космополитизация мира – во многом за счет глобальных вызовов – и социальные науки должны ответить двумя сдвигами. Во-первых, это сдвиг от методологического национализма в сторону методологического космополитанизма, а, во-вторых, эмпирическая реориентация в сторону космополитизации «как социальной силы возникающих космополитических реалий»[80]. Это означает интерес к новым процессам интеграции и космпополитизации на уровне социальных наук. В частности, это возникновение новых социальных обществ, о во многом строящихся по принципу социально конструируемых «воображаемых сообществ» Б. Андерсона. Это зеленый урбанизм, низко-углеродные инновации и инициатива снизу. Тут важен и феномен профессионального знания о рисках, возникающий в процессе коммуникации глобальных рисков,

[78]Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 14 [Эл. ресурс] URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_eaaf4f79b02a78b919aca693a8e6b572 (дата обращения 27.03.2017).
[79]Там же. С. 15.
[80] Beck U., Blok A., Tyfield D., Joy Yueyue Zhang. Cosmopolitan Communities of Climate Risk: Conceptual and Empirical Suggestions for a New Research Agenda // Global Networks. 2013. № 13(1). P. 1–21.

который следует отличать от обычных медийных событий, так как они обладают властью «угрожать и трансформировать социальный порядок и власть».

Кроме того, катастрофы переворачивают научное знание, впускают в него научное незнание – термин, предложенный У. Беком. Вот, что социолог говорил по поводу Чернобыля: «Ядерный взрыв сопровождался взрывом незнания... То, что раньше считалось знанием, становится незнанием, а незнание приобретает статус знания»[81]. И в социальных науках происходит синтез научного знания и незнания, не только с устареванием «вчерашнего» знания, но и с новыми явлениями, новыми катастрофами, приносящими с собой новое знание о природе и поведении людей, а вместе с ним и необходимость их изучать.

В обществе риска катастрофы обладают солидаризирующим (то есть объединяющим, противостоящим классовому размежеванию) воздействием: они создают «планетарное чувство боли, захватывающее всех и каждого», будучи «травматическим опытом, которое шокирует и объединяет крайне индвидуализированное мировое общество риска»[82]. Это явление во многом обязано своему появлению массовому туризму, а не только современным средствам коммуникации (способным транслировать информацию о катастрофе на весь мир, а также соединять нас с пострадавшими, если среди них были родственники или друзья), так как страны Юго-Восточной Азии, ставшие туристической Меккой, особенно часто подвергаются удару стихий. Катастрофы перестали быть исключительно национальными трагедиями, согласно Беку, так как они стали реальными «для-нас» всех, и каждый знает или предполагает, что может стать жертвой подобного риска.

В своей последней книге «Метаморфоза мира: как изменение климата трансформирует наше представление о мире»[83]У. Бек опровергает теории,

[81]Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 116.
[82]Ibid. Pp. 70–71.
[83]Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.

чьи корни лежат в XIXв., которые рассматривали природу, как подчиненную человеку, или противопоставляли ее ему. По его словам, к концу XX в. природа стала продуктом человеческой истории, а ее разрушение оказалось интегрированным в социальную, культурную и экономическую динамику развития общества. Подобная социетализация природы и последующая социетализация ее разрушения трансформируются в угрозы для людей, а также новые вызовы для социальных и политических институтов высокоиндустриализированного глобального общества.

В связи с этим Бек выдвинул понятие *метаморфозы* мира, черты современности, предполагающей «эманспирующую» роль катастрофизма (то есть наравне с угрозой запустить процессы космополитизации и улучшения мира).

Таким образом, многие социологи шли в направлении сближения экологических и социальных наук, но у каждого из них получилось изучение предмета под собственным углом зрения. И если Лумана больше интересовали аспекты коммуникации и знания о природе, Урри – миры будущего и возможность коллапса, теории катастрофизма, то Гидденс занимался вопросами общественной политики в отношении регуляции использования природных ресурсов, а Бек разрабатывал систему общества риска.

Кроме того, важны и современные теории уязвимости. С точки зрения катастроф и ударов стихии, уязвимость – это концептуальное связующее звено между окружающей средой и социальными силами и институтами. Катастрофы многомерны, и уязвимость может стать ключевым концептом в переводе этой многомерности на язык конкретных обстоятельств жизни после катастрофы. Она способна изменять не только в краткосрочном и долгосрочном периодах, но и циклично.

Теории уязвимости, как и теории катастроф, разделяют земной шар на две половины: ту, где природные катастрофы часты, и ту, где они случаются

редко[84]. Это характерно для многих взглядов, однако теории уязвимости отличает, что они крайне антропоцентричны и многосоставны в рассмотрении ее как характеристики: настроены на бэкграунд человека, его опыт в борьбе с последствиями катастрофы, социальный и культурный капитал, его представления и знания, пол, класс и этничность. Кроме того, они ставят социальный порядок превыше технократических факторов.

Наконец, перейдем к социологии катастроф. Этот раздел социологии посвящен катастрофам, но при изучении этих экстремальных ситуаций (в отличие от других наук) основной акцент уделяется человеческому социуму[85]: во-первых, резким изменениям в его жизнедеятельности, порождающим изменения в стереотипном поведении и образцах поведения, во-вторых, взрывное по форме выражения и массовое нарастание степени объективно существующего риска, причем восприятие исходящей угрозы зачастую превосходит показатели, фиксирующие его реальный уровень, в-третьих, скачкообразное снижение ресурсов, доступных обществу, для выхода из катастрофы.

О. Н. Яницкий даже называет социологию катастроф «пасынком»[86] социологии из-за низкой институционализации понятия, ущербности ее репрезентации, и подразумевая практически полное отсутствие междисциплинарного анализа последствий крупных экологических аварий. Однако в последние годы социология катастроф столкнулась с существенными изменениями[87]. Социологи все чаще стали применять экономический и конфликтный анализ к ситуации катастроф; показали, что ответ на катастрофы носит не хаотичный, но организованный характер; начали изучать не только эти ответные действия и амбивалентность вызовов, которые ставит катастрофа, но и смотреть на уязвимости, которыми

[84] Mapping Vulnerability. Bankoff G., Frerks G., Hilhorst D., ed. London: Earthscan, 2004. P. 10, 30.
[85]Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск: Наука и техника, 1995. С. 10.
[86]Яницкий О.Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы. Социологические исследования, № 1, 2012. С. 67.
[87]Webb G. R. The sociology of disaster. // Bryant C.D., Peck L.D. 21st century sociology: A reference handbook. London: Sage Publications, Inc., 2007. P. 282.

обладают современные общества, перед лицом катастроф.

Катастрофы являются неотъемлемой частью бытности человека, «словно то, что солнце заходит на Западе», и тут можно сослаться на таких социологов, как Ч. Перроу и Л. Кларк[88]. Зачастую человек не привык размышлять о катастрофах, как встроенных в его повседневность, но в современном мире они случаются порой кластерами, как это происходит, например, с ураганами в США, что не может не заставить обратить на себя внимание и обратиться к «новому» катастрофизму. И тогда социологи начинают говорить о том, что именно человек ответственен за происходящее, так как катастрофы не являются зеркалом Божьего гнева или «расстройств» природы, но обнажают и воспроизводят социальные несправедливости, укорененные в обществе. Из-за этого Кларк даже называл их действие «структурным разрушением», так как, несмотря на равновеликий удар катастрофы, в нем все равно прослеживаются расовые и классовые разделения, паттерны, по которым они строятся. Эти паттерны «отражают способы, по которым люди организуют свои сообщества: вдоль линий богатства и бедности, разделения труда, доступа к здравоохранению, членства в организациях, к примеру»[89].

Катастрофы являются «антропогенными, социально конструируемыми событиями, которые происходят, как часть социальных процессов, характеризующих общества по всему миру»[90]. Это не в коей мере не изолированные события, они всегда вписаны в ткань повседневности, социальных, политических и экономических практик и структур. Социологи говорят и о том, что катастрофы являются производными от ошибок, заложенных в социальных и экономических условий жизни населения планеты.

---

[88] Rosa E. A. The Sky is Falling; The Sky is Falling … It Really is Falling! // Contemporary Sociology: A Journal of reviews. Vol. 35 (3), 2006. Pp. 212–214.
[89] Clarke L. Worst Cases: Terror and Catastrophe in the Popular Imagination. Chicago: The University of Chicago Press, 2006. P. 129.
[90] Rodríguez H., Barnshaw J. The Social Construction of Disasters: From Heat Waves to Worst-Case Scenarios // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. Vol. 35 (3), 2006. P. 222.

Современные теории катастроф непосредственно связаны с теориями уязвимости. Эти теории предполагают, что катастрофа находится на стыке трех факторов[91]. Во-первых, это агент катастрофы: ураган, землетрясение или какая-то техническая катастрофа. Во-вторых, это физическая обстановка, пострадавшая от катастрофы, то есть те условия, в которых она проходила, включая окружающую среду – она могла как смягчить, так и ухудшить удар. И, в-третьих, уязвимость населения, которая составляется из множества факторов (пол, раса, возраст, знания о катастрофе и ее последствиях, равно как и о мерах безопасности, социальный и культурный капитал, усилия правительства по помощи пострадавшему региону).

В заключение остановимся на работах русских социологов, которые занимались вопросами катастроф и окружающей среды. Здесь важно отметить, что именно американский социолог с русскими корнями, П. А. Сорокин был одним из первых социологов, кто в начале XX в. обратился к проблеме катастроф в жизни общества. В работе «Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь», в первый раз изданной в 1942 г., социолог поставил все вышеупомянутые явления (которые он назвал «четырьмя монстрами»[92]) в один ряд и стал рассматривать их с точки зрения последствий, которые они оказывают на общество и на человека. Важно и то, что он подчеркнуто рассматривал не только «разрушительные и пагубные» функции, но и конструктивную, положительную роль в истории. Он видел в катастрофах двигатель общественных перемен, и в этом его можно сравнить с У. Беком, который также говорил об эмансипирующей роли бедствий и их способности объединять людей, быть триггером процессов космополитизации. Конечно, мир Бека достаточно далеко отстоит от того мира, каким он был в годы

[91] Tierney K. Foreshadowing Katrina: Recent Sociological Contributions to Vulnerability Science // Contemporary Sociology: A Journal of reviews. Vol. 35 (3), 2006. Pp. 208.
[92] Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. Санкт-Петербург: Мир, 2012. С. 17.

жизни и творчества П. Сорокина, но в целом можно утверждать, что оба социолога рассматривали катастрофы во всей их комплексной укорененности в жизнь общества.

При этом, по Сорокину, существует определенная поляризация воздействия катастроф на разные социальные группы и разных людей, не только в зависимости от биологических, но и социально-психологических особенностей, а также неравномерность удара катастрофы (это явление Сорокин вывел до уровня закона). Например, если одних людей война или бедствие сродни голодомору способно воодушевить на подвиги и проявить себя с лучшей стороны, то другие будут искать лишь возможность наживы. У. Бек в этом смысле говорить несколько о другой поляризации: заданности условий для разных классов и размытии их границ при ударе катастрофы. Таким образом, происходит не становление или обновление личности человека, но объединение всех перед лицом общей беды. Это позволяет говорить о том, что и «новые» катастрофы обладают амбивалентным влиянием на общество.

К сожалению, для отечественной инвайронментальной социологии характерны совсем другие предпосылки, нежели для западной, так как у нее нет подобных истоков и пути развития. У того есть ряд причин[93]. У отечественных социологов не было доступа к необходимой информации, доминирующая марксистско-ленинская парадигма говорила о неограниченности экономического роста (что противоречит новой экологической парадигме), ликвидация «корней» среди людей породила установку безответственности по отношению к состоянию природы. Кроме того, общественные науки (притом, что в социологии не было сильного научного ядра, способного заняться исследованиями, подобными западным), не могли вести диалог с естественными науками по причине господства

[93] Яницкий О.Н. Экологическая социология // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 541–543.

первых: исторического материализма, отводящего природным условиям второстепенную роль.

Важно отметить и труды В.И. Вернадского, советского ученого, создателя теории биосферы и ноосферы.

В 1960-е гг. сформировалась советская социология города, которая впоследствии познакомилась с польской урбансоциологией. Затем к экологической проблематике подключились и социологи-специалисты по массовым коммуникациям и общественному мнению, в чем их можно сопоставить с волной американских исследований.

Среди современных русских социологов, занимающихся проблематикой инвайронментальной социологии можно назвать О. Н. Яницкого, Б. М. Фирсова и И. А. Халий.

О. Н. Яницкий много сделал для популяризации социологии катастроф и инвайронментальной социологии в России, его монографии написаны на такие разнообразные темы, как «Экомодернизация России: теория, практика, перспектива», «Социология риска», «Досье инвайронменталиста» и «Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ» и проч.[94]. В них он рассматривает многочисленные вопросы социологии по вопросам, которые он называет ее «пасынками» из-за маргинальности для основной науки и низкой их институционализации. Тем не менее, О. Н. Яницкий рассматривает и анализирует некоторые катастрофы современности, такие как удары стихии, лесные пожары и ледяные дожди, авария на АЭС Фукусима, «мусорная культура».

Б. М. Фирсов изучал зависимости анти- или проэкологического поведения от типа личности и ее сознания. В своем исследовании он выделил следующие типы индивидуального сознания: глобально-экологический, нравственно-этический, правовой, организационно-производственный,

[94] См. Яницкий О.Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М: Институт социологии РАН, 2011; Социология риска. М.: LVS, 2003; Досье инвайронменталиста. М.: Институт социологии РАН, 2009; Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М: Институт социологии РАН, 2013.

технологический и эстетический[95]. Можно отметить, что если некоторые виды поведения (глобально-экологический, нравственно-этический, например) способствуют сохранению и поддержанию окружающей среды, сопротивлению «новым» катастрофам, то такие как технологический и организационно-производственный являются более утилитарными по отношению к природе, а значит, и более агрессивными и способствующими распространению и преумножению числа катастроф.

Для И. А. Халий характерно теоретическое осмысление основных концептов и тенденций современной инвайронментальной социологии[96]. Она рассматривает влияние глобализации, феномены устойчивого развития, экомодернизации в контексте таких политических документов, как доклады Римскому клубу и декларации климатических конференций ООН 1992 г. и 2009 г., а также новейшие исследования экосоциологов по всему миру. Кроме того, И. А. Халий, как и О. Н. Яницкий, проводила исследования локальных экологических движений. Например, в 2000–2004 гг. она занималась вопросами конфликтов между совместными предприятиями, которыми владеют иностранные и отечественные бизнесмены, и становлением новой гражданской идентичности, вырастающей в борьбе за сохранение окружающей среды[97].

Кроме того, можно отметить и труд белорусского социолога Е. М. Бабосова «Катастрофы: социологический анализ»[98], в котором ученый последовательно анализирует различные типы катастроф: природные, экологические, технологические и социальные. Он упоминает и «новый» катастрофизм, рассматривая его скорее как апокалиптическое мировоззрение, присущее еще трудам О. Шпенглера. Важно и то, что Е. М. Бабосов

[95] Массовая коммуникация и охрана среды // Под ред. М. Лауристин, Б. Фирсова. Таллин, 1987. Цит. по Яницкий О.Н. Экологическая социология // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 548.
[96] Халий И. А. Общество и природа: эволюция новейших концептов // История и современность. 2011, № 2. С. 138–149.
[97] Халий И.А. Российская локальность: интродукция глобализации и экополитические конфликты // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 291–317.
[98] Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск: Наука и техника, 1995.

обосновывает всю важность социологии для изучения последствий катастроф, а не только естественных или технических наук.

Еще один белорусский социолог, Г. А. Несветайлов занимался вопросами Чернобыльской катастрофы[99]. В качестве примечательного в его подходе к изучению аварии можно назвать анализ необработанных и неупорядоченных массивов информации: он занимался контент-анализом советской прессы за 1991 г. Помимо этого, его волновал и вопрос возникновения чернобыльской субкультуры, то есть отношения людей к здоровому образу жизни и переменам, вызванным подобным ударом, низкий материальный и культурный уровень жизни населения. Социолог отмечал своеобразное чувство «собственности» по отношению к Чернобыльской аварии, что, возможно, следует отнести и к возникновению новой идентификации, как жертвы определенной катастрофы.

Проблематикой аварии на Чернобыльской АЭС и вопросами риска в современном обществе также занимались и русские социологи. А. В. Мозговая, занимавшаяся исследованиями особенностей качества жизни и социальной защиты пострадавших после этой катастрофы, писала о том, что эффективная реабилитация невозможна при работе исключительно с технической стороной аварии, и необходимо помогать населению преодолевать страхи, вызванные риском нахождения вблизи АЭС[100]. Социальные опросы, проведенные среди пострадавших людей, показали, что на первый план выходит здоровье, как ценность, наступает социальная дезадаптация и отчуждение от социального бытия. Наиболее уязвимыми становятся группы переселенцев и ликвидаторов аварии.

И. А. Сосунова занималась вопросами социально-экологической напряженности, и в своих исследованиях она подчеркивает, что действия людей, которые нацелены на решение экологических проблем, больше

[99] Несветайлов Г. А. Чернобыль с точки зрения социологии катастроф. Вестник РАН. 1992. №4. С. 54–64.
[100] Мозговая А. В. Преодоление социальных последствий аварий на ядерных объектах: социологическая поддержка управленческих решений (к 30-летию чернобыльской катастрофы). Власть, № 6, 2016. С. 107-115.

ориентированы на трансформацию социальной реальности. Это пикеты и бойкоты, даже электоральные предпочтения. Показателем социально-экологической напряженности является «наличие в общественном сознании устойчивых и распространенных оценок, связывающих антропогенную экологическую ситуацию с угрозой или фактическим ущемлением важнейших социальных и духовных потребностей конкретной общности»[101].

Риск, как источник неравенства, был предметом исследований Е. В. Шлыковой и А. В. Мозговой, которые рассматривали его как создающего ситуацию для вынужденной адаптации населения[102]. В условиях агрессивной и враждебной среды способность к адаптации заключается в формировании долгосрочных планов и уверенности в возможность контролировать свою жизнь. Именно к активным адаптантам относятся вынужденные мигранты или экологические беженцы, как это можно было бы привести в качестве примера на случаях аварии на АЭС Фукусима и в Чернобыле.

Как видно, развитие человеческой мысли о взаимоотношениях природы и человека в определенном смысле прошло цикличный путь развития. От языческих верований в единство человека и мира, гармоничного космоса или борьбы за установление сил порядка до крайней сепарации от мира природы, которую можно найти в философии экзистенциализма, через осмысление утерянных гармоничных или естественных отношений человека и природы, сказывающихся на внутреннем мире и взаимоотношениями с себе подобными к возвращению (с новой экологической парадигмой) к идеям отказа от антропоцентризма и воссоединением мира общественного и мира природного, когда природные катаклизмы стали выходить на другой уровень. Однако этот новый «виток» – принципиально иной, и У. Бек подчеркивал, что конец XX в. ознаменовал собой «конец природного», или бурное развитие антропоцена, отмежевание человека от мира природы.

[101] Сосунова И. А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования. № 7, 2005. С. 94–104.

[102] Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. Москва: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 – С. 358-378.

Помимо этого, появившийся взгляд на катастрофы как на негативный полюс нормального опять погружает мир человека в некий хаос – человеческих жертв, экономического ущерба, природных разрушений. Вывести из него способен язык: для науки это поиск уязвимостей и «перевод» на системы кодификаций подсистем обществ, для пострадавших людей – это поиски своих слов и нарративов, способных контейнировать происходившие ужасы и выражать возникшие чувства, что в совокупности приводит к совместному проживанию травмы.

Большой путь социологической и философской мысли, пусть и неявно рассматривающей или порой заимствующей идеи из законов и закономерностей природы, не мог не о тразиться, пусть и с отставанием, и на движении российской науки, которая усилием некоторых ученых также исследует взаимоотношения новых экологических катастроф и общества.

§1.2 Категориальный аппарат анализа экологических катастроф

Для социологии последних десятилетий характерен так называемый «экологический поворот», то есть обращение к тематике природных ресурсов, окружающей среды. В связи с этим ведущими западными теоретическими социологами были выдвинуты ряд концепций и неологизмов, в ряд которых входит и базовая для нашего исследования концепция нового катастрофизма. Мы рассмотрим понятия, предложенные Дж. Урри, как наиболее яркие и адекватные нашей работе.

Ресурсный поворот (resource turn) предполагает изучение обществ посредством «моделей, масштабов и характера их ресурсной зависимости и последствий использования ресурсов» социологией, которую, в свою очередь, можно назвать постуглеродной[103]. Такая социология предлагает альтернативный взгляд на современное, потребляющее углероды общество, живущее в рискогенной среде, что обусловлено высокой зависимостью от транспортных средств, вызывающих климатические изменения. У

[103]Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. P. 16, 24, 86.

социологии возникает новый предмет: именно климат, по мнению социолога, является главным ресурсом XXI в. Климат демонстрируется, как наибольший источник уязвимостей и рисков, он продуцирует катастрофы и напоминает человеку о взаимосвязях между его выбором и повседневными практиками, существующими порядками и жизнью или гибелью мира природы.

По мнению Дж. Урри, экологический и ресурсный повороты связаны с подходом, который он характеризует, как *«новый» эпохализм (new epochalism)*[104], под которым понимается интеграция социологии с естественными науками. Его суть состоит в нелинейной концепции времен, а значит, и очевидности причинно-следственных связей, разрывах социальной и экологической преемственности, взаимозависимых катастрофах в природной, климатической, продовольственной, водной и энергетической системах. Это понятие органично встраивается в идею климатического поворота, предложенного Дж. Урри, так как говорит о смене ориентации социальных наук в сторону большего внимания к проблемам окружающей среды.

С новым эпохализмом связан и *новый катастрофизм (new catastrophism)*[105], как одна из граней этого подхода. Эта концепция изучает общество будущего с учетом неопределенности и ограниченности научного знания, с одной стороны, с другой – всей комплексности, нелинейности климатических изменений и их социальных последствий, уязвимостей, ими создаваемых. К таковым Дж. Урри относит потенциальное сокращение запасов нефти, природные катаклизмы, наступление пустынь, возникновение «высокомобильных заболеваний», появление «инвайронментальных беженцев».

Согласно Урри, коллапс современного индустриального общества возможен и закономерен так же, как это произошло с обществами прошлого – и происходить он будет по тем же законам. Высвобожденные в процессе

[104]Ibid. P. 37.
[105]Ibid. P. 36, 45.

развития силы теряют свойство подконтрольности и приводят к разрушению и гибели общества, которое теперь “походит на волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями”[106]. В свою очередь, общества будущего будут крайне зависимы от следующих факторов: снижение доступности ископаемого топлива в условиях бурного роста населения (около 900 миллионов людей каждые десять лет) приведет к загрязнению среды, нехватке продуктов питания и чистой воды, производство и транспортировка которых тоже зависит от нефти и газа. С учетом глобальных изменений климата и запуска всевозможными уязвимостями процесса де-глобализации, “катастрофические” общества могут столкнуться с реструктуризацией экономической и социальной жизни, значительными ограничениями и даже возможными войнами за ресурсы.

Иногда к неокатастрофизму относят и взгляды, согласно которым «картина палеонтологического развития Земли не является монотонным процессом, <…> а временами, даже с определенной периодичностью, прерывается катастрофическими событиями»[107]. В качестве примера тогда приводят и философские труды, такие как «Закат Европы» О. Шпенглера, в котором анализируется будущий конец цивилизации.

Для характеристики неокатастрофизма важно оценить последствия катастроф, которые могут быть не только дисфункциональными для обществ, но и нести в себе новые возможности, то есть быть функциональными. К таковым можно отнести *эмансипирующий катастрофизм (emancipatory catastrophism)*[108], то есть скрытые освободительные побочные последствия катастроф. Оно логично встраивается в цепочку размышлений Дж. Урри.

Это понятие, выдвинутое У. Беком, означает, что они несут вместе с собой социальные и политические перемены. И в первую очередь это новая

[106]Marx K., Engels F. The Manifesto of the Communist party. – Moscow: Foreign Languages, 1888. P. 58. Citing Urry J. Climate Change and Society. Malden: Polity Press, 2011. P. 36.
[107]Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. Минск, Наука и техника, 1995. С. 6.
[108] См. Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? Социологические исследования, №1, 2016. С. 178–185.

карта мира, где основным маркером выступает не линия границ, но высота уровня моря – то есть, экологическая уязвимость перекрывает собой национальные границы, границы в сознании людей. Во-вторых, это перераспределение власти (уделение большего внимания голосу пострадавших лиц), вызванное пробуждением «глубокого чувства экзистенциального насилия» над природой и над человеком, как единицей в системе властных и нормативных координат. В-третьих, это отказ от «методологического национализма», то есть коренной пересмотр привычного подхода к политике и общественным наукам, их парадигмам, заключающийся в отходе к космополитичной картине мира и науки. В-четвертых, это новая логика власти, обусловленная современной организованной безответственностью принимающих решения лиц, отделенных от действительно страдающих от изменения климата людей, чей опыт может обезвредить текущие глобальные экологические риски. Таким образом, позитивный или функциональный смысл эмансипирующего катастрофизма заключается в том, что он не только высвобождает в людях чувство общности, основанное на страхе потери близких и соболезновании пострадавшим, но и стирает национальные границы, а властям приходится перестраиваться для более адекватного ответа надвигающимся угрозам.

Сама *метаморфоза* (*Verwandlung*), вызываемая этой эмансипацией новых катастроф, согласно У. Беку, заключается в следующем: «ожидание глобальной катастрофы нарушает священные (неписаные) нормы человеческого существования и цивилизации; тем самым она вызывает антропологический шок и социальный катарсис». Любая катастрофа обладает потенциалом изменять сознание людей, поражать их – но не всегда исключительно в негативном смысле, возможны и положительные откровения, вызванные увиденными скоординированными усилиями спасателей и людей по всему миру, оказывающих помощь. Так зло производит «нормативные горизонты общего добра», запускается процесс рефлексии, в котором связываются – на совершенно другом, глобальном

уровне – до того не мыслимые в качестве соединенных вещи: удар стихии по незащищенным слоям населения, большая уязвимость и так притесняемого расового меньшинства. Социолог приводит в пример случай урагана Катрина, который вызвал «сдвиг» социологической парадигмы, столкнув экологические вызовы и проблемы расизма в США.

Кроме того, катастрофа становится космополитичной: она раскрывает горизонты рефлексии, «культурной работы» – символического осмысления произошедшего, по Беку – для всех людей, вне зависимости от их географического места проживания.

В противовес понятию эмансипирующего катастрофизма приведем понятие *апокалиптического катастрофизма (apocalyptic catastrophism)*[109], который показывает не функциональные последствия катастроф, а способы их преодоления. В его рамках климатические изменения рассматриваются с точки зрения страха перед его последствиями, а дискурс, с ним связанный, строится на обсуждении возможности прибегнуть к геоинженерии. Под геоинженерией понимается целенаправленная, масштабная манипуляция планетарной окружающей средой для противодействия антропогенному климатическому изменению[110]. В данном случае рассматриваются два сценария: либо уменьшение солнечного света с помощью управления солнечной радиацией (solar radiation management, SRM) или удаление двуокиси углерода (carbondioxide removal, CDR). Такой подход снижает градус либерализации, приостанавливая демократию, заменяя ее технократией, и, в отличие от эмансипирующего катастрофизма, ищет возможности не культурного, но технического решения проблем.

Понятие апокалиптического катастрофизма можно расширить, если добавить к нему ожидания конца света, царящие в обществе достаточно давно и время от времени вспыхивающие в периоды смены календарей или

[109]See Asayama S. Catastrophism toward ‘opening up’ or ‘closing down’? Going beyond the apocalyptic future and geoengineering. Current Sociology, 2015, Vol. 63(1) Pp. 89–93.
[110]Royal Society. Geoengineering the Climate: Science, Governance and Uncertainty. London: Royal Society, 2009. Citing Asayama S. Catastrophism toward ‘opening up’ or ‘closing down’? Going beyond the apocalyptic future and geoengineering. Current Sociology, 2015, Vol. 63(1) P. 90.

на границе тысячелетий. Это не только чувства преддверия конца, но и страх, который конструируется СМИ, транслирующими новости об очередных катастрофах, неконтролируемых и непредсказуемых по последствиям.

Однако корни у современных апокалиптических настроений заложены были достаточно давно, еще в начале XVIII в., когда активное вмешательство человека в природу дало основу грядущей нестабильности, свидетелями которой мы являемся уже сейчас. Этому феномену было дано название *антропоцен (anthropocene)*, то есть геохронологический термин, обозначающий начавшийся период в истории Земли, когда ее экосистема оказалась подверженной невиданному ранее воздействию человека. Так называемый «конец природного» или «эра пост-природы», как еще называют антропоцен, находит проявление в антропогенном насилии, вызванном не только деятельностью человека, но и развитием техники. Он выражается в турбулентных изменениях климата за счет выбросов парниковых газов, сокращении числа и вымирании видов, загрязнении атмосферы, вод и почв. Сам термин был введен в повсеместное обращение лауреатом Нобелевской премии по химии Паулем Крутценом в 2000 г., который также продвигал идею инженерии климата – или необходимости про-активной позиции по вопросам антропоцена и управления «пост-природным» климатом.[111]

Именно с началом антропоцена человечество столкнулось с растущим числом катастроф. *Катастрофа (catastrophe, disaster)* – это относительно внезапное событие, когда, вследствие воспринимаемых и происходящих угроз, привычный порядок коллективных ячеек общества серьезно нарушается и когда должны быть приняты незапланированные комплексы мер для того, чтобы совладать с кризисом[112].

Несмотря на то, что катастрофы преследовали человечество на протяжении всей его истории, первые их исследования появились только в

[111] Preston, Ch. J. Framing an ethics of climate management for the Anthropocene. Climatic Change, 130, 2015. Pp. 359–369.
[112]Quarantelli, E. L. Disaster Research // Borgatta, E. F., Montgomery, Rh. J. V. Encyclopedia of Sociology, Vol. 1. 2nd ed. New York, Macmillan Reference USA, 2000. Pp. 681–688.

XXв. и были социологическими. К таковым можно отнести работу П. Сорокина «Человек и общество в условиях бедствий», в которой он рассматривал, как война, голод, революции и эпидемии могут влиять на разум и поведение людей, а также социальные институты и культуру пострадавших регионов. В начале становления исследований катастроф они рассматривались, как «действие Господа» или «технологии», но впоследствии это понятие разрабатывалось: его рассматривали и в качестве феномена, привносящего существенные разрывы в жизнь общества, и как кризисы, в которых необходимость в чрезвычайных мерах превышала возможность их осуществить. В 1980-е катастрофы стали рассматривать как открытое проявление латентных социальных уязвимостей, основанных на недостатках социальных структур или систем. Число кросс-культурных и сравнительных исследования существенно возросло в 1990-е гг.

В настоящее время, пусть и не везде, социологи играют все большую роль при превентивном планировании и менеджменте – и им действительно уделяется больше места. Это объясняется тем, что население растет и не только проживает более концентрированно, но и осваивает территории, привлекательные во всех отношениях – не считая расположения в сейсмически опасных регионах. Кроме того, развитие технологии, невиданное со времен Второй мировой войны, увеличило масштабы и разброс негативных последствий возможных техногенных катастроф.

Природные катастрофы всегда связаны с мощным выбросом энергии нашей планетой, будь то землетрясения (ставшие причиной наиболее масштабного числа смертей с 1970 по 2005 гг.) или наиболее часто встречающиеся удары стихии – штормы и наводнения (в начале XXIв. они составили около 70–75% природных катастроф). К ним также можно отнести циклоны, оползни, цунами, извержения вулканов, последствия экстремальных температур (засухи, пожары, сильную жару, снежные бури и

морозы). Их жертвами становятся от десятков и сотен до тысяч и даже миллионов людей, в зависимости от масштабов катастрофы[113].

Недавно появившийся термин *disasterscape*, который можно перевести как *ландшафт катастрофы*, говорит о коллективном восприятии условий катастроф. Он обозначает «область, которая демонстрирует признаки катастрофы»[114]. Ее характеризует разрушение, опустошение и состояние беспорядков – это место, где прерываются человеческие жизни, рвутся связи между людьми, а средства к существованию истощаются. В нем нет мира или времени для отдыха, и человеческое лицо в нем – лицо страданий, отчаяния и унижения, поэтому первое впечатление от ландшафта катастрофы – поражающее неверие в происходящее в нем.

Катастрофа и ее ландшафт вписываются в долгосрочный процесс *социально-экологического метаболизма катастрофы (socio-ecological metabolism of the catastrophe)*. Это комплексное понятие, характеризующее сложные обменные процессы между обществом и природой в процессе разворачивания и затухания катастрофы и в то же время социальные сети людей, связанные взаимной полезностью и регулирующие потоки энергии и материальных благ для работы с этой катастрофой, как явлением. По словам О.Н. Яницкого, это понятие можно определить с помощью следующих феноменов[115]:

1. метаболизм вписывает в себя катастрофу и ее ход, но сам он начинается задолго до и заканчивается много после ее непосредственного развития, включая в себя все сферы и среды жизни общества (в том числе и культурную, и информационную). В качестве примера можно привести превентивные меры, применяемые обществом в случае, если природные катастрофы определенного типа носят повторяющийся характер.

[113]Smil V. Global catastrophes and trends. The next 50 years. Cambridge: The MIT Press, 2008. Pp. 13–15.
[114] Kapur A. Vulnerable India: A geographical study of disasters. New Delhi: SAFE Publications, 2010. P. 5.
[115]Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 63–66.

2. начинается процесс изменений метаболизма катастрофы и вносимых ею разрушений, но с течением времени все большую роль в нем играют социальные силы, он становится зависим именно от их вмешательства и влияния.
3. картина метаболизма катастрофы попадает под зависимость властных структур и подчиненных им СМИ, что затрудняет ее научное отслеживание, так как в соответствии с планами властей идут и спасательные работы, и труд по восстановлению.
4. это саморазвивающийся и неконтролируемый процесс, на который, по сути, не могут влиять ни политики, ни ученые, ни население. Катастрофы обнажают пробелы в знаниях (*knowledgegaps*), становятся причинами новаций, порой трансформируются и из непосредственно экологических становятся социальными.
5. катастрофический метаболизм не вписывается в понимание власти «конечных процессов», когда вся социальная и экономическая механика строится на том, что существует «конечное решение» для дискретных процессов.
6. Научное сообщество, службы мониторинга и общество в целом способны лишь отслеживать ареал поражения и последствия удара катастрофы, выявляя трансформации привычного метаболизма, но на изучение новаций, как правило, не хватает ни времени, ни ресурсов.
7. существует разрыв между представлением (формальным) о конечности катастрофы и бесконечностью вызванных ею изменений в метаболизме.
8. в фазе реабилитации актуализируется разделение на риск-производителей и риск-потребителей, которое так же условно можно продолжить, как разделение на богатые и бедные слои населения.

С учетом всей полноты социально-экологического метаболизма катастрофы в социологии принято обозначать границы исследуемого явления, с чем связан термин фрейминга. *Фрейминг катастрофы (framing/social construction of the disaster)* – метод научного исследования катастрофы, при котором выбираются ее наиболее значимые элементы, а последствия заключаются в определенные рамки. Таким образом, на первый план выносится некая трактовка происходящего во время катастрофы, выставляются ее причины и последствия, заданные в коммуникативном послании.

Понятие фрейма было введено И. Гоффманом, который подразумевал, что фреймы позволяют индивидам «локализовать, осмыслить, идентифицировать и маркировать»[116] события, происходящие в их жизни и в мире. Однако многие концепции фрейминга, более близкие данной работе, можно отнести к теории «главных фреймов» Д.Сноу и Р. Бедфорда, которые определяли фреймы, как «интерпретативные схемы, которые упрощают (конденсируют) это «внешний» образ мира посредством избирательной акцентировки и кодирования объектов, опыта, и последовательности действий в среде их прошлого и настоящего обитания»[117].

О. Н. Яницкий допускает и такой подход к фреймам: это и «инструменты, при помощи которых индивид или коллективный актор строит стратегию и тактику социального действия и выбирает адекватный моменту способ воздействия на ситуацию или конфликт»[118].

Фрейминг тем или иным образом используется не только в науке, но и в СМИ, во время образовательного процесса и при любой публичной коммуникации. Здесь фрейм – это «абстрактная структура, создаваемая,

---

[116] Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of the Experience. New York: Harper Colophon, 1974. P. 21.
[117] Snow D., Benford R. Master Frames and Cycles of Protest // Morris A.D., Mueller C.M., eds. Frontiers in Social Movement Theory. New Haven, CT: Yale University Press, 1992. Pp. 133-153. Цит. по Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 80.
[118] Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 91.

когда некая проблема представляется для интерпретации»[119]. Фреймы влияют на отношение, намерения и поведение; они, по большому счету, делятся на позитивные и негативные. Негативные фреймы, такие как основанные на страхе, часто вызывают прямо противоположный ожидаемому эффект и демотивируют людей предпринимать какие-либо шаги по борьбе с последствиями катастрофы.

Это также касается и новых катастроф, например, климатических изменений, где важно прививать модели поведения, «дружественные» экологии и задумываться об эко-следе, но существующий, закрепившийся фрейминг зачастую не способен оказывать позитивного воздействия на установки людей[120]. Существующие чувственные, поведенческие, психологические, организационные и политические предрассудки, равно как и недооценка рисков и доминирующие предрассудки о прямом экономическом воздействии не могут не сказаться на том, что возникает сопротивление в изменении поведенческих паттернов (так называемый парадокс Гидденса) даже при осведомленности о климатических проблемах, о важности их решения. Среди «дискурсивных привычек» в фрейминге изменений климата со стороны журналистов и педагогов распространены «основанные на привычке или имитации»[121] – они не могут не вызывать определенные культурные коды и придавать значения, не всегда осознаваемые. Часто говорится именно об угрозах (это негативный фрейминг), а не о возможностях и перспективах, которыми человеческое сообщество способно воспользоваться. Ответ на такие сообщения будет контринтуитивным[122], они не вызовут чувства личной и социальной ответственности и эффективности собственных действий, необходимых для

[119] Dickinson J. L., Crain Rh. How Framing Climate Change Influences Citizen Scientists' Intentions to Do Something About It. The Journal of Environmental Education, 44(3), 2013. P. 147.
[120] Dickinson J. L., Crain Rh. How Framing Climate Change Influences Citizen Scientists' Intentions to Do Something About It. The Journal of Environmental Education, 44(3), 2013. P. 145-148.
[121]Dickinson J. L., Crain Rh. How Framing Climate Change Influences Citizen Scientists' Intentions to Do Something About It. The Journal of Environmental Education, 44(3), 2013. P. 147.
[122]Ibid. P. 148.

изменения социальных норм, привычек и преодоления существующих барьеров.

Фрейм-подход позволяет рассмотреть и концепции нарратива. *Нарратив катастрофы (disaster narrative)* – письменное или устное повествование о событиях разворачивающейся катастрофы, где сам нарратив лаконично можно определить, как «воспринимаемую последовательность неслучайно связанных событий»[123]. Нарратив как метод часто используется в качестве основания для социологических и антропологических, этнографических исследований катастроф.

Зачастую многочисленные нарративы катастрофы в воспоминаниях очевидцев отличаются бессвязностью из-за провалов в памяти респондентов, непоследовательностью, преувеличением масштабов разрушений. Примечательно, что нарратив катастрофы способен легитимизировать и делегитимизировать существующий политический дискурс, он также часто вписывается в нарратив подчиненной человеку природы – с той точки зрения, что катастрофа обнажает существующие уязвимости, которые, в свою очередь, связаны с действиями и решениями властей[124].

Нарративы катастрофы могут разниться и развиваться, быть нарративом травмы или нарративом преступления. Если рассматривать нарратив, возникший вокруг глобального потепления, то социологи К. МакКомас и Дж. Шанахан называют пять стадий, которые он прошел в своем развитии: это предпроблемная стадия, период тревоги от обнаружения, общественное осознание значительного прогрессирования проблемы, постепенное снижение глубокого общественного интереса и постпроблемная фаза[125].Сами нарративы сменялись с течением времени: если в начале они акцентировали внимание на скрытых опасностях и последствиях глобального

[123]Toolan, M. Narrative: A Critical Linguistic Introduction. – London: Routledge, 1988. P. 7 citing Franzosi, R. Narrative analysis – or why (and how) sociologists should be interested in narrative. Annual Review of Sociology, 24, 1998. P. 519.
[124] Anderson, M. D. Disaster Writing: The Cultural Politics of Catastrophe in Latin America. Charlottesville, University of Virginia Press, 2011. Pp. 7–20.
[125] McComas K. and Shanahan J. Telling stories about global climate change. Communication Research, 26(1), 1999. Pp. 30–57, citing Hannigan, J. Environmental Sociology. 2nd ed. – Abingdon: Routledge, 2006. Pp. 87–88.

потепления, то на более поздних стадиях СМИ писали о противоречиях среди ученых. Таким образом, и в теме экологических проблем существует вызов для журналистов – писать свежо и привлекать внимание аудитории. Здесь важно отметить, что СМИ охватывают нарративы, которые направляют понимание обществом проблем климатических изменений. В особенности с учетом того, что эта проблема не такая навязчивая или очевидная для среднестатистического человека, в своих суждениях он становится зависимым от предоставляемой СМИ информации. Как отмечает Дж. Шанахан в другой статье, это явление наиболее заметно на национальном и международном уровне, так как оно имеет «низкий уровень вмешательства в настоящее, отдаленные временные горизонты и высокие уровни конфликтного потенциала»[126]. Но у каждого СМИ есть своя политика и ценностные системы, влияющие на репрезентацию климатических изменений. Таким образом, нарратив об изменениях окружающей среды не только зависит от СМИ, он может превратиться в «переменчивый процесс повествования, который может быть легко направлен в совершенно разных направлениях»[127].

Кроме того, можно добавить, что по вопросам окружающей среды существует два мета-нарратива: поэтический нарратив и более поздний, или точнее, современный нам – апокалиптический. В рамках первого природа представляется одушевленной, она властвует миром, а человек соединен с окружающей средой[128]. Второй основан на позднейших работах ученых, говорящих о таких проблемах, как перенаселенность, потеря биоразнообразия, разрушение озонового слоя, потеря лесов и глобальное потепление, турбулентность климата – в общем, экологический кризис,

[126] Rogers E. M., Dearing J. W. Agenda-setting research: where has it been, where is it going? in Communication Yearbook 11, ed. J. Anderson (Newbury Park, CA: Sage, 1988), 555–594; J. W. Dearing and E. M. Rogers, Agenda-Setting (Newbury Park, CA: Sage, 1996). Citing Trumbo C.W., Shanahan J. Social research on climate change: where we have been, where we are, and where we might go // Public Understanding of Science. Vol. 9 (3), 2000. P. 201.

[127] Trumbo C.W., Shanahan J. Social research on climate change: where we have been, where we are, and where we might go // Public Understanding of Science. Vol. 9 (3), 2000. P. 204.

[128] Willoquet-Maricondi, P. Framing the world: explorations in ecocriticism and film. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2010. P. 49.

который можно назвать «болезнью планеты»[129], ведущей к гибели, если не будут предприняты меры.

Фрейминг и нарратив критичны, так как они позволяют вычленить из всего хаоса окружающего мира значимое происходящее или его аспекты, описать их с интерпретацией – и в процессе коммуникации призвать к какому-либо действию[130].

Однако из всех нарративов важнее здесь для нас транслируемый нарратив, то есть общественно-значимая, а не единичная картина катастрофы. *Транслируемый нарратив катастрофы (mediated disaster narrative)* – описание катастрофы, как единичного события, представляющего собой экстра-новость, в средствах массовой информации[131]. То, как СМИ задают фреймы катастрофы, определяется общественным мнением относительно этого события – включая политиков и других влиятельных лиц, кроме того, у них есть власть легитимизировать катастрофу, признавая или не признавая ее в качестве события, стоящего освещения. Даже если катастрофу «объявили» крупномасштабной, ее время на первых полосах газет и в заголовках важных, экстренных новостей ограничено, она скоро вытесняется другими новостями. Этот феномен исключает из новостных историй какой бы то ни было долгосрочный анализ последствий катастрофы, словно вырывая само событие из исторического контекста: привычный фрейм включает в себя ответы на вопросы «кто», «что», «где», «когда» и «почему», где «почему» – это триггер события, а не поиск причин или более широких социальных паттернов, неизбежных для любой техногенной катастрофы. Таким образом, событие рассматривается, как нечто исключительное и нехарактерное для ежедневного хода дел, причем в случае катастроф экологического характера рассматриваются исключительно последствия для природы, но не для человеческих сообществ.

[129]Hannigan, J. Environmental Sociology. 2nd ed. – Abingdon: Routledge, 2006. Pp. 90–91.
[130]Jensena A., van Bommelb S., Pedersena A. B., Nielsena H. Ø., Kuindersma W. Framing climate change: new directions in Dutch and Danish planning strategies. Planning Theory & Practice, 2013, Vol. 14, No. 2. Pp. 234–235.
[131]Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. – Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc., 2010. Pp. 150–154.

При определении термина транслируемого нарратива катастрофы крайне значимо понятие секвестрации знания, говорящее об атмосфере недоверия, царящей в СМИ в период катастроф, когда становится наглядно видна их сила, как «четвертой власти». *Секвестрация знания (sequestration of knowledge)* – явление изоляции или конфискации из общедоступного информационного поля знания, необходимого широким слоям общественности для принятия решений относительно рисков (в данном контексте – в условиях катастрофы)[132]. Обычно этот феномен возникает в начале катастрофы, когда правительственные агенты, равно как и корпорации, закон и СМИ принимают решения о выборочном освещении событий, с ней связанных. Тогда знание производится в условиях повышенной амбивалентности и информационной неуверенности.

С «новым» катастрофизмом, как отображающее всю его небезопасность с точки зрения доверия медиа, также соотносится понятие информационной неуверенности. *Информационная неуверенность (informational uncertainty)* – отсутствие четкого и ясного восприятия, понимания реальных и воспринимаемых рисков, связанных с ударом катастрофы, у людей[133]. Основывается на том, что информация о событиях, с ней связанных, зачастую неполная и конфликтующая, а поиск заслуживающих доверия источников осложнен – так действие различных СМИ отзывается в людях, смущает их и подача информации правительствами. Примечательно, что информационный вакуум, сопровождающий катастрофы, способен породить дезинформацию и вредные слухи. При этом свойственное людям обращение к ученым, как к квалифицированным специалистам, способным дать четкий ответ, не всегда оправдано, так как у науки не всегда есть способы быстрого и легкого для понимания стороннего слушателя ответа на поставленные вопросы (скажем,

[132]Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. – Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc., 2010. P. 193.
[133]Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. Walnut Creek, CA: Left Coast Press, Inc., 2010. P. 11–12.

в ситуации, когда СМИ требуется пара убедительных фраз о безопасности того или иного события).

Несмотря на все действие СМИ, существуют в обществе и силы, способность сообщества реагировать на нее. В первую очередь это *приспособляемость (resilence)* – способность сообщества «отпружинить», ответить на риск, то есть вернуться к прежнему, привычному ходу жизни после катастрофы, будь то ураган, наводнение или землетрясение[134]. Это очень важная характеристика, говорящая о навыках, образе мысли и действия, информированности и готовности к удару стихии. Она показывает, насколько сообщество способно снизить негативное воздействие для здоровья, экономики и окружающей среды и избежать долгосрочного развития последствий катастрофы.

Еще одна «здоровая» сила общества – это *уязвимость (vulnerability)* – это «характеристика индивида или группы и их ситуации, влияющая на их способность предвосхищать, справляться, сопротивляться и восстанавливаться после воздействия удара стихии»[135].

Уязвимость является политическим и экологическим концептом, позволяющий перевести многомерность любой катастрофы на язык конкретных обстоятельств и рассматривать ее в качестве продукта деятельности общества. Уязвимость может распространяться, как характеристика, на целые регионы – и тогда в них повышается уровень стресса у населения и общие настроения и чувство небезопасности[136]. Примечательно, что не воздействие природной катастрофы делает регион или сообщество уязвимым, но его социальное устройство – как, скажем, в случае урагана Катрина[137]. То есть не его сила воздействия, скорость ветров

[134]National Oceanic and Atmospheric Administration. US Department of Commerce. What is resilence? [Website] URL: http://oceanservice.noaa.gov/facts/resilience.html (accessed 05.06.2017).
[135] Wisner, B., P. Blaikie, T. Cannon, and I. Davis. At risk: Natural hazards, people's vulnerability and disasters, 2nd ed. – London: Routledge, 2004. P. 11.
[136] Bankoff G., Frerks G., Hilhorst D., eds. Mapping vulnerability: Disasters, development and people. – London: Earthscan, 2004.
[137] Cutter, S., and C. T. Emrich, J. T. Mitchell, B. J. Boruff, M. Gall, M. C. Schmidtlein, C. G. Burton. The Long Road Home: Race, Class, and Recovery from Hurricane Katrina // Environment. March, 2006. P. 11.

(по этим параметрам Катрина – не самый масштабный ураган в истории США) – но уязвимость бедных слоев населения, проживавших вблизи дамб, оказавшихся прорванными.

С. А. Кравченко трактует современную уязвимость, как «нарастание структурной дисфункциональности сложной системы социума и/или техно-природной системы, которые могут как бы проявлять свою собственную «волю», деструктивную для общества рефлексивность, что проявляется в потенциальной угрозе катастрофы, социальных страхах людей относительно возникающих неопределенностей в системах»[138]. Здесь важной чертой является нелинейность между возможными причинами и последствиями катастроф.

Наконец, между людьми, оказавшимися в трудной ситуации в связи с природным катаклизмом, складывается *солидарность жертв риска (risk victims solidarity)* – негативная солидарность, консолидация людей на почве социальной отчужденности, политический маргинализации и экзистенциального страха, которая может породить мощную политическую силу[139]. Солидарность отмечается чувством близости и привязанности, которое вырастает из общей, разделяемой истории и близкого контакта, а также неравенства в доступе к социальным ресурсам и власти[140] – все эти условия создаются во время катастрофы. Примечательно, что этот тип солидарности гораздо лучше развивается благодаря усилиям членов самого сообщества (например, созданию волонтерских групп), а не за счет навязываемых извне программ[141].

Однако, к «новому» катастрофизму, как комплексному явлению, относятся и следующие понятия, демонстрирующие, наоборот,

---

[138] Кравченко С. А. Социальная диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 143.
[139] Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. – М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 36.
[140] Pillemer, K., Keeton, Sh. A. J., Suitor, J. Intergenerational relations // Borgatta, E. F., Montgomery, Rh. J. V. Encyclopedia of Sociology, Vol. 2. 2nd ed. New York, Macmillan Reference USA, 2000. P. 1388.
[141] Walsh, F. Traumatic Loss and Major Disasters: Strengthening Family and Community Resilience. Family Process, Vol. 46, No. 2, 2007. P. 223.

разрушительные силы в природе, обществе, направленные против устойчивого развития или подрывающие способность справиться с катастрофой и ее последствиями.

Это, в первую очередь, *патологическая окружающая среда (pathological environment)* – условия окружающей среды, при которых благоприятно развитие заболеваний, где нет безопасного, чистого воздуха и воды, почв[142]. Речь здесь не столько о загрязнении среды, сколько о том, что, скажем, в загрязненной воде больше вероятность наличия инфекционных заболеваний, которые, в свою очередь, приводят к повышенной смертности среди населения.

В подобной среде способно формироваться *поврежденное сообщество (corrosive community)* – сообщество, пострадавшее в результате катастрофы, попавшее в цикл новых бедствий и не способное вернуться к своему нормальному функционированию. Оно характеризуется потерей доверия, социального капитала, такого как благотворительность, эмпатия, забота, и ресурсов для восстановления. При этом в нем также происходит фрагментация социальных групп и разрыв социальных отношений, как личных, так и институциональных[143]. Ему обычно противопоставляется терапевтическое сообщество, в котором чувство «мы» возобладает над каждым отдельным, травмированным «я».

Именно в таких ситуациях катастроф возникают э*кологические беженцы и миграция (climate refugees and migration)* – это люди, «которые были вынуждены оставить свое традиционное место жительство, временно или навсегда, потому что значительное происшествие в окружающей среде (природное или вызванное людьми), которое подвергло опасности их существование и\или серьезно повлияло на качество их жизни»[144]. Данное

[142] White R. Controversies in environmental sociology. – New York: Cambridge University Press, 2004. P. 239.
[143]Thomas, D.S.K., Phillips, B.D., Lovekamp, W.E., Fothergill, A. Social vulnerability to disasters. 2nd ed. – Boca Raton, FL: CRC Press, 2013. P. 405.
[144]Цит. по Prof. Yuvraj D. Patil. Disaster affected Environmental Refugees & Human Rights. P.6 [Электронный ресурс] // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2002497 (дата обращения 17.04.2017)

определение было предложено в докладе в рамках первого собрания Программы ООН по окружающей среде 1985 г. Эссамом Эль-Хиннави. Соответственно, экологическая миграция – процесс миграции населения, связанный с экологическими факторами, к которым можно отнести и природные, и техногенные катастрофы[145].

Наконец, существует и целая философская школа в рамках экологического подхода, и связана она с экологической справедливостью. *Экофеминизм (ecofeminism)* – подход, строящийся на мысли о том, что женщины и природа связаны, и, как следствие, существует связь между природой и феминизмом, как движением и в ее защиту. В качестве основополагающей идеи этого подхода можно назвать мысль о том, что женщины, как и природа веками притеснялись в патриархальном обществе. Социологи выделяют три школы экофеминизма[146].

Первая – эссенциалистская, или духовный экофеминизм, предполагает необходимость разрешения маскулинно-феминных дуализмов (таких как культура\природа, мужчина\женщина, аргумент\эмоция, публичный\частный, разум\тело, рациональность\интуиция, состязательность\сотрудничество, насилие\ненасилие) в жизни человека и общества для решения современных проблем окружающей среды. С этой точки зрения «мужской» мир находится на грани коллапса, ведь он уничтожает окружающую среду. Женщины, в свою очередь, ближе к природе и способны по-настоящему заботиться о ней из-за своих биологических качеств, жизни в соответствии с природными циклами. В рамках этого подхода на первый план выходят внутренние изменения, культура должна стать жизнеутверждающей, действия должны иметь большее значение, чем абстрактное теоретизирование, а природу должны представлять скорее женщины, чем мужчины.

Вторая школа – материалистический подход – предполагает, что

[145]Цикловики. Экологическая миграция [Вебсайт] URL: http://cyclowiki.org/wiki/Экологическая_миграция (дата обращения 05.06.2017).
[146]Barry J. Environment and Social Theory. – NY, Routledge, 2005. Pp. 107–122.

женщина ближе к природе не за счет биологии, но из-за своей работы и рождения детей, то есть основывается она не на поле, но на гендере. Но женщина, как и природа все равно страдает в условиях патриархата и индустриального капитализма. Эта школа предлагает радикально новую теорию экономики: разделение ее на три сектора, производства, воспроизводства и природных ресурсов.

Третье направление – «экофеминизм сопротивления» – связан с экологическими движениями в защиту женщин (от бедности и деградирующих условий окружающей среды, защита репродуктивных прав) и окружающей среды в странах третьего мира.

В качестве понятия, с какой-то точки зрения близкого эко-феминизму, можно сказать, задающего его основы, можно назвать экологическую справедливость. *Экологическая справедливость (environmental justice)* – равное отношение ко всем расам, культурам, доходам и уровням образования в отношении развития, внедрения и применения законов, правил и политики, касающихся окружающей среды. Равное отношение подразумевает, что никакие группы людей не должны быть вынуждены принимать на себя непропорциональную долю негативных экологических последствий от загрязнения или вредных факторов окружающей среды, или получить отказ в пропорциональной доли позитивных преимуществ от программ в защиту окружающей среды или урегулирования ее из-за отсутствия политических или экономических сил[147].

Выводы

Инвайронментальная социология долго шла к своей теперешней институционализации. Сначала остановившаяся на вопросах взаимоотношения человека и природа на самых базовых уровнях философии, она стала предметом для анализа первых социологов, которые искали в ней источник закономерностей общественной жизни. Однако, начиная с Фрейда,

[147]Rhodes, E.L. Environmental Justice in America. – Bloomington, IN: Indiana University Press, 2003. P. 19. Citing White R. Controversies in environmental sociology. – New York, Cambridge University Press, 2004. P. 118.

ученые задумались об отражении внутренней жизни человека и ее проекции на природу, подавление как внутреннего, так и внешнего миров. И уже в начале XX в. со становлением Чикагской школы социологии были заложены первые основы для будущего направления социологической теории, которое впоследствии станет инвайронментальной социологией. Франкфуртская школа задалась вопросом противопоставления человека природе, связав психику и отчуждение, растущее между людьми, и насилие над окружающей средой. Но только с возникновением протестных движений и активного интереса к вопросам и проблемам окружающей среды эта сфера социологии оказалась признанной, широкое внимание СМИ получив лишь с докладами Римского клуба и конференции ООН в Рио-де-Жанейро. Новая экологическая парадигма, предложенная в 1978 г., сразу разграничила традиционный теоретический подход и предлагаемый этой отраслью социологии. Однако впоследствии у инвайронментальных социологов не было единомыслия, и за последующие 20 лет это направление распалось на несколько течений, среди которых сторонники экологической модернизации, критические реалисты и социальные конструктивисты.

Но действительно значимо здесь то, что с волной общественного интереса к вопросам охраны окружающей среды к ним обратились и действительно крупные социологи, начиная с Н. Лумана и кончая У. Беком. Каждый рассматривал природу сквозь свою призму изучения и анализа социального мира и его взаимоотношения с планетой. Н. Луман рассматривал теорию экологической коммуникации, конструирования смыслов в рамах подсистем общества. Э. Гидденс предложил идею «парадокса Гидденса», и выдвинул свои концепты, дающие возможность поиска путей выхода из сложившейся экологической ситуации на планете: политическую и экономическую конвергенцию, поиск положительных сторон изменения климата, императив развития. Дж. Урри занимался теориями коллапса общественных систем, построением моделей будущего и ввел в социологию ряд терминов, обозначающих «новый» эпохализм в науке.

У. Бек, создатель теории общества риска, в последние годы разрабатывал теорию эмансипирующего катастрофизма и метаморфозы мира. В социологии катастроф важны такие социологи, как О. Н. Яницкий, занимающийся анализом и исследованием кейсов катастроф в России и за рубежом, и Ч. Перроу, выдвинувший теорию «нормальных аварий». Русские социологи также не остались в стороне от инвайронментальной теории, и начиная с советских времен проводились исследования в рамках урбанистических и катастрофических парадигм.

Категориальный аппарат инвайронментальной социологии и социологии катастроф можно разложить на несколько направлений: это система понятий, предложенная Дж. Урри, в которой заложена новизна ресурсного поворота и обращения социологии к экологическим проблемам – «новый» катастрофизм, климатический поворот, новый эпохализм. К ним же можно добавить эмансипирующий катастрофизм У. Бека, апокалиптический катастрофизм С. Асаямы. Есть и понятия, относящиеся к характеристике человеческих сообществ, такие как уязвимость и приспособляемость, солидарность и виктимность, поврежденное сообшество. Кроме того, есть система понятий, связанных с катастрофами, в который входят понятия, как ландшафт катастрофы, социально-экологический метаболизм катастрофы, антропоцен, экологические беженцы, а также комплекс понятий, связанных с отображением нарративов катастроф в СМИ и в жизни: фрейминг, нарратив, секвестрация знания и информационная неуверенность.

Таким образом, для отцов-основателей социологии вопросы взаимодействия природы и общества принципиально не были основными, но в XX в. к ним обратились с новой силой. Параллельно со становлением инвайронментальной социологии фундаментальные сдвиги и метаморфозы, происходящие с окружающей средой стали интересовать и мета-теоретиков. Русские социологи также не остались в стороне от инвайронментальной теории, и начиная с советских времен проводились исследования в рамках урбанистических и катастрофических парадигм.

Глава 2. Социологический анализ аспектов «новых» катастроф

В данной главе мы последовательно рассмотрим, в чем же заключаются принципиальные отличия между старыми и новыми катастрофами. И если «старые» катастрофы – это катастрофы в привычном понимании слова, которые можно рассматривать, как происшествия выдающегося по своим разрушениям характера, то «новые» – растянутые во времени процессы трансформации привычного образа существования природы и общества, к которым мы добавим и чрезвычайные события «удара» биологического по социальному (такого как масштабные вирусные эпидемии). В обоих случаях катастрофичность и природный характер этих явлений не поддается сомнению, но их характер, временной и пространственный, отличается разительно.

Во втором параграфе внимание будет уделяться именно примерам подобных катастроф и их особенностям. Мы рассмотрим такие явления, как изменения климата, глобальные антропогенные изменения лица планеты, а также роль бактерий, вирусов и лекарств – это три основных, выделенных нами типа. Здесь будут представлены различные дискурсы, существующие в публицистических и социологических текстах вокруг «новых» катастроф.

§2.1. «Новые» катастрофы: влияние на социум и природу

Как уже было сказано в Главе 1, в 2011 г. английским социологом Дж. Урри был предложен радикально новый термин «неокатастрофизм»[148]. Он предполагает, что исследования в области нового катастрофизма будут охватывать множественные процессы, которые создают взаимозависимые катастрофы в таких системах, как окружающая среда, климат, продукты питания и водные ресурсы, энергетика.

Можем предположить, что по закону «беспредельной перемены», выдвинутому Г. Спенсером, этот переход от «старых» к «новым» катастрофам был необходим и вписан в условия развития общества – в

[148]Urry J. Climate Change and Society. Malden, PolityPress, 2011. P. 36–47.

данном параграфе рассмотрим это подробнее. Отметим, что «новый» катастрофизм предполагает иной подход к катастрофам, нежели привычный для классической социологии, в рамках которой у катастроф совершенно явно прослеживаются этапы и легко просчитываются последствия. Они расширяются за пределы национальных границ, а их процесс социально-экологического метаболизма настолько растянут во времени, что корни многих катастроф относятся к началу антропоцена, то есть XIX в.

Так вот, «новые» катастрофы – растянуты во времени, корни свои берут в прошлом, нередко обусловлены самой культурой обращения человека с природой. Их последствия также неопределенны во временной плоскости, трудно поддаются локализации, но все они несут следы экологической справедливости за счет большого охвата территорий и человеческих жертв. Солидарность их жертв строится на основе страха, чем и стираются отличия между локальными жертвами и людьми, узнавшими о катастрофе с помощью СМИ. Именно в этом заключается особенность их социально-экологического метаболизма и встроенность в общество риска, по У. Беку.

«Новые» катастрофы нельзя определить точно, как непосредственно природные или техногенные, к которым применима обычная модель восстановления после катастрофы. В них велика роль человеческого фактора, ошибок и недочетов. В каком-то смысле к ним можно отнести термин Э. Гидденса и назвать их «ускользающими»: в том смысле, что они плохо поддаются привычным моделям анализа. В таких, «новых» катастрофах цикл (идущий от предупреждения о грядущей катастрофе до выхода из кризиса, ею вызванного) замыкается на вторичных катастрофах, то есть производных от нее, и последующем, непрекращающемся психосоциальном воздействии на население, что приводит к «поврежденному сообществу».

В традиционной модели восстановления после обычных природных

катастроф ход событий разворачивается по следующей схеме[149]: предупреждение → угроза → удар → спасение → инвентаризация → восстановление → реконструкция → выход из кризиса.

В современных же катастрофах цикл замыкается на первых трех пунктах (предупреждение, угроза и удар), а все остальные оказываются под вопросом. Они совмещают в себе и черты природных, и техногенных катастроф. Таким образом, эти катастрофы становятся «аномалией» для ученых, и значительным вопросом для социологов, изучающих риски.

Американский социолог Ч. Перроу даже выдвинул теорию «нормальных» аварий[150]. Нормальные или системные аварии – несчастные случаи или чрезвычайные происшествия, неминуемо происходящие в сложных комплексных системах, когда их свойства порождают множественные и неожиданные сбои, строящиеся непосредственно на цепи ошибок или перебоев в работе. Причем у этой цепи ошибок нет прямой последовательности, высока доля непонимания того, как произошла авария.

Системы становятся все более сложным за счет того, что либо им приходится иметь дело с опасными для жизни веществами или устройствами, либо мы требуем, чтобы они работали в еще более враждебной среде или с большей скоростью, в больших объемах.

Итак, мы можем выделить основные отличия «новых» и «старых» катастроф в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Отличия «старых» и «новых» катастроф

Параметры	**«Старые» катастрофы**	**«Новые» катастрофы**
Характер	• природные • техногенные • террористические акты и социальные катастрофы	• природно-техногенные • антропогенные изменения • высокомобильные

[149]Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina: perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. P. 3.
[150]See Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. NY, Basic Books, 1984.

		заболевания
Причины	Удары стихии, аварии вследствие неполадок в работе систем, деятельность человека	Каскадирующие катастрофы, в которых прослеживается связанная причинность человеческой деятельности и природного удара вкупе с разрушением сложных технических систем
Эпизодич-ность	Внезапные, как правило, однократные	Растянуты во времени, ползучие, длительный процесс социально-экологического метаболизма с многократным повторением и тенденцией к расширению, парадоксальный характер рисков
Локализа-ция	Региональные и локальные	Глобальны (возможен и точечный удар, но в этом случае глобальны по последствиям)
Ответст-венная сторона, акторы	Ответственность за выход из кризисной ситуации в основном на местных властях	Ответственность на уровне правительств, однако фактически она ложится на международные организации и местных жителей, которым приходится принимать решения в условиях неизвестности
Хронологи я (цикл)	1. Предупреждение; 2. Угроза;	Замкнутый цикл, приводящий к поврежденному сообществу,

	3. Бедствие; 4. Воздействие; 5. Управленческие решения; 6. Применение средств защиты.	состоящий из: 1. Предупреждения; 2. Угрозы; 3. Бедствия.
Методы оценки	Шкалы, экономическая оценка ущерба	Необходимость в нескольких системах измерения, экономическая оценка ущерба может быть лишь приблизительной
Масштаб воздействия	Локальный	Глобально-локальный не только по воздействию на экосистему в целом и большие человеческие жертвы, но и из-за насаждаемой паники в СМИ по всему миру
Уровень влияния	Локальный	Транснациональный за счет стирания национальных границ чувством коллективного страха
Формы мобили-зации	• Эвакуация с последующим возвращением, • Усилия спасателей	• Перемещение жителей, не только долгосрочное, но и со сменой места жительства • Усилия спасателей на уровне международных организаций
Последст-вия	Локальные разрушения, в основном природные и экономические, социальные	Массовые и масштабные разрушения экологической, экономической, социальной,

		культурной систем
Глобальности и локальности	• «Побочный ущерб» от ошибок и халатности[151] • Носят эмансипирующий характер, объединяющий весь мир чувством общности и страха	
Выводы	Необходимость реабилитации социально-экологического пространства и психологической помощи людям	Необходимость изменения общественно-политического порядка, использования более «зеленой» политики, работы с посттравматическим синдромом у пострадавших

Как итог данной таблице, мы можем предложить собственное определение «новых» катастроф, ранее не формулированное социологами, которые говорили о них, в основном основываясь на примерах.

«Новые» катастрофы – это широкомасштабные каскадирующие катастрофы с длительным социально-экологическим метаболизмом, социоприродной причинностью и значительными дисфункциональными и функциональными последствиями не только для мировой окружающей среды, но и для глобального социума.

Социологи называют следующие критические проблемы, в принципе, свойственные большинству подобных катастроф и других «дестабилизирующих явлений»[152]. Во-первых, это проблемы со здоровьем и так называемый посттравматический синдром, причем для них характерна и сложность в достижении определенности в оценке состояния здоровья, особенно психического и ментального. В качестве трагического примера можно привести участившиеся случаи самоубийств в Японии[153]. Они

[151] Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

[152] Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. NY: Basic Books, 1984. Pp. 193–194, pp. 202–203.

[153] Nagano M. Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees. 2015, Dec 28. URL: http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026 (accessed 07.03.2017).

рассматриваются полицией, как пролонгация посттравматического синдрома, связанного с аварией на АЭС Фукусима, которая была вызвана цунами в марте 2011 г.

Во-вторых, это падение привычного уровня трудоустройства, характерного для сообщества, одновременно с ростом числа безработных, ищущих работу. В-третьих, в число самых насущных проблем входят вопросы жилья, так как оно часто оказывается в разрушенном состоянии, и вопросы стоимости жизни. В-четвертых, значительное количество людей уезжают на время, чтобы переждать удар стихии и остаться в стороне при работе с последствиями. Наконец, в-пятых, это проблемы молодежи: рост девиантного поведения, нехватка образования и обычных способов отдыха, наркотики. В качестве решения зачастую называют сплочение сообщества, необходимого не просто для более слаженной работы по урегулированию последствий катастрофы, но и для того, чтобы люди черпали в этом силы для исцеления травм на индивидуальном уровне.

В качестве примера можно привести аварию на Чернобыльской АЭС: отечественные социологи, проводившие социологические исследования, отмечали возникшие чувства незащищенности, социального покоя, ощущение покинутости и ненужности обществу[154].

Кроме того, есть и еще одна проблема: неподготовленность населенных пунктов к катастрофам происходит не из-за неопределенности грядущего риска или неосведомленности властей, а за счет их неадекватного реагирования на предупреждения со стороны специалистов-технологов, социологов, ученых других специальностей. Человеческий фактор подкрепляется и тем, как власти ведут себя в борьбе с последствиями катастрофы, насколько не хватает их усилий, чтобы предотвратить человеческие жертвы.

Примечательно, что в качестве противодействия в борьбе с

[154] Мозговая А.В. Преодоление социальных последствий аварий на ядерных объектах: социологических решений (к 30-ти летию чернобыльсой катастрофы) // Власть. 2016, № 06. С. 112.

последствиями ударов катастроф социологи называют религию. Она выступает своего рода стабилизатором, – и этот факт подтверждается многими социологическими исследованиями[155]. Например, в случае урагана Катрина приходы многих христианских церквей Нового Орлеана занимались не только волонтерской работой по помощи спасателям, но и организацией питания и медицинских услуг, поиском одежды и предметов первой необходимости для пострадавших, в особенности неимущих слоев населения[156].

Работу буддистов, перенявших опыт христианских общин, можно раскрыть на примере храма Махиндарама в Пенанге в случае цунами в Индийском океане в 2004 г.[157], когда был организован сбор помощи пострадавшим на территории сети храмовых медицинских центров. Один из буддийских лидеров опубликовал в интернете сообщение с призывом о сборе вещей, на который откликнулись люди со всего мира. Характерной чертой кооперации буддистов является отсутствие яркого проявления своего религиозного исповедания или связей с какими-либо буддистскими ритуалами.

И у мусульман, и у индуистов существуют организации, которые направляют волонтеров на помощь пострадавшим регионам. В качестве примеров можно привести, соответственно, организацию Islamic Relief Worldwide («Исламская помощь» с отделениями во многих странах, в том числе США) и союз Раштрия сваямсевак сангх («Союз добровольных слуг родины», Индия). И, конечно, верующие люди вне зависимости от религиозной принадлежности отвечают на катастрофы молитвой. Таким образом, с одной стороны, религия служит связующим звеном для людей при координации их усилий. С другой, она помогает им примириться со стихией, называя первопричину, будь то Божья воля или ход судеб мира.

[155]Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina: perspectives on a modern catastrophe. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2010. P. 123.
[156]Ibid. P. 126.
[157]Samuels J. Buddhist disaster relief: monks, networks, and the politics of religion // Asian Ethnology, 75, №1, 2016. Pp. 53–74.

Как видно, последствия и проявления «новых» катастроф тесно связаны с экономической сферой за счет не только разрушительного воздействия на собственность, производство и аграрный сектор, но и влияния на безработицу. С политической сферой их связывает обязанность властей непременно ответить на создаваемые ими вызовы, с религией – возможность позитивного отношения к ним.

Но есть и еще одна сторона жизни общества, его подсистема, которая позволяет объединить людей с помощью передачи жизненно необходимой информации, соединив производителей и потребителей рисков, в то же время способная служить источником развлечения – СМИ. Именно «новые» катастрофы стали первыми, получившими круглосуточное внимание СМИ и социальных медиа. В первую тройку вошли ураган Катрина, трагедия 9/11 (серия четырех террористических актов 11 сентября 2001 г. в США) и цунами в Индийском океане 2004 г., ставшее самым смертоносным в современной истории (с числом погибших около 230 тысяч человек). К ним добавились и новые ураганы, например, в августе 2017 г. ударили ураганы Ирма и Харви, масштабнейшие по числу разрушений и смертоносные. Причем, как показало время, то, что у СМИ есть возможность глобальной 24-часовой трансляции в сутки, дало им власть и информационный капитал нагнетать страх по всему миру, стирая национальные и языковые границы.

У. Бек писал о таких «безумных» событиях, ставя в один ряд падение Берлинской стены, катастрофические изменения климата, аварию на АЭС Фукусима в Японии и финансовый кризис. Он отмечал, что все они происходят по единой схеме: то, что раньше казалось невозможным и невообразимым, теперь разворачивается в каждой гостиной в мире благодаря трансляции СМИ[158]. Таким образом и происходит инсценирование рисков в условиях нового эпохализма.

Природные катаклизмы все больше становятся привлекательной

[158] See Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.

«картинкой» для СМИ – не только благодаря непосредственной информационной значимости для мира и из-за большого количества человеческих жертв. Этот феномен, как можно отметить, происходит и из-за эпичности происходящего, способного вызвать живой отклик у аудитории и показать всю хрупкость и уязвимость современной экологической обстановки, равно как и обнажить ценность человеческих жизней в условиях, когда рушится привычный уклад жизни и безопасность ставится под вопрос.

Кадры затопленных домов или ревущей лавы – такое конструирование рисков – способны «пробудить» уставшего, погрязшего в рутине будней человека, вернуть его к жизни, оторвав от привычной погруженности в мысли и события прошедшего дня, когда он возвращается домой с работы. По словам канадского социолога М. Маклюэна, «телевизионный образ, подстегивающий страсть к глубинному вовлечению в каждый аспект опыта, создает одержимость физическим благополучием»[159]. А, значит, картинка массовых смертей и разрушений будет только подчеркивать благополучие и достаточность мира, замкнутого на самом телезрителе, подсознательно побуждая его упрочить свое собственное положение и материальную, вещную обеспеченность своего дома. Но она ни в коей мере не служит гарантом защиты от происходящих с планетой метаморфоз и необходимости принимать собственные потребительские и социально-ответственные решения, способные влиять на состояние окружающей среды.

Еще одной чертой СМИ, следящих за разворачивающимися по всей планете катастрофами, как экстремальными событиями, является скорость. Мгновенная публикация сообщений о том или ином ударе природы возможна и благодаря появлению социальных медиа. Социологи отмечают все большую, растущую зависимость даже транснациональных новостных агентств (таких как, скажем, BBC, CNN или RT) от простых граждан[160],

[159]Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. С. 377.
[160] Mythen G. Reframing risk? Citizen journalism and the transformation of news // Journal of Risk Research, 2010, 13(1). P. 47.

которые служат источником не всегда качественной, но зато доступной, легкой в поиске и скорой информации, включая видео и фото.

Здесь очень важно проследить, какой предстает природа в СМИ – будь то «котики» в социальных сетях, пасущиеся на альпийском лугу коровы с рекламных плакатах или крупные, несущие ужас природные катастрофы на экранах телевизоров. Социологи Франкфуртской школы говорили о возможности «нового околдовывания» природы, заложенного в таком антропоморфном или «обеззараженном» ее восприятии. Образы природы покупаются и продаются, как писали Хоркхаймер и Адорно[161], а значит, и «картинка» больших катастроф является медийным «продуктом» – в чем-то наравне с рекламными постерами с безоблачным альпийским небом. Все это ведет к тому, что планета по-прежнему лишается своей жизни, только теперь уже под маской возвращения доброй памяти о тех образах, которые навевают чувство единения с природой.

Кроме того, СМИ способны сами избирать те или иные нарративы, тем самым репрезентируя одну и ту же катастрофу с разных сторон, придавая ей разные смыслы. Проиллюстрируем этот процесс конструирования новостей примером на основе одного из факторов, способствующих распространению «мертвых» почв – фрекингом в Канаде (метод добычи нефти и газа, при котором происходит гидравлический подрыв пласта). В число нарративов, существующих вокруг фрекинга в этой стране можно назвать и изменения климата и выбросы парниковых газов, и землетрясения и загрязнение воды, а также ущерб экономике, и проч. Небольшие землетрясения, связанные с фрекингом, действительно происходили с 2010 г., их число не задокументировано. Однако в пяти репрезентативных местных и федеральных газетах число статей, упоминающих о них в течение четырех лет с сентября 2010 г. менее 10%. Такое низкое отображение связанных экологических проблем происходит, несмотря на все усилия активистов и

[161] См. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.: Медиум, 1997.

ученых, говорящих о негативном влиянии фрекинга на экосистему[162].

Как и в случае природных катастроф, СМИ играют особую роль и в трансляции сообщений об эпидемиях и высокомобильных заболеваниях (еще одной «новой» катастрофы, продуцируемой высокоскоростными средствами сообщения, способными быстро перевозить уже заболевших людей и носителей вирусов по всей планете). СМИ способны превратить несколько смертей в непрекращающийся и нескрываемый марафон отчаяния и ужаса, инсценируя риски пандемии. Такая информация подается публике, почти привыкшей к подобным эпидемиям паники, создаваемым – порой искусственно – в случаях массовых смертей или событий, способных потенциально к ним привести.

В качестве примера можно назвать «свиной грипп» или H1N1 – первую пандемию XXI в. Активность, посвященная ей в СМИ, в интернете и социальных сетях была высокой. Однако доступная информация не всегда была достоверной. Критичность восприятия обычно зависит от таких факторов, как образование, доход, пол и национальность, и существенно тут не только то, как коммуникатором и реципиентом понимается сообщение, но и уровень доверия между ними. В случае эпидемий это имеет особенно далеко идущие последствия, так как от этого зависит, будут ли люди применять указанные средства для предупреждения распространения заболевания[163].

Подобная пандемия, согласно изображению в СМИ, посеет панику во всем мире, разрушит социальный порядок на фоне неадекватных действий правительств[164].

Тут важно понимать, что различные коммуникаторы будут конкурировать за внимание реципиента, что может осложнить процессы распространения выверенных сообщений и рекомендаций в случае угрозы

[162] Olive A. What Is the Fracking Story in Canada // The Canadian Geographer, 2016, 60(1). P. 38–39, 43.
[163] See Driedger, S. M., Cooper, E., Jardine, C., Furgal, C., Bartlett, J. 2013. Communicating Risk to Aboriginal Peoples: First Nations and Metis Responses to H1N1 Risk Messages, PLoS ONE, 8(8).
[164] Abeysinghe, S., White, K.. The avian influenza pandemic: Discourses of risk, contagion and preparation in Australia // Health, Risk & Society, 13(4), 2011. P. 322.

той или иной инфекции. Доступ общества к информации из научных источников иногда перекрывается из-за большей доступности источников неформальных – таких как устная коммуникация, здравый смысл и СМИ. И в некоторых случаях общественность гораздо больше доверия испытывает именно к ним, то есть проявляет свою, не научную форму рациональности[165], руководствуясь здравым смыслом.

Важной чертой катастроф, в которых сочетаются природные и техногенные факторы (а это относится к характеристикам «новых» катастроф) является недостаток чувства контроля. Тогда на первый план выходят риски и рисковые коммуникации, затрудненные тем обстоятельством, что происходят они между людьми с разными бэкграундами: учеными, политиками, журналистами и широкой общественностью, – которым необходимо эффективно и слаженно сотрудничать в условиях срочности и неопределенности[166].

Здесь мы остановимся на рисковых коммуникациях. Это «любой целенаправленный обмен информацией о риске либо процесс осознания риска»[167], согласно В. Т. Ковелло. Рисковые коммуникации обычно информируют людей о тех или иных рисках – но не всегда носят объективный характер и зачастую нацелены на размытие национальных, расовых и других различий, таким образом способствуя созданию общечеловеческой, глобальной культуры.

Необъективность такой коммуникации, по словам Н.А. Стекловой[168], обусловлена тремя факторами. Во-первых, при сильной централизации власти СМИ начинают служить государственным интересам, амбициям политических лидеров, снижается склонность к открытой общественной

[165] Garvin, T. Analytical paradigms: the epistemological distances between scientists, policy makers, and the public // Risk Analysis, 2001, 21(3). P. 451.
[166] Bergmans, A.. Meaningful communication among experts and affected citizens on risk: challenge or impossibility? // Journal of Risk Research, 2008. 11(1–2), P. 180, 189–190.
[167] Covello V., Sandman P., Slovic P. Guidelines for communicating information about chemical risks effectively and responsibilly // Acceptable evidence: science and values in risk management. NewYork: Oxford University Press, 1991. P. 66.
[168] Иванов А.В. идр. Социальный риск: ментальные, ценностные, коммуникативные основания. – Саратов, Наука, 2012. С. 135–136.

полемике, но параллельно растет тенденция замалчивания. Это может привести к увеличению числа жертв за счет неинформированности, паники и страха неопределенности. Во-вторых, освещение СМИ каких-либо событий обладает эффектом дискретности: как правило, они передают информацию об отдельных событиях, а не их итоговые последствия, кроме того, возникает и риск вытеснения одного факта другим. Все вместе создает картину достаточно поверхностного восприятия происходящего. В-третьих, ответственность лежит и на лицах, распространяющих, коммуницирующих информацию: если они теряют чувство осознанности в условиях открытости, доступности и свободы информации и перестают отвечать за свои поступки, объективность пропадает и последствия плачевны для реципиентов подобной информации, которые теряются в условиях информационной неуверенности.

В случае урагана Катрина, например, искажение информации началось с того, что репортеры ТВ-каналов обосновались в Новом Орлеане, когда вода стала отступать, оставив близлежащие места, в которых, однако, последствия были несколько другими. Сам город был показан как на грани коллапса, и, несмотря на то, что транслировались реальные и убедительные картины разрушений, в своих репортажах журналисты основывались на культурных предположениях и мифах о катастрофе. Это было обусловлено недостатком эфирного времени и небольшим количеством фактов, но привело к трансляции картины полного хаоса и анархии, все-таки не соответствующей действительности[169]. Однако эта картина, представленная СМИ, пусть и основанная на сплетнях, в полной мере использовалась для того, чтобы оправдать действия правительства. В частности, на макроуровне были задействованы такие мифы, как паникующая общественность и угроза,

[169] Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010. P. 26–28.

исходящая от мародеров, – все это подкрепляло необходимость действий полиции[170].

Подобную рисковую коммуникацию осложняет и тот факт, что СМИ зачастую провоцируют в людях, неискушенных в вопросах экологии и смежных с ней наук, отношение, основанное не на научном подходе и эмпирических данных, а на эмоциональном восприятии особым образом преподносимой информации. Это хорошо заметно на примере феномена окисления океана, рассмотренного ниже.

В статье «Правда об «окислении» океана»[171] П. Мур, один из основателей движения в защиту окружающей среды Гринпис, говорит о том, что в корне неверно употреблять подобный термин в отношении вод мирового океана. Они никогда не станут кислотными, как предполагает предложенный термин, подразумевающий собой процесс. Но обыватель, не обладающий знаниями о том, как рассчитывается кислотность воды (а показатель pH– это шкала от 0 до 14, где при 7 вода нейтральна, а ниже кислотна, при том что pH мирового океана от 7,5 до 8,3), возможно, испугается этой информации, не вдаваясь в подробности. Он может проассоциировать это явление с кислотными дождями, или же в его воображении может нарисоваться кислотный океан.

То же происходит, и когда речь идет о новых эпидемиях, мутировавших вирусах и прочем – журналисты ищут любые предпосылки создания сенсационных или шокирующих новостей, обнажающих уязвимости общества. Это поддерживает тот факт[172], что сообщество, сталкивающееся с угрозой, интересуют не столько факты касательно

[170] Tierney K., Bevc Ch., Kuligowski E. Metaphors Matter: Disaster Myths, Media Frames, and Their Consequences in Hurricane Katrina // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 604 (1), 2006. Pp. 60, 62, 74.

[171] Moore P. The truth about ocean “acidification” // The climate surprise: Why CO_2 is good for the Earth. Arlington, The CO2 coalition, 2016. P. 25.

[172] Covello V., Sandman P., Slovic P. Guidelines for communicating information about chemical risks effectively and responsibilly // Acceptable evidence: science and values in risk management. NewYork: Oxford University Press, 1991. P. 68.

смертности или конкретная информация для оценки риска, но доверие, контроль, компетентность властей и чувство сострадания.

В дополнение к самим проблемам, возникающим при коммуникации риска, проблемы и риски могут возникнуть и в случае, когда в сообщении содержатся темы, благоприятные для одних групп реципиентов и негативные для других. В качестве примера можно привести проблемы пищевой безопасности, а точнее одну из них – коровье бешенство. Это тема, крайне опасная для мясной промышленности, так как растущее внимание потребителей к безопасности продукции приводит к спаду спроса. Однако для сообщества вегетарианцев или других «зеленых» это тема была бы привлекательной, так как заостряла бы внимание на вопросах содержания животных и других негативных аспектах современного фермерства. При подобной поляризации рисковые коммуникации должны включать в себя «определенные приличия и понимание всех коммуницирующих сторон»[173].

В общем и целом, можно сказать, что окружающая среда представляется силой и одновременно «контекстом, который воспринимается людьми и позитивно, и негативно»[174], равно как и общество выражает себя в своем отношении к окружающей среде.

И хотя, конечно, любая катастрофа может быть «прочитана», как социальный текст по мере того, как она разворачивается в некоем контексте; силы природы, создавшие ее, или удар стихии сам по себе, запускаемые технологией, существуют как независимые, екзо-семиотичные процессы, оперирующие на физическом уровне, и они, безусловно находятся «вне» текста, вне зависимости от того, сколько текстов будет создано о них после самого факта их происшествия.[175]

[173] Smillie L., Blissett A. A model for developing risk communication strategy // Journal of Risk Research, 13(1). 2010. P. 116.
[174] Bankoff G., Frerks G., Hilhorst D., eds. Mapping vulnerability: Disasters, development and people. London: Earthscan, 2004. P. 17.
[175] Ibid. P. 18.

В заключение охарактеризуем полемику о солидарностях новых катастроф, как проявлений неокатастрофизма, и его глобальных последствиях.

Катастрофы имеют как дисфункциональные, так и функциональные последствия. Вместе с разрушениями они приносят с собой наглядные иллюстрации того, как человеческие действия способны оказаться негативными и не ставить препятствий ходу и развитию удара стихии. Но эти же действия могут быть и позитивными: облегчить страдания в процессе скооперированной и методичной работы с последствиями, завалами и травмами. Функциональные и дисфункциональные последствия несут с собой как эмансипирующий катастрофизм, так и апокалиптический: с одной стороны, ужасая своими последствиями и приводя к необходимости пересмотра существующей политики и принятия жестких экологических мер, они способны объединять людей по всему земному шару чувством солидарности.

Так, ураган Катрина был назван не только наиболее деструктивной катастрофой в истории США по масштабам нанесенного вреда, но и – в то же время – наиболее инструктирующей, если задуматься о тех уроках, которые она принесла, и о том знании, что из нее вынесли ученые по всему миру. Ученые даже назвали Катрину «совершенным штормом», так как она обнажила существующую в американском обществе несправедливость, уязвимости и ошибки, заложенные в системах безопасности, и позволила изучить анатомию современных катастроф[176].

Неокатастрофы заставляют задуматься о будущем, при этом стирая привычные вопросы границ, национальных и человеческих. Они не просто будоражат мышление, проверяют человека на прочность, но и выносят на повестку дня общечеловеческие вопросы и учат жить в патологической окружающей среде. В этом смысле О. Н. Яницкий писал о «креативности»

[176]Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010. P. 18–19.

катастроф[177]: они «помогают» обществу извлекать уроки из собственных ошибок, а также совершенствовать свои институты.

Наиболее наглядно это видно на примере детей: им не только предстоит жить в условиях неопределенностей будущего, но и в том настоящем, которое мы имеем сейчас, они являются наиболее уязвимой демографической группой. Согласно недавним докладам Всемирной организации здравоохранения[178], более 1 из 4 смертей детей до пятилетнего возраста обусловлены нездоровой, неблагоприятной окружающей средой – это более 1,7 миллиона смертей в год. К таким инвайронментальным рискам можно отнести загрязнение воздуха, пассивное курение, грязную воду и недостатки в санитарных условиях, неадекватную гигиену. Более того, самые частые причины детской смертности – диарея, малярия и пневмония – также поддавались бы лечению, если бы был доступ к безопасной воде и чистым приборам для приготовления пищи.

Международными организациями (такими как Организация объединенных наций) или движениями в защиту окружающей среды (например, Гринпис) создаются и развиваются программы экологического образования. Они необходимы для того, чтобы люди, озабоченные проблемами экологии, разбирались в важных вопросах, касающихся защиты окружающей среды. Очень часто бывает так, что люди знакомы с информацией о том, как они могут помочь, только на микроуровне (скажем, сажать деревья или перерабатывать мусор), а действия с более широкой перспективой кажутся им «путаными» и «идеалистичными»[179]. В итоге, без должного образования действия людей крайне индивидуализируются и становятся ограниченными ближайшим кругом действия. Это повышает риски экологических катастроф и оставляет людей не готовыми к

[177] Яницкий О.Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 188.
[178]The World Health Organization. The cost of a polluted environment: 1.7 million child deaths a year, says WHO [Website] URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017/pollution-child-death/en/ (дата обращения 10.05.2017).
[179]King L., McCarthyD.Environmental sociology: from analysis to action. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. P. 377.

чрезвычайным происшествиям. Здесь важно и то, что пока нельзя говорить о роли классического образования, зачастую слишком ригидного, чтобы отвечать на последние вызовы современной экологии – согласно Н. Луману, это больше «не источник надежды»[180]. Акцент на оценочность в образовании, как социальном институте, и, как следствие, перегруз собственных структурных проблем оставляют мало пространства для внедрения программ экологической чувствительности. А значит, место «просветителя» остается за международными неправительственными организациями и движениями в защиту окружающей среды, как способными преодолеть косность системы или же действовать на основании личного выбора каждого участника программы.

Не рациональны решения, лежащие в плоскости смены очевидно губительных для окружающей среды практик: например, уменьшение выбросов парниковых газов, – которые подходят к обществу, не как к системе институтов, а как целостному организму, способному менять свои «привычки». Принимая во внимание не только временные лаги в воздействии таких изменений, их низкую пластичность, но и простую неспособность насильственной смены вредоносных практик, какой бы непременной она ни была, по словам Н. Лумана, такие рекомендации не имеют под собой реалистичных оснований. Здесь можно привести в пример Киотский протокол, принятый в 1997 г., который даже механизм продажи квот на выбросы парниковых газов не спас от того, что с началом второго периода обязательств из него вышли многие страны, включая Россию и Японию, США вышли ранее.

Тогда в качестве возможной альтернативы межправительственным договорам можно предложить решения, растущие «снизу»: инициативу самих людей, осознающих свою экологическую ответственность. Это может быть как высадка деревьев, призванная остановить процесс омертвения почв,

[180] Luhmann N. Ecological communication. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 101.

раздельный сбор мусора, так и самостоятельные исследования и открытия, например, в области бытовой промышленности, призванные облегчить энергетическую нагрузку каждого отдельно взятого домохозяйства в масштабах планеты.

Наконец, катастрофы являются эмансипирующими[181], то есть обладающими «освободительными побочными эффектами зла»[182]. Автор этой концепции, У. Бек, раскрывает этот эффект на примере урагана Катрина, когда наводнение обнажило расовое неравенство со стороны неблагополучия перед лицом катастрофы. Тем самым травматический опыт вызвал процесс рефлексии, в котором связались факты, ранее игнорируемые, а катастрофа обнажила скрытое до того лицо сохраняющегося американского расового неравенства.

Более того, катастрофа становится космополитичной: она раскрывает горизонты рефлексии, «культурной работы» – символического осмысления произошедшего, по Беку – для всех людей, вне зависимости от их географического места проживания.

Многие катастрофы, которые мы можем причислить к «новым»: турбулентность климата, мертвые почвы и воды, угрозы продовольственной и питьевой безопасности и другие – обладают способностью не только сплачивать людей, невзирая на государственные и национальные границы, но и заставить их задуматься о судьбе нашей общей планеты, создавая фрейм «глобальной справедливости», по Беку.

«Новые» катастрофы разворачиваются в современном мире на наших глазах благодаря действию СМИ, причем в этот процесс активно вовлечены и сами люди, оказавшиеся на месте событий, у которых есть возможность поделиться изображением происходящего с помощью социальных сетей и средств коммуникации. Они востребованы за счет эпичности происходящего

[181] См. Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? Социологические исследования, № 1, 2016. С. 177–185.
[182] Там же. С. 180.

и масштабности поражения, материального и человеческого ущерба. Однако в дополнение к замалчиванию некоторых сведений и обрывочному, краткосрочному информированию, информация о них далеко не всегда оказывается достоверной. Это только усиливается существованием различных нарративов у групп с конфликтующими или конкурирующими интересами, а также преобладанием эмоциональности и мифотворчества над научной рациональностью и фактологическим подходом.

Кроме того, при всей многовекторности и комплексности «нового» катастрофизма, как феномена, объединяющего изменения климата, природно-техногенные катастрофы и вирусные заболевания, в СМИ все эти явления встраиваются в апокалиптический мета-нарратив, способный поддерживать панические настроения и всегда оставаться на слуху благодаря нескончаемому потоку новых событий, катастрофических по своей сути.

§2.2. Типы «новых» катастроф и различия их социальных последствий

Остановимся подробнее на протекающих на планете процессах, в которых природные факторы неминуемо связаны с жизнью общества. В первую очередь это масштабные экологические катастрофы, развитие которых не поддается более или менее планируемому контролю. Они разворачиваются сами по себе, словно стихийное бедствие, но в таких огромных временных рамках, что это скорее напоминает бомбу замедленного действия. Не все эти явления находятся на слуху, как зачастую любимое СМИ глобальное потепление, но все они отличаются не меньшей наглядностью.

Помимо природных катаклизмов ученые называют[183] и несколько других, менее видных невооруженным глазом, но и заметно более глобальных вопросов. Все они вызваны деятельностью человека в период антропоцена – и если выйдут за определенные рамки, то последствия их

[183] Rockström J. Et al. A safe operating space for humanity. Nature, 2009, № 461. P. 472-475.

будет тяжело предвидеть, но, несомненно, риски высоки. Помимо климатических изменений, это масштабы вымирания видов (наземных и морских), вмешательство в азотный и фосфорный циклы, использование пресной воды, изменения в использовании земель, химическое загрязнение и концентрация аэрозоля в атмосфере.

Мы выделяем несколько основных типов современных «новых» катастроф. В первую очередь, это планетарные катастрофы, являющиеся производными от изменений климата. Это могут быть как тайфуны и ураганы, так и цунами, засухи и наводнения. В качестве второго типа можно назвать антропогенные изменения лица планеты, то есть те изменения в экосистеме планеты, которые привносит деятельность человека. Это вырубка лесов и уменьшение биоразнообразия Земли, всевозможные загрязнения атмосферы, почв и вод, а также тепловое загрязнение и проблемы, связанные с замусориванием не только окружающей среды, но и культуры в целом. Третий тип – это проблемы, вызванные, с одной стороны, ростом вирусной сопротивляемости и появлением новых, мутирующих бактерий и вирусов, а с другой – появлением лекарств, которые также способны влиять на человеческой сознание. Все три выделенных типа говорят о том, что человек все больше противопоставляется природе и в идущей против нее борьбе, в ситуации истощения ресурсов и опасности нависшей угрозы эпидемий и смертельных болезней он оказывается не в состоянии справиться с поддержанием хрупкого баланса экосистемы.

Самой крупной и значительной проблемой среди «новых», грядущих и конструируемых катастроф – в определенном смысле определяющей или, по крайней мере, влияющей на происходящее в остальных сферах жизни нашей планеты – является *изменение климата*.

Британский социолог М. Манн в четвертом томе книги «Источники социальной власти. Глобализации, 1945–2011» пишет, что эта глобальная проблема, которую по масштабу воздействия можно сравнить с атомной энергией, возникла благодаря капитализму, которому «помогли и

национальные государства, и индивидуальные потребители».[184] Роль национальных государств здесь заключается в том, что политические связи способствовали и продвигали гонку за экономическим ростом, а население планеты значительно выросло с начала XX в., когда природные ресурсы уже начали истощаться. Весь этот предполагаемый подъем настроений господства над природой и пик коллективной власти человечества теперь, по словам социолога, необходимо направить на такое же глобальное решение проблемы климатических изменений, которые не знают национальных границ и затрагивают каждого.

К изменениям климата можно отнести не только глобальное потепление (или турбулентность климата, как этот феномен называет Дж. Урри), но и периоды аномальной жары, резкие заморозки, так называемые «экстремальные погодные явления» (наводнения, засухи, к которым можно добавить штормовые и тропические циклоны, песчаные бури, торнадо, разрушительные пожары, сильные снегопады). Кроме того, это и постоянно сезонно изменяющиеся показатели озонового слоя в стратосфере, чья площадь сокращается в периоды повышения температур.

Такие изменения климата в сторону резких смен, непредвиденных ужасающих погодных явлений показывают не только то, насколько хрупка и в то же время устойчива экологическая система Земли, ее регуляция и баланс. Они демонстрируют и крайнюю связанность процессов, протекающих на планете – и в этом их солидаризирующий, по У. Беку, эффект, основанный на чувстве взаимной ответственности всех людей, проживающих на земном шаре.

Если в одном регионе пройдет большой ураган со своими разрушениями и человеческими жертвами, он обязательно принесет с собой ливни и наводнения и для близлежащих регионов. В то же время другие части света могут страдать от засух. В каком-то смысле это связано с

[184] Mann M. The sources of social power. Vol. 4. New York: Cambridge University Press, 2013. P. 362, 364.

экологической справедливостью: распределение катаклизмов на планете становится все более равномерным, пусть разные регионы страдают от разных типов климатических потрясений, но отмежеваться «богатый Север» от «бедного Юга» уже не может.

Иногда такое положение дел может сочетаться в одной стране, как это было в Австралии в 2016 г.[185], когда в начале года в двух отдельных регионах (на востоке и на юге) была засуха с сильными пожарами и нехваткой электроэнергии, вызванной перебоями в работе гидроэлектростанций. Но уже с мая, с кульминацией в сентябре там наблюдались сильные ливни с последующим выходом рек из берегов, что привело к тому, что основная магистраль страны, соединяющая Мельбурн и Брисбен, была закрыта более чем на месяц. То же было и в Тасмании: после самых засушливых месяцев в истории (с сентября 2015 г. до апреля 2016 г.) наступил черед самых больших осадков (с мая по декабрь).

Здесь можно вспомнить так называемый эффект «слепого пятна»[186] – неспособности человека или целого сообщества предвидеть, предугадать или как-то заранее обозначить наихудшее в качестве возможного сценария будущего. Этот феномен в чем-то связан с парадоксом Гидденса и перекрывается «позитивной ассиметрией», как характеристикой обществ, людей и событий. В рамках этого феномена предполагается, что людям не свойственно задумываться о будущем в негативном контексте, оно словно затуманивается или затмевается их представлениями о нем – и в контексте неожиданных климатических изменений этот феномен может делать их удар еще более болезненным и неожиданным.

Тут можно провести параллель с британским социологом Кларком[187], который считал, что как только человек в состоянии представить

[185]WMO Statement on the State of the Global Climate in 2016. P. 15 [Электронный ресурс] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (accessed 04.04.2017).
[186] Cerulo K. A. Never saw it coming: cultural challenges to envisioning the worst. Chicago: The University of Chicago Press, 2006.
[187] Rodríguez H., Barnshaw J. The Social Construction of Disasters: From Heat Waves to Worst-Case Scenarios // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. Vol. 35 (3), 2006. P. 219.

«непредставляемое», оно сразу же перестает быть «наихудшим сценарием» – а значит, нужно готовиться к еще худшему, непредвиденному бедствию, не основанному никоим образом на предыдущем опыте.

Примечательно, что климатические изменения и связанные с ними антропогенные факторы не новы. Один из самых ранних зафиксированных случаев произошел в XVII–XVIII вв. в североамериканских колониях: изменение в методах возделывания земли и землепользования в Новой Англии повлекло за собой улучшение климата. Однако подобные связи и слухи, с ними связанные, часто становились предметом спекуляций[188].

Исследования по обнаружению и определению метеорологических явлений показали, что влияние человека на климат стало главной движущей силой потепления глобальной климатической системы, какой ее наблюдают с 1950-х гг., согласно пятому оценочному докладу[189] МГЭИК (Межправительственная группа экспертов по изменению климата). Это несомненно и очевидно за счет того, что атмосфера и океан стали теплее, уменьшилось количество снега и льда и поднялся уровень моря. Человеческое влияние привело к значительным региональным температурным сдвигам в сторону потепления и на континентальном, и на субконтинентальном уровнях.

Экстремальные события, связанные с погодой либо с климатом, сильно влияют на жизнь общества, и речь здесь не только о человеческих жертвах или экономическом ущербе. Они обнажают хрупкость не только существующей инфраструктуры, по словам социолога Р. Мёрфи, но и всего зависимого от технологий общества. Большинство из отдельно взятых индивидов беспомощны, в решении проблем, возникающих при ударе стихии, полагаются на общественные организации и государство. И все же

[188] Штер Н., Штор Х. Погода – климат – человек. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129–130.
[189] IPCC Climate Change 2014 Synthesis Report. P. 40. [Электронный ресурс] URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_All_Topics.pdf (дата обращения 04.04.2017).

это «не индивидуальная черта»: она заложена и формируется комплексностью современной технологии[190].

В качестве примера может послужить феномен ледяных дождей, который встречается не только в США и Канаде, но и в России. О. Н. Яницкий, разбирая кейс декабря 2010 г., отметил, что катастрофа, произошедшая в нескольких регионах Центрального и Приволжского федеральных округов России, была двойной[191]: шли ледяные дожди, что сопровождалось массовым отключением нескольких тысяч населенных пунктов от энергоснабжения. Вслед за П. Сорокиным, социолог описал социальную дифференциацию удара ледяных дождей. В зависимости от типа поселения и по имущественному признаку, катастрофа могла обернуться всего лишь временными неудобствами, но могла и закончиться отрезанными от жизни поселениями. Это говорит о том, что вопросы экологической справедливости не теряют своей актуальности в том, что одна и та же катастрофа способна нести различные последствия для людей из разных социальных классов, а имущественная дифференциация продолжает оставаться сдерживающим фактором в распределении этих последствий.

Данный феномен проявляется и в том, что экстремальные события также зачастую увеличивают разрыв между богатым Севером и бедным Югом. В докладе[192] Международного валютного фонда (МВФ), основанного на результатах первого в своем роде межнационального исследования маленьких стран Тихого океана, как единой группы, сообщается, что природные катаклизмы непропорционально чаще ударяют по небольшим, развивающимся странам. И средний ежегодный урон от них там гораздо превышает урон в более крупных и развитых государствах. С вероятностью

[190] Murphy R. Leadership in Disaster: Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009. P. 142–143.
[191] Яницкий О.Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.: Институт социологии РАН, 2011. С. 177–180.
[192] Cabezon, E., L. Hunter, P. Tumbarello, K. Washimi and Y. Wu. Enhancing macroeconomic resilience to natural disasters and climate change in the small states of the Pacific. IMF Working Paper WP/15/125. 2015. [Электронный ресурс] URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15125.pdf (accessed 03.04.2017).

удара природы в 20% в год, показатель роста ВВП этих стран падает на 0,7% каждый год, когда происходит какое-то стихийное бедствие.

Согласно У. Беку, изменения климата – плод коллективной человеческой памяти и наследие множества ошибок[193]. И, несмотря на то, что современные ученые в основном концентрируются на поиске решений или доказательств, они выступают агентом метаморфозы окружающего мира. Климатические изменения уже поменяли то, как люди живут и каким они видят мир, что они думают и как пытаются повлиять на действия политиков; они изменили и отношение к вопросам экологической справедливости.

Кроме того, Бек высказывает интересную мысль о том, что «климатические риски учат нас, что нация больше не является центром мира. Мир не вращается вокруг нации, но нации вращаются вокруг новых, зафиксированных звезд: «мира» и «человечества». Примером этому служит интернет». Социолог сравнивает этот поворот сознания с открытием Г. Галилея, что Земля вращается вокруг солнца – и интернет потенциально позволяет не только связаться с любым человеком на земном шаре, но и создает чувство общности. Тем самым происходит метаморфоза национальных границ, и можно добавить, что и к людям приходит осознавание не только собственной ответственности за происходящее с миром и планетой, но и вера в возможность объединения усилий для того, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону.

Согласно Беку, современные изменения климата принесли с собой и «времена неизвестностей»[194], когда привычное социальное равенство – в которое входят, но не подразумеваются женщины, евреи и негры и прочие меньшинства – перестает существовать в рамках национальных границ. Национальное неравенство, в свою очередь, распространяется и становится глобальным. Вместе с тем, климатические изменения способны «разрешить

[193]See Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.
[194] Beck U. Remapping social inequalities in an age of climate change: for a cosmopolitan renewal of sociology // Global networks: a journal of transnational affairs. Vol. 10 (2), April 2010. Pp. 165–181.

существующие неравенства между бедными и богатыми, центром и периферией» – они и иерархичны, и демократичны.

Беку вторит английский климатолог М. Халм, который говорит, что изменения климата давно вышли за пределы естественных наук и стали еще и социальным явлением[195]. О нем говорят в таких сферах, как политика, экономика, поп-культура, коммерция и религия, в каждой из которых, во многом благодаря роли СМИ, это явление служит своим целям и новым смыслам. Для подтверждения этой идеи Халм приводит несколько существующих дискурсов об изменениях климата, среди которых настолько разнящиеся, как «поле битвы» для философов и ученых и источник вдохновения для новой глобальной сети экологических социальных движений. Это показывает, насколько один и тот же феномен способен породить многочисленное число откликов в разных социальных группах, раз вопросы поддержания окружающей среды волнуют многих людей и являются актуальным вопросом для общественности.

К самому масштабному показателю изменения климата нужно отнести глобальное потепление или *турбулентность климата*. Это явление давно уже вызывает споры, о нем много говорится в СМИ – и до сих пор неизвестно, насколько реальны угрозы, с ним связанные. Однако приведем некоторые факты, которые перечислены в заявлении Всемирной метеорологической организации (ВМО) о состоянии глобального климата в 2016 г.[196]

В 2016 г. потепление продолжилось, причем был установлен новый температурный рекорд в 1,1 °С по сравнению с доиндустриальным периодом и 0,06 °С по сравнению с максимальным показателем предыдущего года. В конце 2015 г. был зафиксирован пиковый показатель углекислого газа в атмосфере (400 мг/м^3). Общемировой показатель распространения морского

[195] Hulme M. Why We Disagree about Climate Change: Understanding Controversy, Inaction and Opportunity. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 25–27.
[196]WMO Statement on the State of the Global Climate in 2016 [Электронный ресурс] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (дата обращения 04.04.2017).

льда упал более чем на 4 миллиона км^2 ниже среднего в ноябре, что является беспрецедентной аномалией. В свою очередь, ледники тоже продолжили таять, на -858 мм по среднемассовому показателю.

С парниковым эффектом, известным благодаря глобальному повышению температур в результате нагревания газов в атмосфере Земли, связаны и проблемы мирового океана.

Как и другие «новые» катастрофы, проблемы загрязнения и негативных изменений морских вод происходят от социальных и исторических процессов, начавшихся далеко не вчера. Они не замыкаются исключительно в вопросах экологии, но имеют огромные последствия для жизни общества, и невозможно разделить проблемы мировых вод от социальных проблем[197]. Человек веками жил у моря, находил пропитание на его берегах, у морей оканчивались и начинались торговые пути. Он же черпал вдохновение и искал отдыха у морских пейзажей. В наши дни к этим функциям – экономическим, транспортным, рекреационным – прибавилось значение моря, как источника энергии (с появлением приливных электростанций и возможности добывать ископаемые виды топлива на дне), и моря, как пространства для выброса отходов, мусора (начиная с сельхоз и заканчивая нефтяной и атомной сфер промышленности). Морские экосистемы оказывают неоценимое влияние на процесс поддержания жизни на Земле. При всех этих социально-экологических факторах океан часто оказывается вне зоны внимания не только общества, но и ученых, социологов (интересы которых порой, к сожалению, ограничиваются вопросами рыболовства). И одной из самых острых проблем – помимо загрязнения, которое можно рассматривать, как относящееся к экосистеме всей планеты в целом – является окисление его вод.

Окисление вод мирового океана – процесс закисления морских вод, вызванный попаданием в них углекислого газа из атмосферы Земли и

[197]Longo S.B., ClarkB. An Ocean of Troubles: Advancing Marine Sociology. Social Problems, 2016. V. 63 (4). P. 463-464.

последующими химическими реакциями. Это выражается в снижении водородного показателя pH, а на деле приводит к деградации кораллов и моллюсков, панцирных животных, чьи раковины формируются из углекислого кальция. И так как они являются основой пищевых цепей, в дальнейшем страдают многие виды рыб, а, значит, и человек. Риск остаться без привычных продуктов питания обнажает не только уязвимости, связанные с проживанием у моря, но и уязвимости человечества в целом – то, насколько влияние деятельности человека на глобальную экосистему подрывает его собственное существование.

Еще одним негативным последствием является загрязнение вод водорослями, которых CO_2 питает. Особенно хрупкими являются морские экосистемы прибрежных вод (за счет поступлений пресной воды), западное побережье США и воды мирового океана у полюсов. Если не будет принято никаких мер, то к 2100 г. средний мировой уровень pH у поверхности воды может упасть от 8,15 до 7,67[198]. В наши дни процесс идет со скоростями, беспрецедентными для истории Земли: по разным оценкам, от 10 до 100 раз быстрее, чем когда-либо за последние 50 миллионов лет. Тем не менее, само название, «окисление» не означает[199] того, что воды когда-либо действительно станут кислотными. Скорее, это относится к процессу снижения показателя, более-менее остающегося в рамках нормальной кислотности. Это явление окисления вод океана как раз показатель того, как конструируется риск, превращаясь в «самоисполняющееся пророчество», согласно У. Беку.

Климатические изменения влияют на мировой океан и с точки зрения уровня вод. Турбулентность климата и таяние ледяных шапок у полюсов и ледников означает и повышение уровня мирового океана (с начала XX в.

[198]Fauville G., Säljö R., Dupont S. Impact of ocean acidification on marine ecosystems: educational challenges and innovations. Marine biology, 2013, Volume 160 (8). P. 1863.
[199]Woods Hole Oceanographic Institution. 20 Facts about ocean acidification. [Эл. ресурс] URL: http://www.whoi.edu/OCB-OA/FAQs/ (дата обращения 01.04.2017).

глобальный уровень моря поднялся на 20 см)[200]. Следовательно, неминуемо *затопление* прибрежных земель и перед социологами должна встать необходимость изучения вопросов миграции, что особенно насущно для жителей прибрежных мегаполисов.

Затопление, скажем, Нью-Йорка или глобальные климатические катастрофы часто становятся бэкграундом сценария какого-нибудь голливудского блокбастера. «Практики искусства активно участвуют в космополитизации рисков, придавая эстетический голос и "визуальность" разворачивающимся "климатическим" событиям и проблемам, тем самым практикуя [...] некую эстетику космополитизации!»[201]. Важно отметить, что просветительская функция кино в сфере экологической осознанности – предмет исследований социологов. Так, согласно опросу общественного мнения, проведенного в среде зрителей, посмотревших блокбастер «Послезавтра» (рассказывающем, пусть и преувеличивая масштабы бедствий, о последствиях климатических изменений, показывая заледенелый Нью-Йорк), в краткосрочной перспективе наблюдаются изменения в отношении к экологическим проблемам по сравнению с отношением к остальным мировым вызовам[202]. Однако последствия таких кино-посланий амбивалентно: например, социологи отметили, что драматичность событий, показанных в фильме, привела к тому, что зрители разуверились в реальности неожиданных и резких ударов природы в результате изменений климата.

В реальной жизни помимо некоторых городов на побережье США затопление грозит Нидерландам, Венеции, постепенно уходящей под воду, городам в дельте Нила. На примере Нидерландов можно сказать, что проблема никогда не кроется лишь в поднятии уровня вод (что в этой стране

[200]WMO Statement on the State of the Global Climate in 2016. P. 8 [Электронный ресурс] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (дата обращения 01.04.2017).
[201] Thorsen L.M. Art and Climate Change: Cosmopolitization of Aesthetics / Aesthetics of Cosmopolitization? 2014 – неопубликованная рукопись. Цит. по Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? // Социологические исследования, 2016, № 1. С. 181.
[202] Hulme M. Why We Disagree about Climate Change: Understanding Controversy, Inaction and Opportunity. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 213.

успешно решается с помощью целой системы дамб), но и в уровне осадков, обмелении рек и проседании почвы – факторе, в свою очередь зависящем от человеческого воздействия на среду. Однако наиболее уязвимыми являются страны – и в особенности островные государства – Азиатско-Тихоокеанского региона.

Дополнительным фактором, указывающим на крайнюю взаимосвязанность экосистемы планеты, является тот факт, что таянье льдов вызывает не только затопление прибрежных поселений, но и понижение температуры Гольфстрима, делающего мягким климат всей Европы. Таким образом, турбулентность климата может принести с собой похолодание определенных частей света, а это изменение – сделать более уязвимыми целые регионы со своими устоявшимися практиками. Это особенно видно на примере того, как европейские страны стали переживать зимы с аномальным количеством снега, создающим ситуации транспортного коллапса.

Масштабные наводнения часто бывают обусловлены другой производной от непредвиденных и резких климатических изменений – цунами, тайфунами и ураганами.

В качестве других «новых» катастроф, имеющих большие последствия для человечества, можно назвать *дрейф континентов*. Об этом феномене в планетарных масштабах задумались только в XX в., но он стал еще одним поводом к смене научной парадигмы в пользу «нового» катастрофизма[203]. «Новый» катастрофизм, как термин, широко распространен именно в геологических науках, где он закрепился с 1970-х гг. и стал концептуальной основой, объединяющей согласованность процесса и атипичные эпизоды катастроф в единую, тесно интегрированную систему, основанную на ретродуктивной аргументации,[204] то есть объяснительной стратегии, ведущей от данных к объяснению. К непосредственным проявлениям последствий

[203]Reimold W.U. Revolutions in the Earth Sciences: Continental Drift, Impact and other Catastrophes. South African Journal of Geology. P. 32.
[204]Marriner N., MorhangeCh., Skrimshire S. Geoscience meets the four horsemen? Tracking the rise of neocatastrophism. Global and Planetary Change, 2010. P. 46.

сдвигов тектонических плит можно отнести землетрясения, цунами и извержения вулканов.

Извержение супервулкана способно не только унести тысячи человеческих жизней, но и лишить людей урожая на ближайшие несколько лет. Такие масштабные извержения способны снизить температуру на несколько градусов (эффект вулканической зимы)[205], как доказывают исследования годовых колец деревьев. Ландшафт катастрофы при подобных извержениях можно измерить в масштабах всей планеты, и он способен снять границу между «мы» и «они» группами, делая жертвами – пусть в той или иной степени – всех жителей планеты.

Но даже извержение обычного вулкана способно сильно повлиять на привычный ход жизни. Можно выделить две группы факторов, когда извержение «обычного» вулкана может иметь опустошительные социально-экономические следствия[206]. Во-первых, это случаи выброса большого числа кислотных газов, которые ветер может разнести над плотно заселенным регионом, где в атмосфере есть сульфатные аэрозоли. Это создало бы локальный парниковый эффект, уменьшило бы фотосинтез – и нанесло бы урон здоровью людей и животных. Во-вторых, в случае, если вулкан находится у побережья, его извержение могло бы вызвать масштабное цунами. Например, первые масштабные оползни были задокументированы[207] в 1960-х около Гавайских островов, сформированных в результате вулканической деятельности.

Бывают и другие подобные случаи, также демонстрирующие, насколько масштабны влияния природы на привычные средства передвижения, технику и жизнь в целом. Так, извержение исландского вулкана Эйяфьядлайёкюдль в 2010 г. (показатель вулканической эксплозивности 4 балла из 8) – пусть и не нанесло сильный урон здоровью

[205]Smil V. Global catastrophes and trends. The next 50 years. Cambridge: The MIT Press, 2008. P. 33.
[206]Ibid. P. 35.
[207]Ibid. P. 37.

людей – повлекло за собой закрытие воздушного пространства части Европы на несколько дней из-за пепла, поднявшегося в воздух. Оно продемонстрировало уязвимости, которыми обладают привычные высокомобильные средства передвижения и всю скрытую на первый взгляд зависимость человека от окружающей среды и ее обстоятельств.

Следующая проблема связана с *почвами и землей*: не просто нехваткой площадей, необходимых для сельского хозяйства и обеспечения нормальной жизни растущего населения Земли, но и истощения и ухудшения качества самих почв, их эрозии и опустынивания. Специфика «нового» катастрофизма и состоит в том, что в ее основе – глобальные проблемы, одинаково характеные для различных регионов планеты, ставящие под вопрос экологическую справедливость в патологической окружающей среде.

Отдельной проблемой здесь встает вопрос *мертвых земель и вод*[208], проблема, которой занимается американский социолог С. Сассен. Если мертвая земля – это почвы, насыщенные огромным количеством химикатов, то воды становятся мертвыми из-за недостатка кислорода вследствие разнообразных загрязнений. Конечно, возможности биосферы обновлять землю, воды и воздух значительны, но в современном мире они становятся ограниченными рамками, в которые их загоняют технические, химические и организационные инновации.

Растущая потребность в земле и воде, прогрессирующая бедность, истребление флоры и фауны для разработок плантаций и месторождений полезных ископаемых – все это вместе «позволяет» человечеству рассматривать огромные площади земли просто как пространства, которые можно и нужно использовать. Сценарии процесса разрушения могут различаться, но, в общем и целом, все они приводят к гектарам мертвых земель. Примечательно здесь и то, что можно, например, противопоставить площади земель, которыми владеют небольшие фермерские хозяйства в

[208]Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press, 2014. Pp. 149–210.

странах бедного Юга по сравнению с богатым Севером: в них соотношение земель, которые выкуплены западными инвесторами или используются правительством, более чем в два раза превышает площади земель, оставленных небольшим фермерским хозяйствам[209].

Деградацию почв можно определить, как «долгосрочную потерю экосистемой функций и продуктивности, вызванную вмешательством, с которым она не может справиться самостоятельно». Проведенные исследования показывают, что серьезно деградированы в настоящее время около 40% сельскохозяйственных угодий. Наиболее пострадавшие регионы, где земля уже не пригодна для возделывания: Центральная Америка (75%), Африка (20%), Азия (11%).

За последние несколько лет волны жарких температур стали главным источником деградации сельхоз земель, что приводит ко всем известным последствиям для глобального производства пищи, в особенности для бедных слоев населения.

Но помимо постепенного отмирания почв существуют процессы, вызывающие значительнейшие разрушения. Добыча полезных ископаемых и производство – на первых местах, с ужасающей способностью воздействовать на почвы и особой сложностью в процессах восстановления.

Очень токсичен свинец, используемый в промышленности, его воздействие может разрушить почки, нервную систему, мозг, привести к коме и даже к летальному исходу. Он очень медленно разлагается, как и хром, вызывающий астму, диарею, внутренние кровотечения, наносящий вред печени и почкам, он задействован во многих промышленных процессах.

Большую роль в деградации почв играют горнодобывающая промышленность, причем наиболее опасен такой способ добычи нефти и газа, как фрекинг: он заражает используемые воды углеводородами – отходами или химикатами. Еще один опасный вид – разработка в нагорном

[209] Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press, 2014. P. 3.

карьере, процесс, который приводит к разрушению локальных экосистем.

Но, безусловно, самый опасный тип – угрозы от ядерных и химических отходов, которые действуют и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе, и лишают безопасности даже богатые слои населения, так как от них невозможно скрыться.

В свою очередь, проявления омертвелости воды можно найти на площади, превышающей 245,000 км^2 (это чуть больше площади Великобритании). Эти зоны страдают от гипоксии, то есть нехватки кислорода, необходимого для поддержания жизни, в них не хватает круговорота воды, необходимого для обновления вод и обогащения их кислородом. Ключевую роль в этом играет деятельность человека, включая аграрное загрязнение и сливы промышленных отходов в реки.

Еще одно связанное явление: пластик, наводняющий мировой океан и его течения. Слияние крупных океанских течений в пяти точках по всему миру создает массивные океанические круговороты. Однако, поскольку пластмасса, используемая во всем мире, попадает в океан, эти круговороты становятся похожими на мусорные свалки. Ежегодно по всему миру производится около 300 миллионов тонн пластика, из которых 7 миллионов тонн в итоге оканчивает свой путь в океанах. Пластик не разлагается, а скорее деградирует: при воздействии солнца и воды он разбивается на его составляющие молекулы, но процесс на этом останавливается.

Феномен «мертвых» земель и вод говорит о том, что большая часть процессов, происходящих с Землей вследствие деятельности человека, до сих пор сокрыта от глаз обывателя – и парадокс Гидденса тут налицо. Это явление значимо для жизни всей планеты, так как охватывает все континенты и океаны, а растет за счет самой разнообразной деятельности человека по освоению и разработке территорий и ее побочных эффектов в виде замусоривания. Какие-то относительно локальные катастрофы напоминают о природе, как о самостоятельном акторе, однако они никогда не будут способны продемонстрировать всю целостность происходящих с планетой

трансформаций, как это делают такие ползучие «новые» катастрофы, как рассмотренный выше феномен.

Но дело не только в климатических изменениях или деградации почв и вод. Антропоцен, связанный со вторым типом «новых» катастроф, в самом широком смысле – это не только влияние человека на природу, но и неизбежное изменение среды обитания самого человека, ее приобретенная патологичность. В первую очередь это ухудшение качества жизни в городах с точки зрения экологических показателей. Начался антропоцен с качественного изменения производства, что релевантно теории К. Маркса о том, что отношения между человеком и природой выстраиваются посредством труда[210].

Согласно современной статистике, *численность населения* земного шара растет со скоростью примерно 900 миллионов людей за десятилетие. Ожидается, что к 2050 г. она достигнет значения в 9.1 миллиард, если ничто не вмешается в ход жизни[211]. По оценкам ООН, оно может достигнуть и 9,7 миллиардов[212]. В настоящее время этот показатель составляет 7,5 миллиарда людей[213].

Рассмотрим пристальнее влияние людей на природу. Гиперболический рост численности населения, наблюдавшийся в XX веке, привел не просто к активному и *неконтролируемому использованию ресурсов планеты*, но и, как уже говорилось, резко поставил вопрос их достаточности.

Неограниченная рыбалка и охота – не только браконьерство, а и отсутствие рациональных, экологически безопасных правовых ограничений, которые бы действовали на основаниях международного менеджмента – привели к тому, что более 85% промысловых видов рыб находятся на грани

[210] Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. М., Государственное издательство политической литературы, 1960 г. С. 195.
[211]Pearce F. With speed and violence: why scientists fear tipping points in climate change. Boston: Beacon press, 2007. Pp. 23–25.
[212]World Population Prospects: The 2015 Revision [Website] // URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/events/other/10/index.shtml (accessed 06.04.2017).
[213] Population Pyramids of the World from 1950 to 2100 [Website] // URL: http://www.populationpyramid.net/ (accessed 06.04.2017).

исчезновения[214], а Красная книга пополняется все новыми и новыми видами, и в издание 2016 г. входит уже почти более 34,000 видов животных, растений и грибов.[215] Эта катастрофа – далеко не национальная трагедия, однако она, по большому счету, воспринимается привычно, словно «нормальная», как сказал бы Ч. Перроу.

Связанная проблема – вырубка лесов[216], демонстрирующая всю уязвимость атмосферы нашей планеты. Лес покрывает 31% площади ее поверхности, и около 1,6 миллиарда людей целиком зависят от того, что дает лес (включая пищу, одежду, свежую питьевую воду, средства народной медицины и приют). Он тоже находится под угрозой, не только из-за изменений климата, но и за счет пожаров, вырубки, заготовок древесины, освобождения земель для сельского хозяйства. Каждый год теряем 120–150 км^2 леса ежегодно, что эквивалентно 48 футбольным полям ежеминутно. Однако лес наравне с океаном играет критическую роль в сглаживании последствий климатических изменений, потому что поглощает углекислый газ, который в ином случае оставался бы в атмосфере и способствовал парниковому эффекту, и выделяет кислород. По оценкам ученых, 15% всех парниковых газов – результат уничтожения лесов. Наиболее разрушительные и наглядные результаты этого процесса видны в лесах Амазонки, где за последние 50 лет было потеряно около 17% леса, по большей части для скотоводства.

Скотоводство – это также насущный процесс, связанный не просто с пропитанием человека, но и растущей необходимостью подчинения окружающей среды и в то же время с нанесением ей урона. Согласно докладу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН[217], стада

---

[214]World Wildlife Fund (WWF) review of overfishing [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/overfishing (accessed 06.04.2017).

215The International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (IUCN) Red list of threatened species 2016 [Website] // URL: http://www.iucnredlist.org/about/summary-statistics (accessed 06.04.2017).

[216]World Wildlife Fund (WWF) review of deforestation [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/deforestation (accessed 06.04.2017).

[217]UN Food and Agriculture Organization (FAO). Livestock a major threat to environment [Website] // URL: http://www.fao.org/newsroom/en/news/2006/1000448/index.html (accessed 18.04.2017).

коров выделяют больше парниковых газов (метана, выраженного в эквиваленте углекислого газа – 18%), чем транспорт. Они также являются основным «двигателем» истощения земных и водных ресурсов.

Более того, в XX в. картина распределения традиционного питания стала стремительно меняться, что оказывает определенное давление на окружающую среду (наравне с увеличением спроса на автомобили)[218]. Например, в Китае, где веками не употребляли в пищу мяса и молока, эти продукты животного происхождения становятся семейными. С учетом миллиардного населения страны эта тенденция может означать значительную трансформацию ситуации на рынке – в худшую для экологии сторону. Это объясняется тем, что скотоводство самым очевидным образом влияет на рост парниковых газов в атмосфере и истощение ресурсов, а именно метана, который выделяют коровы.

Продовольственная и питьевая безопасность в целом – еще один глобальный вызов человечеству. Возрастает спрос даже на исходные, чистые ресурсы, такие как питьевая вода и земля под сельскохозяйственные нужды. Все большая опасность массового отравления из-за содержания ядовитых веществ в пище возникает из-за накопления в почве химикатов. По словам Дж. Урри, в будущем возможны продовольственные протесты, вызванные растущими ценами на продукты питания[219]. Богатые страны уже закупают землю в развивающихся, чтобы обеспечить продовольственную безопасность своему обществу. Например, Катар приобрел землю в Южной Австралии, были планы и по закупке земли в Кении и Камбодже, что можно назвать новой формой колонизации[220]. Подобные проявления «захватнической» глобализации в период нового эпохализма говорят о том, что ресурсы

[218] Dunlap R. E., Brulle R. J, eds. Climate change and society: Sociological perspectives. New York, NY: Oxford University Press, 2015. P. 38.
[219] Urry J. Climate Change and Society. Malden, PolityPress, 2011. P. 43.
[220] See The Guardian website. Rich countries launch great land grab to safeguard food supply // URL: https://www.theguardian.com/environment/2008/nov/22/food-biofuels-land-grab,Qatar looks to grow food in Kenya // URL: https://www.theguardian.com/environment/2008/dec/02/land-for-food-qatar-kenya (accessed 14.05.2017).

планеты все более рассматриваются, как единое целое, но за них все больше идет экономическая борьба.

Важно отметить, следуя словам С. А. Кравченко, и то инсценирование реальности, которое происходит с пищевыми рисками современности. Происходит не только стирание различий между риском и культурным содержанием риска, но и трансформация смысла определений риска, возникающая из-за теневых производителей еды и БАДов (биологически активных добавок)[221]. Это означает, что реальность, в которой живет человек, способна трансформироваться от его ожиданий угроз или его знаний о них. Он действительно становится уязвимым даже в сфере продуктов питания, как непосредственном и одном из источников жизни – наравне с кислородом и прочими ресурсами окружающей среды.

От серьезной нехватки воды по меньшей мере один месяц в году уже страдают две трети населения планеты (4 миллиарда), почти половина из них проживают в Индии и Китае[222].Ученые теперь говорят о том, что всего 0,007% всей воды нашей планеты пригодны для топлива и питья населения земного шара – это при том, что около 70% поверхности Земли покрыто водой[223]. Вода, как один из важнейших и жизненно необходимых ресурсов, и ее нехватка – еще один важный фактор ресурсного поворота в социологии.

Кроме того, крупные мегаполисы страдают от *загрязнения воздуха*. Особенно заметна эта проблема в Китае[224], где смог висит над Пекином и другими большими городами – из-за того, что при росте экономики и все возрастающих потребностях в энергии в стране стали строиться новые заводы и фабрики, работающие на угле. К настоящему моменту уголь является источником примерно 60% электричества в Китае – и именно на

[221] Кравченко С. А. Социальная диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 220-221.
[222]Mekonnen M., Arjen Y. Hoekstra. Four billion people facing severe water scarcity. Science Advances, 2016, №2(2).
[223]National Geographic website. Freshwater crisis. [Website] // URL: http://www.nationalgeographic.com/freshwater/freshwater-crisis.html (accessed 14.05.2017).
[224]Greenpeace website. The problems of air pollution [Website] // URL: http://www.greenpeace.org/eastasia/campaigns/air-pollution/problems/

него приходится львиная доля веществ, загрязняющих воздух, от сажи до сернистого ангидрида. Эта страна является самым крупным в мире потребителем угля, и именно в ней люди подвержены наибольшим рискам таких болезней, как инсульт, сердечный удар, рак легких и одновременно и хронических, и острых дыхательных заболеваний, включая астму. Тем не менее, по данным[225] Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) за 2014 г., 92% мирового населения живут в условиях, не соответствующих уровням загрязнения, зафиксированным ВОЗ в качестве рекомендуемых. В северном Китае эти показатели превышают норму практически в 20 раз.

Есть и другой вопрос, близкий проблемам санитарных условий и гигиены, которые важны и с точки зрения безопасности – *культура мусора*. Свалки и необходимость утилизации отбросов, в том числе таких опасных, как ядерные отходы и космический мусор – все нарастающая проблема. Российский социолог О. Н. Яницкий определяет культуру мусора, как «форму культуры общества всеобщего риска, когда производство отходов, мусора в широком смысле (бытового, производственного, информационного) постепенно становится преобладающей формой общественного производства»[226]. Опасность здесь не только в том, что накапливается мусор, как таковой, но то, что физические, материальные отбросы «переходят» в мусор информационный, ментальный, социальный и культурный. Засоряется язык, укрепляется беспечное отношение к имеющимся благам и к труду, к производству, утилизация не поспевает за растущими вблизи мегаполисов свалками.

Сами свалки представляют собой большую опасность. Они не только становятся местами обитания бомжей, «отбросов общества». В марте 2017 г. на гигантской свалке мусора площадью в 30 гектаров в Эфиопии, недалеко от

[225] World Health Organization website. Ambient (outdoor) air quality and health [Website] // URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs313/en/ (accessed 04.03.2017).

[226] Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 217.

столицы Аддис-Абеба произошел оползень[227], в результате которого погибли целые семьи с детьми – по меньшей мере, 65 человек. Местные жители называют в качестве причины строительство биогазовой установки на вершине свалки и работу бульдозеров по ее выравниванию.

Это служит иллюстрацией необходимости введения законов экологической справедливости в действие, так как решения, принятые властями совершенно не согласовывались с ситуацией, сложившейся в реальности, в них не было заботы о людях, проживавших в опасном районе и которые оказались в положении, где они были вынуждены принять на себя негативные экологические последствия действий властей.

Равное отношение подразумевает, что никакие группы людей не должны быть вынуждены принимать на себя непропорциональную долю негативных экологических последствий от загрязнения или вредных факторов окружающей среды,

Подобные несчастные случаи, вызванные непродуманной деятельностью человека, ищущего своей выгоды и не рассматривающего свою активность во всей ее целостности, и приводят к непредсказуемым последствиям. Такой недостаток системности мышления или его зашоренность только способствует развитию и процветанию рисков в современном обществе. Здесь можно вспомнить слова Г. Спенсера о разнице подходов чиновника и ученого к природе и противопоставить подчинение природы (или потребительское, не бережное отношение к ней, словно вписанное в условие происходящих катастроф) ее познанию. Такая отсылка к социальному фактору еще раз говорит о системной обусловленности катастроф. Также уместно вспомнить и Г. Маркузе, который полагал, что подобные случаи знаменуют собой «победу» внутреннего, присущего индивидам, разрушительного Танатоса. И его деструктивная энергия может

[227] The Guardian. Death toll from rubbish dump landslide in Ethiopia rises to 65 [Website] // URL: https://www.theguardian.com/world/2017/mar/13/death-toll-rises-to-65-after-rubbish-dump-landslide-in-ethiopia (дата обращения 15.04.2017).

быть «приручена» успешным инвайронментализмом, который он приписывал движениям в защиту окружающей среды.

Помимо этого, существует и удачный, запоминающийся термин, созданный американским экономистом Н. Н. Талебом для описания подобных катастроф[228]. «Черные лебеди» – это непредсказуемые и нерегулярные события огромного масштаба, влекущие за собой тяжелые последствия. Им свойственно заставать людей врасплох и больно «бить», что объясняется большой взаимозависимостью (которую трудно распознать) и нелинейными цепными реакциями сложных систем.

В общем и целом, можно заметить, что антропоцен принес человечеству проблему *загрязнения*, как такового. На втором месте стоит вопрос нехватки ресурсов – и самый волнующий умы ученых в настоящее время вопрос будущей *нехватки нефти и газа*. Проблема здесь кроется не только в фактической нехватке ресурсов, но и в происходящем между тем процессе поиска новых месторождений, борьбе за неохваченные территории (как в Арктике, где столкнулись интересы России, США и Канады), и в то же время применяемых методах. Скажем, добыча нефти и газа путем гидравлического разрыва пласта (так называемый фрекинг) ведет не только к загрязнению подземных вод и воздуха, общей деградации окружающей среды, но и вызывает небольшие землетрясения (до 5 баллов по шкале Рихтера)[229].

Дж. Урри называет «глобальной трагедией», что в конце XIX в. человечество поняло, как добывать и использовать нефть – и она стала тем «бесплатным сыром» или «сбежавшим из бутылки джином», которые уже приводят к гибельным последствиям[230]. Нефть привела к трансформациям многие общества прошлого века, сделав их зависимыми от себя. И теперь конец эры ее доступности в эпоху повышения глобальных температур

[228]Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М., Колибри, 2014.
[229]The science education research center at Carleton college. Potential health and environmental effects of hydrofracking in the Williston Basin, Montana. [Website] // URL: http://serc.carleton.edu/NAGTWorkshops/health/case_studies/hydrofracking_w.html (дата обращения 15.04.2017)
[230] Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. London: Zed Books, 2013. P. 239–240.

означает новые вызовы и необходимость перестройки социальных структур в сторону низкого уровня потребления углеродных источников энергии.

И другой вопрос энергетики остается подвешенным – атомные электростанции, строительство которых идет в странах, лидирующих по производству атомной энергии, но отказ от которых по причине необходимости избежать рисков, с ней связанных, рассматривается в настоящее время, например, в Германии. Италия полностью отказалась от имеющихся АЭС, такие страны, как Австралия и Ирландия, Норвегия отказались даже от планов строить АЭС, и даже страны-лидеры (США, Франция, Япония) закрывают некоторые станции. Тем не менее, самая крупная АЭС в мире – АЭС Касивадзаки-Карива – находится в Японии, на сейсмоопасной территории. После землетрясения 2007 г., в результате которого возникла утечка радиоактивной воды в море, а также аварии на АЭС Фукусима-1 в 2011 г. ее работа была остановлена.

Если рассматривать атомную энергетику, как отрасль, способную производить риски на уровне планеты в целом (разрушить целые поселения и экосистемы, вызвать рак и лучевую болезнь у тысяч людей и привести к атомной зиме в худшем варианте развития событий), то становится понятным явление, которое У. Бек называет «экономической слепотой»[231] по отношению к рискам. Он говорит о «беспримерном непонимании и преуменьшении опасности», когдаыц вся технология направлена на повышение производительности и, соответственно, на поиск экономической выгоды – с полным невниманием к экологической и инженерной безопасности.

Риски и опасности, возникающие в результате подобной деятельности человека, не просто латентны – они парадоксальны и динамичны, по словам С. А. Кравченко. Это означает, что стираются непосредственные каузальные

[231] Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 40 [Эл. ресурс] URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/files.php?f=pf_eaaf4f79b02a78b919aca693a8e6b572 (дата обращения 27.03.2017)

связи, они становятся весьма сложными и недетерминистскими. Происходящие в современном обществе катастрофы также начинают носить парадоксальный характер, так как они в своей причинности не обуславливаются конкретными действиями индивидов[232].

Существует и еще одна проблема, которой несколько касались выше – экологические беженцы. Волны *экологической миграции* растут по всему миру, и согласно заявлению ООН, к 2020 г. число таких беженцев достигнет 50 миллионов[233]. Однако экологическая миграция бывает «чистой» лишь в случае больших природных катастроф, лишающих людей всякой возможности жить по-прежнему, сохранить былой уклад жизни. В результате целые поселения снимаются с мест или эвакуируются, как это было в случае Чернобыля или Фукусимы.

Проблема миграции глубже, чем кажется на первый взгляд. В последние пять лет она сделала Средиземное море одним из самых смертельных мест на планете. В 2013 г., когда СМИ впервые обратились к проблеме смертности беженцев, направляющихся из Африки в Италию, Грецию, Кипр и Испанию, насчитывалось 700 смертей[234]. И за это время (период до сентября 2017 г.) статистика Международной организации по миграции превысила 15 000 человек, включая детей.

Встает и вопрос обратной миграции. Она не всегда возможна, но всегда обходится дорого. Самые опасные, скрытые по последствиям случаи – атомные аварии, за счет радиации лишающие людей шанса на здоровую жизнь и старость. Однако это происходит: и в настоящее время, например, на территориях, близких к Чернобылю проживают люди, на зараженной земле

---

[232] Кравченко С. А., Салыгин В. И. Усложняющиеся опасности и риски современного магистрального нефтепроводного транспорта // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 50–66.

[233] Zeitvogel K. 50 million 'environmental refugees' by 2020, experts say // Plos website // [Website] // URL: https://phys.org/news/2011-02-million-environmental-refugees-experts.html#jCp (accessed 18.04.2017)

[234] See Safdar A. IOM: Refugees dying at quicker rate in Mediterranean // Al Jazeera, Sept 17, 2017. [Website] URL: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/09/iom-refugees-dying-quicker-rate-mediterranean-170917035605080.html (accessed 20.09.2017); UN Migration Agency. Mediterranean Migrant Arrivals Reach 131,772 in 2017; Deaths Reach 2,556 // IOM press-release, Sept 19, 2017. [Website] URL: https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reach-131772-2017-deaths-reach-2556 (accessed 20.09.2017).

выращиваются овощи на продажу в другие регионы. В случаях, когда обратная миграция не только возможна, но и необходима – для восстановления пострадавшего региона и хода жизни в нем – социологи наблюдают примерно следующее распределение. На примере двух районов Нового Орлеана, пострадавшего от урагана Катрина, (одного «белого» и зажиточного и второго «черного» и бедного) можно заключить о следующем[235]: через год в город вернулось около 52% населения, причем мужчины возвращаются значительно раньше женщин: на 81-ый день по сравнению с 141-ым днем в среднем. Чем больше имущество семьи, тем раньше возвращались владельцы, бедные семьи (с доходом ниже $10,000) имели тенденцию оставаться в новых местах, куда они переехали после удара стихии. Семья или отсутствие детей практически не играли роли. «Белые» жители вернулись в два раза быстрее «черных», что коррелирует и с уровнем дохода домохозяйств. Но самым интересным показателем является религиозное вероисповедание: верующие задерживались на пострадавших территориях дольше (полагаясь на принцип «Бог позаботится о нас»), но вот возвращались гораздо менее охотно (или позже – 128 дней против 85, или вообще не возвращались: если всего через год вернулось 67%, то верующих – только 50%).

Потепление вод мирового океана вследствие теплового загрязнения ведет не только к вымиранию кораллов, но и к постепенному оставлению человеком обжитых мест. Так, раз весь энергетический «излишек» от жизнедеятельности человека уходит в мировой океан, он нагревается. Таянье льдов ведет к затоплению суши в далеких от арктических вод (где наиболее высоки показатели увеличения температуры воды) водах Тихого океана, что приводит к вынужденному переселению.

[235]Brunsma D. L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. Lanham, Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010. Pp. 98–100.

Согласно данным Всемирной метеорологической организации[236], люди оставят многие атоллы Кирибати через несколько десятков лет, к 2050–2080 гг. Кирибати – это островная республика площадью 800 км^2, состоящая из 32 атоллов и одного острова и с населением численностью чуть более 100 тысяч человек.

Климатические изменения зачастую становятся и незаметной причиной, встраивающейся в миграционную систему, сложившуюся в регионе. Рассмотрим южный регион Тихого океана, уровень вод в котором, как уже говорилось выше, поднимается. На островах государства Тувалу, в столице Фунафути проблема климатических изменений, обострившаяся в XX веке, только пополнила ряд причин, по которым люди выбирают переезд в Новую Зеландию или на другие, соседние острова. В стране безработица, связанная с закрытием шахт по добыче фосфата, которое началось в 1980-х гг., что обуславливает маятниковую рабочую миграцию в столицу соседнего островного государства Кирибати, Южную Тараву[237]. Кроме того, есть проблемы перенаселения из-за основной концентрации населения в столице Тувалу, плохого качества жилищ, загрязнения сточными водами и мусором, многочисленные заболевания, угрожающие жизни и недофинансирование[238]. Отсутствие финансов не позволяет бороться с повышением уровня вод и эрозией почв с той же эффективностью, как это происходит в развитых странах, например, в Нидерландах.

Так как с середины XIX в. в стране было принято христианство, практически стопроцентно, среди местных жителей сохраняется религиозный настрой[239]. Национальный девиз «Тувалу для Бога, Бог для Тувалу» сохраняет актуальность и по сей день: и в настоящее время жители верят в завет Господа с Ноем о том, что потоп на земле больше не повторится.

[236]WMO Statement on the State of the Global Climate in 2016. P.7 [Website] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (accessed 04.04.2017).
[237]Pillwein S. Climate Refugees: Klimawandel und Migration am Beispiel des Inselstaats Tuvalu im Pazifik. Hamburg, Diplomica Verlag GmbH, 2013. S. 51.
[238]Ibid. S. 69.
[239]Ibid. S. 68.

Согласно опросу, проведенному в столице культура подкрепляет то, насколько сильны родственные связи и сила традиций[240]. Эти факторы служат противодействием миграции, оставляя жителей и даже молодежь в центральном городе страны, сосредоточии всего 10-ти тысячного населения.

Еще одна проблема современности, третий тип «нового» катастрофизма – *рост вирусной сопротивляемости* антибиотикам и связанные с ним волны различных видов гриппа, которые также подкрепляются наличием высокоскоростного транспорта, способного перевозить людей – больных, в том числе – на дальние расстояния, тем самым распространяя вирусы и инфекции[241]. Появился феномен так называемых *высоко мобильных заболеваний*. Скрывающийся за видимым «щитом» современной гигиены и повсеместных вакцинаций, он становится актуальной проблемой, пришедшей на место прошлых эпидемий: туберкулеза, тифа, холеры и чумы, побежденных в наши дни. Однако и эти заболевания дают о себе знать: например, более 10 миллионов человек ежегодно заболевают туберкулезом, а последние лекарства против него были разработаны в 1960-е гг., притом что число случаев резистентности микроба только увеличивается. Возникают и новые инфекционные заболевания, такие как африканский вирус эбола – и с 1975 г. было зарегистрировано более 40 новых патогенных вирусов, в том числе ВИЧ (СПИД). Конечно, большая часть этих вирусов, как отмечает канадский эколог В. Смил (за исключением ВИЧ, и то в случае развития и распространения этого заболевания), не в состоянии будет поменять ход мировой истории, так как зачастую они распространяются в регионе стран Африки южнее Сахары.

В. Смил сравнивает современные эпидемии гриппа, приходящиеся на зимние месяцы в течение многих лет, с часто происходящими природными

[240] Mortreux C. und Barnett J. Climate change, migration and adaption in Funafuit, Tuvalu // Global Environmental Change, Vol. 19, № 1, 2008. P. 110.
[241] See Smil V. Global catastrophes and trends: the next fifty years. Cambridge, The MIT Press, 2008. P. 38–49.

катаклизмами, называя их «соматическим спутником»[242] последних. Можно сказать, что если распределение катастроф еще как-то зависит от географической привязки, то сезонные заболевания способны настигнуть любого человека и быть разнесенными по земному шару.

Социологи также критически сравнивают последствия эпидемий и таких природных бедствий, как, скажем, цунами. В существующем исследовании двух катастроф Шри Ланки: эпидемии малярии в 1934–1935 гг., в которой в ужасающей бедности погибло около 100 тысяч человек и цунами в декабре 2004 г., – показывается, что если в первом случае ответ государства, пусть и не такой спланированный и организованный, привел к формированию общества всеобщего благосостояния, то 70 лет спустя, несмотря на координацию усилий международными гуманитарными организациями, помощь, оказанная государству, не ускорила процесс восстановления. Подобные компаративистские исследования позволяют сопоставить различные «новые» катастрофы в рамках одного региона, демонстрируя все его уязвимости, и показывают всю их многовекторность.

Первая более-менее хорошо задокументированная эпидемия гриппа пришлась на 1580 г., печально известная «испанка» ударила в три волны в начале XX в., унеся до 40 миллионов жизней по оценкам ВОЗ[243], что в разы превышает число жертв Первой мировой войны. В 1990-е возникла угроза того, что разносчиками гриппа могут стать птицы и свиньи – вирусы H5N1 и H9N2. С 1997 г. различные вариации этих мутировавших вирусов атаковали людей в Азии и ряде европейских стран с показателем смертности в 61%[244], приведя к смерти сотен людей.

Соответственно, и вероятность того, что на следующие годы тоже придутся эпидемии гриппа стопроцентна. Однако нам неизвестно – и сложно предугадать – насколько острой по последствиям, опасной по симптомам и

[242]Smil V. Global catastrophes and trends: the next fifty years. Cambridge, The MIT Press, 2008. P. 40.
[243]WHO (World Health Organization). Avian influenza: assessing the pandemic threat. Geneva, 2005.
[244]WHO (World Health Organization). Cumulative number of confirmed cases of avian influenza (A/(H5N1) reported to WHO. Geneva, 2007.

ограниченной по возрасту заболевших они будут. Еще более сложно оценить уровень смертности и причины происхождения, несмотря на все усилия ученых. Невозможно сравнить начало нынешнего века и прошлого – не только из-за разницы условий, но и за счет того, что население Земли выросло практически в 3,5 раза. Более того, интегрированность мировой экономики и современные путешествия, равно как и торговые пути играют значительную роль в распространении эпидемий по всему земному шару. Против них играют лучшее питание, гораздо более высокий уровень работы больниц и госпиталей и несравненно большее понимание вирусологии. Однако любое масштабное заболевание несет за собой последствия для поколений.

Другая возможная катастрофа – если противовирусные препараты потеряют свою эффективность[245]. Даже при их наличии инфекционные заболевания остаются второй по частоте причиной заболеваний по всему миру. Мир скатывается в хаос неконтролируемых инфекций[246], и ситуация ухудшается, так как фармацевтические компании практически перестали разрабатывать новые антибиотики. В 2004 г. антибиотиками были только 6 из 506 лекарств на последней стадии разработки, и то они являлись производными от имеющихся лекарств. По сравнению с этим 3,5 миллиарда лет эволюции бактерий явно перевешивают и способны противопоставить их выживание любым лекарствам.

Однако возникшие, более современные антибиотики все-таки несколько поменяли традиционную картину распределения рисков причин смертности. Теперь на первом месте ишемическая болезнь сердца и инсульт[247]. И все же риски велики, и, согласно мнению Е. Драпер, «социальные группы используют веру в риск заболеть каким-нибудь недугом для того, чтобы вселить в людей чувство вины, усилить связи между

[245]See Smil V. Global catastrophes and trends: the next fifty years. Cambridge: The MIT Press, 2008. P. 211–212.
[246]Amyes S.G.B. Magic bullets, lost horizons: the rise and fall of antibiotics. London, Taylor and Francis, 2001. Citing Smil V. Global catastrophes and trends: the next fifty years. Cambridge, The MIT Press, 2008. P. 211.
[247] ВОЗ. 10 ведущих причин смерти в мире [Вебсайт] // URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/ (дата обращения 02.04.2017).

властными структурами, определить идеологию в области культуры и контролировать свои границы»[248]. Можно сказать, таким образом, что они То занимаются конструированием и инсценированием рисков.

У медикаментозного лечения есть и другая обратная сторона, которая уже волнует социологов, и которую С.А. Кравченко предлагает поставить в один ряд с «нормальными авариями»[249]. Ф. Фукуяма в своей работе «Наше постчеловеческое будущее» отмечает, что таблетки способны воздействовать на психику человека, а посредством этого – на его личность.[250] Изменения, которые способна привнести биотехнология, не столь разрушительны, какими видятся ядерная энергетика или даже генетически измененные продукты питания (конечно, стоит их объявить опасными для общества). Однако социолог называет их «сделкой с дьяволом», так как психотропные таблетки лишают человека его творческого начала, они способны регулировать его эмоциональный фон, делая из мрачного, депрессивного человека оптимистически настроенного весельчака. Медикаментозная терапия стирает грань между тем, кем человек является и что он может достичь самостоятельно и тем, кем он хочет казаться с помощью воздействующих на мозг химикатов. Новые лекарственные средства способны усиливать некоторые черты характера, но и они же обладают нежелательными побочными воздействиями. Фукуяма вспоминает и такие спорные средства биотехнологии, как генная инженерия и использование стволовых клеток, дебаты развиваются и по теме клонирования.

Выводы

Как показало развитие научной мысли в конце XX в. и как это затем проявилось в происходящих климатических изменениях, «старые» катастрофы постепенно переросли и трансформировались в «новые». И если

[248] Draper E. Risk, society and social theory // Contemporary sociology: A journal of reviews, 1993, Vol. 22 (5). P. 643.
[249] Кравченко С. А. Социальная диагностика рисков, уязвимостей, доверия. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 157.
[250]Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., АСТ, 2004. С. 19–20.

для «старых» характерна локальность и краткосрочность последствий, то для «новых» – длительный социально-экологический метаболизм и глоболокальность последствий, «текучесть» и ползучесть. Многосоставность последствий и комплексность мер, необходимых для борьбы с проявлениями катастроф, а также невозможность отойти от необходимости искоренения их источников, сформированных еще с началом антропоцена, то есть в XVIII в.

«Новый» катастрофизм приносит с собой и новое «околдовывание» природы. Он обнажает скрытые, резкие, неожиданные силы – только проявляются они не в грозе или наводнениях, локальных ударах, а в глобальных, ползучих катастрофах. Освещающие их СМИ, транслирующие 24 часа ужасающих изображений, создают атмосферу вышедшей из-под контроля природы, отсутствия стабильности и уверенности в собственной безопасности, – ужаса, охватывающего толпы. И тогда журналисты представляются новыми «магами», создающими реальность беззащитности перед ударом стихий или иллюзию безопасности перед разрушительной атомной энергетикой. Получается, что нарратив, конструируемый СМИ, почти всегда стремится быть апокалиптическим.

СМИ играют особую роль в трансляции «новых» катастроф, конструируя их глобальный характер, создавая рисковые коммуникации, отличающиеся необъективностью и мифичностью, эмоциональной окраской сообщений.

«Новые» катастрофы вполне логично распадаются на три типа. Связанные с изменениями климата, антропогенными изменениями лица планеты и новыми эпидемиями, все они воздействуют на человечество в совокупности и подрывают привычный образ жизни, инсценируя риски и показывая существующие уязвимости. Решений на уровне правительств, как показывает практика, мало – их недостаточно из-за того, что и они оказываются чересчур тяжелыми и невыполнимыми. Изменения же на микроуровне способны произойти, если изменится сознание людей. Однако в настоящее время, к сожалению, происходит обратная тенденция.

В качестве противодействия можно назвать возвращение к нарративным практикам для пострадавших людей, являющихся потребителями риска. И, вторя словам У. Бека, голоса именно этих людей и нужно услышать, чтобы поменялись решения на уровне правительств и возникла возможность нового взгляда на происходящее в мире.

«Новые» катастрофы обладают функциональными и дисфункциональными последствиями. Они заставляют задуматься о будущем, дают новую информацию ученым, являются «инструктирующими», подводят к необходимости трансформации образовательной системы. Они являются эмансипирующими, приносят с собой «времена неизвестностей», согласно У. Беку.

Глава 3. Авария на АЭС Фукусима-Даичи: кейс-стади «новой» катастрофы

В данной главе речь пойдет о катастрофе, произошедшей в Японии 11 марта 2011 г. – землетрясении, цунами и аварии на АЭС Фукусима, как примере нового типа катастроф. Это не только природная, но и техногенная катастрофа с ярко выраженным человеческим фактором. Мы рассмотрим ее социально-экологический метаболизм, включая освещение в СМИ (с применением контент-анализа заголовков), а также проанализируем основные последствия. В их числе можно назвать возникновение эко-феминизма, как проявление борьбы с неравномерным распределением социального капитала, возникшие группы, основанные на социальной солидарности и доверии, и рост числа суицидов, виктимизацию и стигматизацию, схожую с подобными явлениями времен бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Данный кейс необходим для иллюстрации всей многосоставной сложности нового типа катастроф, комплексности их последствий, а также рисков, связанных с современной энергетикой в условиях таких двух глобальных неокатастроф, как изменение климата и сдвиги тектонических плит. Само использование методов кейс-стади и контент-анализа обосновываются тем, что они не только релевантны данной ситуации, но и глубоко укоренены в культуре качественных исследований в рамках инвайронментальной социологии и часто в ней используются. Это помогает оставаться в русле междисциплинарных исследований, направленных на изучение социального и природного миров – и «неформально»[251] интегрировать их.

Пример Фукусимы, как пострадавшего региона с ужасающим ландшафтом катастрофы, иллюстрирует сосуществование с патологической

[251] Dunlap R. E., Brulle R. J, eds. Climate change and society: Sociological perspectives. New York, NY: Oxford University Press, 2015. P. 371.

окружающей средой. А жизнь экологических беженцев в условиях бедствия показывает весь масштаб бедствия и связанных с ним разрушений. Кроме того, становятся видно то, что характерно для японской культуры и ее традиций выживания в сейсмоопасном регионе.

§3.1. Социально-экологический метаболизм катастрофы на АЭС Фукусима

Катастрофа на атомной электростанции Фукусима-Даичи в Японии произошла 11 марта 2011 г. Это крупная радиационная авария, которую, по заявлению японских официальных лиц, оценили максимально высоко. Она достигла 7 уровня по международной шкале ядерных событий INES (International Nuclear Event Scale), разработанной Международным агентством по атомной энергии в 1988 г. Она произошла в результате сильнейшего в истории Японии землетрясения (8,9 балла по шкале Рихтера) и последовавшего за ним цунами.

Раскроем процесс социально-экологического метаболизма этой катастрофы. Землетрясение произошло около 3 часов дня по местному времени в 70 км от северо-восточного побережья Японии[252].

Характерно, что Япония гордится своим прошлым, тесно связанным с изучением природных катаклизмов; само слово *tsunami* – японское, от иероглифов «гавань» и «вода». В Японии каждый малыш знает, что на пляже, при виде того, как исчезает вода – еще не понимая, что это, еще не осознавая, что такое цунами – нужно бежать[253].

История Японии знает случаи, когда крупное землетрясение становилось причиной не менее масштабного цунами. Так было в 1896 г., когда погибло 22,000 людей, и в 1933 г., хорошо задокументированном и оставшимся в памяти стариков цунами. В наши дни большинство людей, включая самых маленьких, проходят подготовку, принимают участие в

[252]Gill T., Steger B., Slater D.H. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 3–7.
[253] Mockett M. M. Where the dead pause and the Japanese say goodbye: a journey. N.Y.: W.W. Norton & Company, Inc, 2015. P. 4.

учениях, большая часть побережья защищена специальной стеной от 6 до 7 метров в высоту, которая строилась несколько десятков лет. Однако здесь можно вспомнить слова канадского социолога Р. Мёрфи о том, что даже наихудшие сценарии все-таки являются сценариями[254], а природа может создать более худшие катастрофы – случаи, превышающие человеческое воображение иди догадки масштабами разрушений.

Некоторые данные об ущербе:

- 11 марта погибло около 18,600 человек, из них 94% было убито цунами, а 6% – землетрясением, и связанными пожарами, оползнями, сердечными приступами, холодом, голодом и проч. Сюда также относятся 2,700 человек, чьи тела так и не были найдены.
- Были полностью уничтожены 130,000 зданий, из них 80% – цунами и 20% – землетрясением.
- Менее серьезно пострадало еще около 710,000 зданий, из них 67,000 – от цунами и 633,000 – от землетрясения.
- Наиболее серьезный урон понесли три префектуры: Мияги (примерно 10,800 смертей), Иватэ (5,800 смертей) и Фукусима (1,800 смертей). В остальной Японии погибло всего около 70 человек. В этих же районах сконцентрированы максимальные показатели урона, причиненного собственности.
- Цунами разрушило местную рыболовную отрасль, к примеру, уничтожив около 90% рыболовных судов и лодок префектуры Мияги.
- За первую неделю после цунами АЭС выпустила уровень радиации в 770,000 терабеккерелей, по оценкам японских ученых. (Для сравнения, после Чернобыльской аварии в 1986 г. выброс составил 5,2 миллиона ТБк).

[254] Murphy R. Leadership in Disaster: Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009. P. 167.

- После взрывов на АЭС Фукусима уровни цезия-137 в два раза превышали минимальные уровни, зафиксированные у Чернобыльской АЭС. Или же в 2,200 раз превышал нормальный уровень в почве в зоне в 40 км от АЭС.
- Через две недели после аварии радиоактивный йод-131 был обнаружен в водопроводной воде в Токио (201 беккерель на литр, что превышает норму для детей в два раза).
- По разным оценкам, суммарный ущерб мировой экономике от катастрофы может составить 300–500 миллиардов долларов.

Итак, картина представляется вполне ясной. Землетрясение нанесло более широкий по географическому распространению урон, а последствия цунами были гораздо более локализованными, однако именно оно было ответственно за несравненно большее число смертей и разрушений.

Как писал Ч. Перроу в работе «Следующая катастрофа»[255], именно концентрация на одной территории опасных веществ, человеческих поселений и экономической силы (в данном случае, это АЭС, как таковая) делает человечество более предрасположенным и неустойчивым, беззащитным перед ударом стихии, будь то природная или техногенная катастрофа – или террористическая атака. Как показала история, в случае Фукусимы сработали первые два варианта – и катастрофа была неминуема, причем не последнюю роль в ней сыграло поведение топ-менеджмента, чье «беззаконное поведение специально отбирается, развивается и продвигается»[256], как в Японии, так и во всем мире. Социолог считает, что вместо того, чтобы бороться с последствиями катастрофы или пытаться предупредить ее удар, гораздо логичнее было бы уменьшить площади, а также концентрацию слабо защищенных комплексов, являющихся мишенями для их ударов. У этого есть экономическая подоплека, это оправдано и тем,

[255]See Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. – Princeton: Princeton University Press, 2007.
[256]Ibid. P. 14.

что катастрофу в ее социально-экологическом метаболизме можно рассматривать, как нормальную.

Однако рассмотрим, что в этой ситуации происходило с АЭС Фукусима-1[257]. Изначально произошедшее 11 марта оставалось неизвестным для сторонних лиц, но и землетрясение, и цунами нанесло серьезный урон атомной электростанции, принадлежащей Токийской энергетической компании (Tepco).

За последующие три дня произошло несколько последовательных, ужасающих водородных взрывов, которые снесли крыши с первого, третьего и четвертого реакторов. Эвакуация местных жителей (живших в радиусе 3 км) была объявлена вечером того же дня, и ее зона за сутки расширилась до 20 км в радиусе.

Авария на АЭС Фукусима-Даичи произошла в разгар катастрофы, невиданной со времен Второй мировой войны по масштабам потерь внутри страны. В этом смысле она уникальна, так как проходила на фоне небывалых усилий для борьбы с последствиями землетрясения и цунами. Заключение японского следственного комитета показало, что компания-владелец и оператор Tepco была не готова к землетрясению и цунами такого масштаба. На станции не хватало своего энергогенератора, системы для откачки воды и оборудования для связи. Более того, работникам пришлось импровизировать, так как они не проходили подготовку для работы в условиях настолько серьезных происшествий, связанных с ядерной энергетикой.

Официальные данные Министерства образования представляют собой занимательную картину[258]. 15 марта были эвакуированы 102,648 человек. 25 марта число уменьшилось и составляло 89,309 человек, а 22 апреля – 84,021. Затем это число стало расти и дошло до 150,000 в середине августа и 156,234 в конце 2012. Позади, в зоне эвакуации было оставлено около 35,000 зданий,

[257]Gill T., Steger B., Slater D.H. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 11–12.
[258]Ibid. Pp. 12–13.

которые считаются непригодными для жизни из-за радиации. Примерно 100 тысяч вынудило эвакуироваться правительство, остальные 50 тысяч сделали это добровольно, на свой страх и риск.

Эти цифры только подтверждают всю смешанность сообщений о радиационном риске, выдвинутом правительством – и становятся иллюстрацией информационной неуверенности, порождаемой действиями правительства. Зона эвакуации, объявленная японским правительством, была гораздо меньше, чем учтенная при американском или французском ответе на катастрофу – но подобных масштабов Япония и не могла бы себе позволить. По прошествии первой недели правительство создало впечатление, что в зоне катастрофы ситуация затихает – и люди начали возвращаться домой. Затем правительство начало терять уверенность в своем анализе рисков, и были объявлены новые эвакуации, включая те регионы, где наиболее опасные фазы заражения уже прошли. Тем временем многие люди уже стали терять веру в действия правительства и стали уезжать самостоятельно. Многие из них до сих пор не вернулись. Население префектуры Фукусима упало на 75 тысяч человек – с 2,024 миллионов до 1,95 миллиона за два года.

На вопрос о том, была ли катастрофа на АЭС Фукусима техногенной или все-таки первоочередный фактор в ней – удар природы, был получен ответ в июле 2012 г. Именно тогда был опубликован доклад Независимой комиссии по расследованию ядерной аварии на Фукусиме, которая начала работу в начале утечек с АЭС[259]. По словам председателя комиссии, Киоши Курокава, доктора наук, врача и почетного профессора в университете Токио, авария была результатом «многочисленных ошибок и умышленной халатности» правительства, органов безопасности и компании-оператора АЭС, Терсо. Доклад также указывает на ошибочность действий тогдашнего премьер-министра, которые кабинет выставлял, как крайне решительные,

[259] The National Diet of Japan. The official report of the Fukushima nuclear accident Independent Investigation Commission: Executive summary. P. 9 [Website] URL: https://www.nirs.org/wp-content/uploads/fukushima/naiic_report.pdf (accessed 09.08.2017).

равно как и осуждает действия топ-менеджмента Тепсо, чье отсутствие ясного изложения событий на пострадавшей атомной электростанции привело к отсутствию понимания между ними и правительством.

Для того, чтобы понять всю важность неосложненной, то есть беспрепятственной и прямой коммуникации при крупных катастрофах, вспомним определение Чикагской школы. Такая коммуникация – это «интегрирующий и социализирующий процесс, [который] делает возможным последовательное и согласованное действие»[260].

Кроме того, поведение властей в пост-катастрофный период можно сравнить с предложенными Э. Гидденсом путями выхода из глобального экологического кризиса: с принципами «страхующего» государства, политической и экономической конвергенции, выхода за пределы политики и проактивной адаптации[261]. Как показывает практика, до идеальной модели, выдвинутой социологом, далеко: выбираются пути выхода из кризиса прямо противоположные. Власть оставляет людей один на один с последствиями катастрофы, поиск экономической и политической выгоды приводит к замалчиванию достоверной информации о положении дел. Все это приводит к усугублению ситуации и демонстрирует скорее «старый», привычный подход к «новой» катастрофе.

Примечательно, что для кого-то было тяжело жить в условиях общежития и они стремились уехать как можно раньше, в то время как для других (в особенности стариков, кто до того жил в одиночестве в условиях маленького дохода) условия казались неоценимыми из-за возможности получить поддержку других людей и спастись от ужаса от удара стихии, также нуждаясь в медицинском уходе и питании. Здесь можно говорить о том, насколько обнажаются уязвимости человеческой жизни в условиях бедствия и пост-катастрофный период: люди, оторванные от дома и привычных бытовых условий сталкиваются с необходимостью выживания,

[260] Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991. С. 22.
[261] Giddens A. The politics of climate change. Cambridge, Polity Press, 2009. P. 69–72.

привычные рутинные действия перестают быть достаточными или возможными.

Одних планов местных властей было недостаточно. Исследователи, занимающиеся глубинными интервью на местах, зафиксировали локализованность действий правительства, паралич местных администраций при почти полной пассивности жителей пострадавших регионов. Особенно наглядно это проявилось при подходе к вопросам повышенной радиации[262].

Жители префектуры Мияги руководствовались привычным для них подходом *'shikataganai'* («ничего нельзя поделать») и, как обычно, принимали трудности и риски, как они есть. В городах, близких к зоне радиации от Фукусимы, но почти не пострадавших от цунами практически не заметны были изменения в образе жизни (не считая, конечно, открытых убежищ для беженцев). Люди по-прежнему ходили на работу – и молчали по поводу угрозы радиационного заражения, довольствуясь сводками, которые можно было найти в интернете. Типичной реакцией было замалчивание, и люди руководствовались тем, что все они покупали одни и те же вещи и продукты питания, дышали одним воздухом и т.д. Для большинства радиация, незаметная, но столь ощутимая в долгосрочных последствиях была предметом, совершенно бесполезным для обсуждения.

Людьми, которых радиация затронула на деле, стали женщины, матери будущие и настоящие. В этом можно увидеть волну спонтанно возникшего эко-феминизма. Девушки, задумывавшиеся о здоровье своих будущих детей, были более склонны к отъезду, чем юноши, но именно матери, движимые инстинктом заботы о своих детях, забыли о привычной аполитичности (а Япония до сих пор является самой традиционной в отношении гендерных ролей индустриально-развитой страной) и занялись контактами с местными властями и протестными движениями.

[262]См. Gill T., Steger B., Slater D.H. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. Pp. 177–199.

В Сендаи матери организовали «Группу, чтобы дети росли здоровыми после 5 лет, 10 лет» (*Gonengo jūnengo kodo motachi ga sukoyaka ni sodatsu kai*). Группа «Женщины Фукусимы не нуждаются в ядерной энергии» организовала 10-ти дневную палаточную забастовку перед Министерством экономики, торговли и индустрии в Токио в ноябре 2011 г. Матери совместно с молодым поколением и активистами провели самую большую демонстрацию в Японии со времен Второй мировой войны: 19 сентября 2011 г. в Токио, когда собралось более 60,000 человек[263] – а также еженедельные протесты перед официальной резиденцией премьер-министра, которые собирали десятки тысяч людей в июне и июле 2011 г.

Примечательно, что волна подобных протестных, еще и женских, движений проходила на фоне не просто аполитичности японцев и их доверия политикам, но и роста числа скептиков в отношении протестных акций с 5,9% до 13% с 1973 по 2008 гг.[264]. Кроме того, согласно данным опросов последнего десятилетия, почти 70% японцев не участвовали в каких-либо формах политической активности.

Именно матери, не уверенные в безопасности своих детей в детских садах, буквально выбили покупку счетчиков Гейгера, необходимых для постоянных замеров уровней радиации на территории каждого детского сада (чтобы проверяли уровень радиации у земли, за зданиями, в воде луж и в песочницах, а не отделывались словами о допустимых уровнях, взятых из общеизвестных источников). Женщины также критично подходили к обедам, которыми кормили их малышей (начали чаще давать еду из дома) и к их занятиям (например, препятствовали запланированной в одном из детских садов игре с глиной). Матери запрашивали информацию о радиации, осуждали политику городских властей и больниц, которым часто нечего было сказать в ответ на их запросы. Тем самым женщины – аполитичные

[263]ТАСС информационное агентство России. В Токио более 60 тыс человек приняли участие в демонстрации против использования атомной энергетики [Вебсайт] URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/508910 (дата посещения 02.06.2017)
[264] Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. С. 265–267.

«домохозяйки» – восставали против правительства, говорившего о безопасности радиации, и публичного мнения, в котором доминировали мужчины и патриархальный настрой в пользу спокойного течения жизни. Но и среди женщин такие проактивистски настроенные матери были в меньшинстве, часто не находили поддержку и у мужей, не говоря про политиков. Появились случаи разводов или отдельных переездов женщин с детьми, без мужей, вызванные большей озабоченностью женщин радиационной безопасностью[265]. Однако вряд ли действия этих женщин были неоправданны – и они показали эмансипирующую роль катастроф по У. Беку, высвободив силы, ранее сокрытые обществом.

Однако возникали и мужские социальные движения: группы взаимопомощи, основанные на солидарности и взаимовыручке, они были вызваны и обусловлены необходимостью не только найти работу, чтобы прокормить семьи, но и важностью разбора завалов после разрушительного цунами.

Немаловажный фактор – и появление самоубийств, связанных с катастрофой на АЭС Фукусима, как пролонгация посттравматического синдрома. Даже в 2015 г. их число, согласно статистике, росло: с января по ноябрь произошло 19 случаев, которые списывают на произошедшую аварию[266]. Полиция обычно устанавливает связь самоубийств с аварией на основе интервью с членами семей погибшего. По состоянию на февраль 2016 г. общее число самоубийств в трех наиболее пострадавших префектурах составило 154.

Такие самоубийства, как социальные факты и показатель существующих уязвимостей, можно – вслед за У. Беком – назвать «побочными последствиями побочных последствий». В них видна заведомо пораженческая политика властей, направленная на усиление секвестрации

[265]Ulrich K. Fukushima nuclear disaster and the violation of women's & children's human rights // Greenpeace International [Website] URL: http://www.greenpeace.org/international/en/news/Blogs/nuclear-reaction/fukushima-nuclear-disaster-and-the-violation-/blog/58873/ (accessed 02.06.2017).
[266]Nagano M. Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees. 28 Dec 2015[Website] URL: http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026 (accessed 07.03.2017).

знания и лишение населения помощи, в том числе психологической, что признается важным фактором в борьбе с последствиями катастроф. Особенно важно здесь то, что именно близость к радиационной аварии породила наиболее высокий уровень психологической тревоги и угрозы душевному здоровью, что только усугубилось эвакуацией. В данном кейсе японские ученые отмечают среди остальных факторов, способных усугубить посттравматический синдром следующие: женский пол, престарелый возраст, условия проживания, потеря близких людей в катастрофе и собственный опыт свидетеля аварии на АЭС, отсутствие трудоустройства, история умственных расстройств[267].

Итак, катастрофу на АЭС Фукусима можно отнести к новому типу катастроф. Это подтверждает ряд факторов: она растянута во времени, с ее последствиями до сих пор борются и не всегда успешно, она глоболокальна по своему характеру: произойдя в небольшой префектуре Японии, она влияет на весь мир, транслируя ценности экологической справедливости. Как видно, ее природа обусловлена не только ударом стихии – землетрясением и цунами, – и не только техническими ошибками, но и человеческим фактором. Таким образом, эта ядерная катастрофа носит и экологический, и техногенный характер, а по последствиям – глобальный и непредсказуемый[268]. В ней также в полной мере проявилась секвестрация знания, и информационная неуверенность, ведь и правительство, и оператор АЭС лишали пострадавших людей, потребителей рисков знания о происходящей катастрофе и радиационной угрозе.

Кроме того, эту катастрофу можно со всей уверенностью назвать каскадирующей. Она состояла из нескольких ударов: первыми тремя катастрофами были землетрясение, последовавшее за ним цунами и авария на АЭС Фукусима-Даичи. «Четвертой катастрофой» стали «вредоносные»

[267] Kunii Y. et al. Severe Psychological Distress of Evacuees in Evacuation Zone Caused by the Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant Accident: The Fukushima Health Management Survey // PLOS One. July, 2016 [Website] URL: http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0158821 (accessed 15.08.2017).
[268] Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 177.

страхи и слухи (*fūhyōhigai*), касающиеся безопасности морепродуктов, вследствие утечки радиоактивной воды после аварии на Фукусиме. Это до сих пор насущный вопрос для всего побережья. Но в первое время рыбакам было не до того, так как необходимо было выживать, сталкиваясь с гораздо более очевидными и практическими проблемами.

Важно тут отметить также и то, что кейс Фукусимы показал, что минимизация человеческого фактора при решении проблем в поставарийный период не означает ликвидацию риска при этом: они заключаются в невозможности предусмотреть все варианты и сохранении ответственности на каждом работнике, которому надлежит действовать творчески и быстро, спонтанно. Социолог О. В. Аксенова, сравнивая аварии на Чернобыльской АЭС и на АЭС Фукусима, говорит о том, что «в первом случае персонал был обвинен в своеволии, а во втором – в дисциплинированности»[269], что означает одинаковую опасность этих двух полюсов человеческой субъектности.

Зададимся вопросом, какие именно социальные и культурные факторы обусловили такие масштабные и непреодолимые последствия, какими известна авария на Фукусиме.

В первую очередь необходимо отметить, что в японской культуре очень высокую роль играет готовность к удару цунами. Дети от мала до велика, в детских садах и школах, равно как и взрослые на работе проходят специальные учебные семинары. Как и в случаях землетрясений, они знают, что делать.

Во-вторых, эту катастрофу можно назвать «неизбежным результатом самоуверенности высокоразвитого капитализма»[270]. Япония является передовой страной в области технологии и технического развития, и главной целью в ней, по словам О.Н. Яницкого, остается прибыль. Участие в мировой

[269] Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 207–209.
[270] Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 177.

промышленной гонке и уверенность в собственном лидерстве (а Япония находится на первых позициях по различным мировым показателям процветания, например, на 9 месте по уровню жизни населения[271] и на 3 месте по уровню ВВП[272]) в ней сочетается с некой закрытостью, оставшейся со времен политики изоляции, просуществовавшей до середины XIXв. Все это привело к тому, что, когда специалисты МАГАТЭ в 2008 г. предупредили Токио, что системы безопасности на японских АЭС устарели и проходили проверку лишь дважды за последние 35 лет, им ответили просьбой «не беспокоиться».

В-третьих, этому маленькому островному государству, находящемуся на изломе тектонических плит, и в то же время милитаристской державе, пережившей два ядерных удара, свойственно мировоззрение, далекое от смирения перед силами природы. Ощущение «абсолютного превосходства над природой»[273] не было сломлено даже аварией на другой АЭС в результате землетрясения в 2007 г. Тогда никто не задумался о том, насколько оправдано строительство атомных электростанций в сейсмически активном регионе.

В-четвертых, если обратиться непосредственно к культуре, то, согласно типологии голландского социолога Г. Хофстеде[274], японской культуре свойственен наиболее высокий показатель мужественности (95, что означает высокую ценность излишней самоуверенности) и стремления избегания неопределенности, а также наиболее высокая дистанция власти, коллективизм. Все это прослеживается и в поведении властей, и в поведении простого населения, как мы рассмотрим чуть позже, а, главное, в их реакции на произошедшую катастрофу. Мужественность или маскулинность предполагает высокую роль лидерства и достижений в культуре, где важно

[271] Всемирная география. Рейтинг уровня жизни населения стран мира[Вебсайт]URL:http://worldgeo.ru/lists/?id=28 (дата обращения 01.06.2017).
[272]The World Bank. Gross domestic product 2015 [Website] URL: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf (accessed 01.06.2017).
[273]Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 178.
[274]G. Hofstede. What about Japan? [Website] URL: https://geert-hofstede.com/japan.html (accessed 02.05.2017).

быть первым, быть лучшим. В сочетании с умеренным коллективизмом это не так заметно, но все равно становится наглядным в перфекционизме, любви к совершенству и трудоголизму. К избеганию неопределенности обычно относят природные условия, в которых живет Япония, постоянную возможность возникновения опасности. В качестве реакции на них и существуют всевозможные планы эвакуации и подготовка к возможным непредвиденным ситуациям.

В-пятых, велика роль и технических факторов, относящихся непосредственно к работе реакторов и всей АЭС в целом. Следственный комитет, призванный разобраться в причинах трагедии, выявил шесть факторов, среди которых сложность в управлении и коммуникации, вызванная необходимостью взаимодействия нескольких реакторов, равно как ошибки и неудачи в коммуникациях[275].

Кроме того, отечественный японист и социолог С. В. Чугров, анализируя ключевые ценности японцев и смыслы их идентичности, называет следующие черты национального менталитета[276].

1. Гармония – принцип, обеспечивающий сотрудничество и взаимопонимание и решения на единогласной основе;
2. Множество добродетелей, среди которых тактичность, воздержанность, молчаливое понимание, умение держаться до конца, симпатия к окружающим, заботы о слабых и немощных;
3. Недуальные модели мышления, в которых нет духа противоречия (и … и);
4. Ощущение себя частью целого, что предполагает включенность и органичные связи в сообществе;
5. Патернализм и политика «посторонним вход воспрещен»;
6. Контекстуальность поведения.

[275]National research council of the National Academies. Lessons Learned from the Fukushima Nuclear Accident for Improving Safety and Security of U.S. Nuclear Plants. Washington, D.C.: The National Academies Press, 2014. P. 143.
[276] Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. С. 85–119.

В случае аварии на Фукусиме все эти черты по большому счету сыграли в пользу того, чтобы японцы тихо и сплоченно, как обыкновенно, скооперировались и бросили все усилия на разбор последствий. Эти же качества способствовали тому, чтобы авария прошла в максимально закрытой с информационной точки зрения обстановке. Хотя, конечно, не везде эти ценности продолжали работать: были и случаи, когда больных и стариков не эвакуировали со всеми, правительство умалчивало или не было полностью знакомо с масштабами катастрофы.

Здесь стоит отметить и то, что еще в 2008 г., согласно опросу общественного мнения, на первом месте японцы в качестве роли своей страны в мире называли именно «вносить вклад в охрану окружающей среды и в решение других глобальных проблем» (66,5%)[277] – наряду с гуманитарной помощью и гуманитарной поддержкой беженцам. Такое мирное восприятие положения своей нации в мире не означало, однако, продуманности собственной энергетической политики и политики в отношении строительства атомных электростанций на побережье.

Рассмотрим и теорию культурной травмы П. Штомпки и Дж. Александера[278], согласно которым травму можно рассматривать, как социальный факт (по Дюркгейму) или же основываясь на теореме Томаса: «Ситуации, определяемые людьми как реальные, реальны по своим последствиям»[279]. В соответствии с этим подходом культурная травма возникает, когда целое сообщество, возможно, с разной степенью актуальности, чувствует, что оно пережило какое-то ужасающее событие, способное повлиять на их будущую идентичность. Это происходит, если смещаются или разрушаются привычные, упорядоченные смыслы, а не из-за чувства страха, опасности или событий самих по себе. Необходимо отметить

[277] Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М.: Восточная литература, 2010. С. 253.
[278] См. П. Штомпка. Социальное изменение как травма. Социологические исследования. 2001.№ 1. С. 6–16, Дж. Александер. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
[279] Хаустов Д. С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012, № 7. С. 29.

и то, что травма создается и при непосредственном участии структур власти и ситуативных навыков участвующих в травматическом процессе людей.

П. Штомпка выделяет четыре характеристики социального изменения, связанного с травмой:

1. Временная характеристика – неожиданность и быстрота;
2. Определенное содержание и размах – оно является радикальным, глубоким, всесторонним, затрагивающим основы;
3. Истоки – воспринимается как экзогенное, пришедшее извне, то, что человек не способен повлиять или влияет неосознанно;
4. Мыслительный контекст – мыслится как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее.

Решающую роль в восприятии травмы играет наличие ресурсов, в первую очередь социального и культурного капитала, то есть образования. Возможно, это определяется тем, что культурная травма строится, как нарратив, а значит, именно способность самостоятельно встраивать происходящее в определенный социально-культурный контекст дает возможность нивелировать влияние транслируемого нарратива травмы, заданного властями и средствами массовой информации.

На примере Японии видно, что нарративы действительно будут разниться, но все это происходит в культуре с высокой готовностью к встрече с ударом стихии, в культуре, где веками с ранних лет прививали детям навыки выживания в случае землетрясения или цунами. То есть образование и воспитание в случае нарратива цунами не дают травматического опыта: люди привыкли ожидать подобное развитие событий, а вот в случае аварии на атомной электростанции возникает стигма: дискриминация людей, как «разносчиков» радиационного заражения, а психическая травма накапливается до сих пор и растет, вплоть до самоубийств.

Подытоживая роль катастрофы на микроуровне, можно сказать, что травма становится таковой только в контексте культуры[280], как считал Дж. Александер. Она напрямую связана со сменой или угрозой идентичности. По всем четырем параметрам, предложенным П. Штомпкой, у японцев действительно были все основания считать произошедшее 11 марта травмой. Катастрофа отличалась неожиданным характером, она затронула основы существования людей, положила конец привычному быту и мыслилась, как нечто экзогенное. Однако именно радикально новое дополнение к удару цунами – затопление атомной электростанции, то есть техногенный уровень катастрофы стали причиной действительно болезненному удару по идентичности японцев, как нации, уже страдавшей от разрушительной ядерной энергии.

Но эта авария является страшной не только сама по себе, как таковая, ее социально-экологический метаболизм слишком значителен для всего мира в целом. Она служит, как пример неокатастрофы, где простая реабилитация не способна элиминировать опасность. Это первая авария на АЭС, расположенной на побережье. Сама АЭС была спроектирована, чтобы выдержать цунами до 6 метров в высоту, 11 марта 2011 г. высота ударившей волны превысила этот показатель более, чем в 2 раза и затопила АЭС на 5 м[281]. И вскоре после аварии, 4–6 апреля, были обнаружены утечки тонн зараженной радиацией воды, загрязняющей почвы и попадающей в океан[282]. В свою очередь, японские официальные лица уже в 2013 г. признали, что утечки радиоактивной воды составляют 300 тонн в день[283]. И то, и другое, в свою очередь, заставляет задуматься о продуктах питания: традиционных для Японии овощах и пойманной рыбе. Но предметом для волнений становится

[280] Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 18.
[281] Hasegawa K. Facing Nuclear Risks: Lessons from the Fukushima Nuclear Disaster. International Journal of Japanese Sociology, Number 21, 2012. P. 86.
[282] Ibid. P. 85.
[283] Reuters. Japan says Fukushima leak worse than thought, government joins clean-up [Website] URL: http://www.reuters.com/article/us-japan-fukushima-pm-idUSBRE97601K20130807 (accessed 02.06.2017).

судьба не только японцев: океанские течения доносят зараженную воду до берегов США и Канады.

Любопытная иллюстрация того, как исследовательская инициатива растет «снизу». Весной 2014 г. мировые СМИ облетело исследование канадской студентки Б. Делакруз, которая провела самостоятельное расследование с помощью счетчика Гейгера[284]. Оно доказало, что показатели радиации в распространенных морепродуктах, привезенных из Китая и Японии, очень высоки. При этом правительство Канады прекратило проверять импорт продуктов питания на радиацию в 2012 г. Этот случай иллюстрирует не только большую бдительность простых людей, но и то, насколько правительственные решения, как в самой Японии, так и в странах, столкнувшихся с неизбежностью подобных катастроф и неотвратимостью их последствий, высок уровень замалчивания и игнорирования проблем, с которыми они оставляют свое население.

Неокатастрофы действительно больше ударяют по незащищенным и наиболее уязвимым слоям населения, и авария на АЭС Фукусима доказательство отсутствия экологической справедливости, как таковой. Слабые или некрепкие по состоянию здоровья, дети и старики, начинают страдать от рака, бедные и маргинальные слои, нетрудоустроенные, отправляются заниматься работой по восстановлению АЭС, тем самым рискуя своей жизнью. Тем самым возникают и формируются новые солидарности и риски.

Отдельно тут стоит отметить, что, согласно исследованиям социологов, социально-экономический статус женщины также является фактором уязвимости[285]. Чем ниже положение женщин и девушек в системе социальной стратификации, тем больше их умирает в катастрофах по

[284] Snyder M. School science project reveals high levels of Fukushima nuclear radiation in grocery store seafood. // The Truth, March 27, 2014 [Website] URL: http://thetruthwins.com/archives/school-science-project-reveals-high-levels-of-fukushima-nuclear-radiation-in-grocery-store-seafood (accessed 20.05.2017).

[285] Neumayer E., Plumperw Th. The Gendered Nature of Natural Disasters: The Impact of Catastrophic Events on the Gender Gap in Life Expectancy, 1981–2002 // Annals of the association of the American geographers. Volume 97 (3), 2007. P. 551–566.

сравнению с мужчинами. Дело тут не только в продолжительности жизни или физической выносливости: это именно социально конструируемая уязвимость, виной тому социальные нормы и привычное поведение, а также нехватка ресурсов.

Даже в 2017 г., через шесть лет после трагедии, произошел случай, когда одна японка из префектуры Фукусима обратилась в психиатрическую клинику после проведения Северной Кореей запуска баллистических ракет[286].

Наравне с женщинами больше страдают и старики. Более 40% пожилых японцев умрут от той или иной формы рака, однако, в силу многовариантности причин этого заболевания никто не связывает этот факт с аварией 2011 г.[287] Как и в случае Чернобыля, в случае атомных бомбежек Хиросимы и Нагасаки, потребуются десятилетия, чтобы научно точно обосновать связь радиации и рака. Все более часты случаи заболевания редкой формой рака щитовидной железы, не свойственной детям, среди маленьких японцев. Однако специально проводятся исследования на контрольных группах, призванные доказать “незначительность” этого факта. Так, в марте 2013 г. исследовательская служба по здравоохранению префектуры Фукусима обнародовала результаты исследования 133,000 детей с использованием нового, высокочувствительного ультразвукового оборудования. Исследование показало, что у 41% детей были обнаружены кисты до 2 см в длину и опухоли до 5 мм на щитовидной железе, предположительно из-за вдыхаемого или проглоченного радиоактивного йода. Однако в этом не увидели повода для беспокойства, так как кисты и узлы были слишком маленькими по размеру. Подобное исследование также проводилось министерством обороны в трех регионах, расположенных в отдалении от Фукусимы. Выявленный высокий процент небольших кист и

[286] После трагедии в Фукусиме прошло семь лет, но потребность в психологической помощи остаётся высокой // Асахи Симбун [Вебсайт] URL: https://inosmi.ru/social/20180313/241689858.html (дата доступа 14.03.2018)

[287] Perrow Ch. Fukushima forever// Huffington Post [Website] URL: http://www.huffingtonpost.com/charles-perrow/fukushima-forever_b_3941589.html (accessed 20.05.2017).

узлов тогда казался доводом в пользу того, что опасности нет. Но, по словам Ч. Перроу, есть ученые, которые напоминают о том, что раку щитовидки требуется несколько лет, чтобы развиться, и, более того, он не характерен для детей. Они говорят о необходимости лонгэтюдных исследований, а также проведении подобных ультразвуковых проверок в других странах с побережьем у Тихого океана.

Согласно анализу на основе модели Европейского комитета по радиационному риску (European Committee on Radiation Risk)[288], число случаев заболевания раком из-за радиационного выброса с двух реакторов в префектуре Фукусима может составить 120,000 для 30-ти миллионного Токио в ближайшие 50 лет.

Люди умирали не только в результате удара стихии или от рака. Старикам, инвалидам сложно было перенести эвакуацию и условия жизни в ней. Печально известен случай большого числа смертей во время эвакуации больницы, и есть подозрения, что больных просто оставили умирать в зоне заражения[289]. Это еще раз показывает размежевание на «верхи» и «низы», о которых писал П. Сорокин, говоря о поляризации последствий удара катастрофы для разных социальных групп[290].

Самую тяжелую и опасную работу на АЭС выполняли поденщики, которых подбирали посредники компании практически на улице, на так называемых *yoseba* – местах, где собирается бездомный нищий люд. Такая стратегия основывается на том, что они зачастую и читать не умеют и точно

[288] Busby C. European Committee on Radiation Risk. ECRR Risk Model and radiation from Fukushima. March 19, 2011 [Website] URL: https://www.nirs.org/wp-content/uploads/reactorwatch/accidents/ecrrriskmodelandradiationfromfukushima.pdf (accessed 02.06.2017).

[289] See Mainichi Daily News. Families want answers after 45 people die following evacuation from Fukushima hospital. 26 April 2011 [Website] URL: http://mdn.mainichi.jp/features/archive/news/2011/04/20110426p2a00m0na006000c.html \\ Цит. поGill T., Steger B., Slater D.H. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. – Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 140.

[290] См. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. Санкт-Петербург: Мир, 2012.

не станут и не смогут бороться за свои права[291]. Неоправданной оказалась и стратегия использования роботов в качестве помощников: уровень радиации был так высок, что роботы «сгорали» за пару часов, техника не выдерживала нагрузки.

Это можно отнести к примерам эксплуатации выживших людей, которым приходилось выполнить так называемые «3D работы»[292] (dirty, dangerous or degrading – грязную, опасную или унижающую). Ответственной за виктимизацию стороной здесь является не просто организованная группа лиц, а государство и компания-оператор.

Те, кто близок к атомному лобби, стремятся доказать, что Фукусима – не Чернобыль. И реакторы там разные, и персонал другой, и на ошибках и опыте СССР учились и прочее, всячески подчеркивая «безопасность» аварии. По словам Ч. Перроу, университетские профессора говорят о том, что последствия для здоровья от этой аварии «несущественны», «не станут причиной массовых смертей», а большая часть вреда носит «психологический характер»[293]. Им вторит Всемирная организация здравоохранения, говорящая об «уровне смертности, не превышающем статистическую погрешность». Необходимо учитывать, что ее доклады обязательно должны пройти согласование с МАГАТЭ. Это несмотря на превышающую тысячи человек статистику смертности от рака в Японии, согласно независимым экспертам.

§3.2. Нарративы катастрофы на АЭС Фукусима

«Новые» катастрофы, как и любые другие травмирующие события, могут порождать нарративы. Здесь можно предположить, что комплексность подобного типа катастроф обладает потенциалом создавать сложные,

[291]Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. М.: Институт социологии РАН, 2013. С.195.
[292] Phua K-L. Post-Disaster Victimization: How Survivors of Disasters Can Continue to Suffer after the Event is over // New Solutions: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy. Vol. 18 (2), 2008. Pp. 222, 226.
[293]Perrow Ch. Fukushima forever// Huffington Post [Website] URL: http://www.huffingtonpost.com/charles-perrow/fukushima-forever_b_3941589.html (accessed 20.05.2017).

многосоставные или противоречащие друг другу нарративы, встраивающиеся в апокалиптический мета-нарратив.

Вокруг катастрофы 3.11 возникло несколько фреймов и нарративов, к которым прибегают местные жители, рассказывающие о ней[294].

Первый нарратив – *tensai* – говорит о природной катастрофе, цунами. Особенность есть в его возможных разночтениях: *tensai* в прямом переводе – «небесная» катастрофа, но есть еще вариант *tenbatsu*, или «небесная кара». Последний вариант не пользуется предпочтением, несмотря на всю его связь с религией (а в буддизме и синто есть такое понятие). Местные жители воспринимают катастрофу, как неминуемую часть своей жизни, им не свойственно искать виноватого. Встречались случаи критики действий правительства и местных властей, но все они были несущественны, пока не стало известно о нелегальном использовании средств и о взятках в борьбе с последствиями катастрофы.

Подобный фатализм можно найти отражение в следующих высказываниях. 85-ти летняя женщина из старого рыболовецкого рода Исиномаки, префектура Мияги, объяснила следующее: «Конечно, мы не ждали этого, мы совсем об этом не думали. Но догадываюсь, если бы вы нас спросили, любой из нас сказал бы, что это может наступить в любое время». Ей вторит другой интервьюируемый, рыбак из Минами Санрику, который потерял свою лодку при ударе стихии: «Невозможно подготовиться ко всему. <…> Невозможно прожить свою жизнь в ожидании катастрофы. Она наступит, когда наступит»[295].

В этот нарратив встраивается и буддийская идея о том, что катастрофа была не только неизбежна, но и в каком-то смысле нужна обществу. «По всей Японии люди страдали в течение долгого времени. Долгого времени. И цунами обнажило наши современные проблемы, и ограничения того, как мы

[294] Gill T., Steger B., Slater D.H., eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 15–21.
[295] Ibid. P. 18.

заботимся друг о друге. Вот что произошло с нашей страной», – сказал японский священник, дзен-буддист[296]. Этот нарратив является иллюстрацией проявления эмансипирующего катастрофизма.

Второй нарратив – *jinsai* – говорит об антропогенной катастрофе, об аварии на ядерных реакторах. Он отличается от первого даже географически, так как есть районы, где жителям приходилось эвакуироваться из непострадавших домов только из-за угрозы радиации – и в нем очень много места отводится поискам виноватого. Вину возлагают не только на компанию-оператора Тепсо, но и на журналистов, неточно или предвзято освещавших события, на тогдашнего премьер-министра и все правительство. Само происшествие на АЭС было названо «человеческой катастрофой, которую можно и нужно было предвидеть и предотвратить»[297], и некомпетентность властей в первую очередь основывается на многовековой истории борьбы Японии с последствиями сильных землетрясений и цунами. Этот нарратив также отличается большей амбивалентностью и меньшей скоростью развертывания событий, и гораздо более длительными последствиями (по сроку рисков, с ними связанных).

В качестве примера можно привести речь главы деревни Нагадоро, в которой была объявлена добровольная эвакуация из-за последствий радиации. «Прекрасно говорить «выметайтесь отсюда к черту», но что нам предполагается делать после этого? Где рабочие места? Как мы должны зарабатывать на жизнь? По крайней мере, пока мы здесь, мы можем есть наш собственный рис и овощи»[298].

Однако этот нарратив скорее замалчивался. Вот что сказал по этому поводу Т. Хаякава, главный монах буддийского храма в поселке Нараха префектуры Фукусима: «Существует атмосфера, которая не дает людям высказываться против. Если что-то представляет собой опасность, они не

[296] Mockett M. M. Where the dead pause and the Japanese say goodbye: a journey. N.Y.: W.W. Norton & Company, Inc., 2015. P. 43.
[297] Gill T., Steger B., Slater D.H., eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 19.
[298] Ibid. P. 308.

могут сказать, что это опасно. Если что-то неправильно, они не могут сказать, что это неправильно»[299].

В целом можно сказать, что при всей относительности такого деления, нарратив природной катастрофы объединяет людей в их общем горе, способствует формированию солидарности, в то время как нарратив антропогенной – разделяет из-за разных точек зрения на поиски виноватого или невозможности высказываться открыто.

Существует и еще один нарратив: уже не локальный, но общенациональный. Весь мир узнал о том, где находится префектура Фукусима на карте Японии – и страна не могла не ответить на катастрофу сплоченно, опираясь на многовековой опыт своей культуры. У возникшего нарратива травмы есть особый «налет» японской культуры. Японцы прибегали к термину *mujō* (выживание несмотря на превратности судьбы), чтобы описать свое состояние и жизнь после удара цунами. Этот нарратив несколько стереотипен, так как он говорит о японцах, как о пассивных, но в то же время трудолюбивых и более предрасположенных (чем люди Запада) принимать или даже ценить удары стихии и исчезновение жизни[300].

Вот что известный писатель Харуки Мураками сказал по этому поводу: «Перспектива *mujō*, согласно которой все вещи должны пройти, может пониматься, как безропотный взгляд на мир. <…> Но даже посреди этого смирения японцы способны деятельно обнаруживать источники подлинной красоты»[301].

Х. Мураками назвал *mujō* «одной из основных идей японской культуры», это концепт, берущий свои корни в буддизме. Он означает, что ничто не вечно: все, приходящее в мир, изменяется и со временем исчезает.

[299] Featherstone S. The ghosts of Fukushima // New Republic, July-August: 22–29, 2016. P. 27.
[300] DiNitto R. Narrating the cultural trauma of 3/11: the debris of post-Fukushima literature and film // Japan Forum, 26 (3), 2014. Pp. 342–343.
[301] Murakami H. (2011). Speaking as an Unrealistic Dreamer // The Asia-Pacific Journal, 9 (29), 2011. P. 2.

Японцы считают, что *mujō* наиболее точно описывает тот мир, в котором мы живем[302].

Примечательно и то, что авария на атомной электростанции породила определенную дискриминацию, что еще раз подчеркивает всю важность экологической справедливости в современном мире. Префектуру Фукусима относительно можно назвать «диким сельским севером», и японцы из Фукусимы столкнулись с негативным отношением со стороны «внешнего» мира. Это явление можно назвать нарративом жертвы – или, в этом конкретном случае, *hibakusha*. Также этот нарратив можно назвать подвидом нарратива антисолидарности, *jinsai.*

Для японцев, принявших решение остаться в родной префектуре, причиной тому является замалчивание информации об уровне радиации, отговорки правительства о «безопасности» аварии, подкрепляемые словами ученых и врачей, выбранных для того, чтобы говорить публике об отсутствии опасности для здоровья – когда люди боялись, что из них делают «подопытных кроликов»[303].

Иногда, так как *hibakusha* получали дотации и определенные привилегии, они представлялись в таком качестве самостоятельно, иногда на них указывали другие люди, но всегда это «портило лицо», так как в Японии не принято выделяться[304].

Во случае эвакуированных и уехавших самостоятельно – откровенно негативное приятие вынужденных мигрантов со стороны не только населения, но и некоторых политиков. К людям из префектуры Фукусима стали относиться, как к разносчикам радиации, в интернете появились

[302] Kimura Sh. Lessons from the Great East Japan Earthquake: The Public Use of Anthropological Knowledge // Asian Anthropology, 11 (1), 2012. P. 66.
[303] Gill T., Steger B., Slater D.H., eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 156.
[304] Drollette Jr D. (2016) Fukushima Future Studies: five years later, what have we learned? // Bulletin of the Atomic Scientists, 72 (2), 2016. P. 100.

сообщения с высказываниями, полными страха, злобы и агрессии: «Вы источаете радиацию, не распространяйте ее на остальную Японию!»[305].

В первое время дискриминация *hibakushi*, слухи о возможных мутациях просочились даже в СМИ. В некоторых ток-шоу возникли разговоры о том, что не стоит жениться на девушках из пострадавшего региона, так как у их детей возможны проблемы на генном уровне[306].

Наконец, остановимся на еще одном проявлении нарратива жертвы. Примечательно, что это зачастую очень индивидуалистский нарратив – человека, заключенного в свое одиночество. В Японии увеличивается число суицидов среди жертв катастрофы, что полиция называет случаями пролонгации пост-травматического синдрома[307]. «В большинстве случаев эвакуированные люди живут в изоляции и им не хватает коммуникации с другими. Они выбирают умереть от голода, отказываясь от еды», – так объясняет проблему Д. Сиого, глава местной неправительственной организации города Иваки "*Kyodo-No-Tsudoi Net*".

Рассмотрим поведение СМИ (как местных, так и международных) в течение первого месяца после катастрофы. Этот временной интервал объясняется тем, что катастрофа в Японии, как «информационный повод», продержалась в мейнстримовых СМИ около месяца. Уже в конце марта война в Ливии вытеснила Японию со страниц мировых газет[308].

Для того, чтобы проследить развитие нарративов, посвященных трагедии в Японии, был проведен контент-анализ более 200 заголовков газет и интернет-изданий из Японии ("The Japan Times"), США ("The New York Times"), Великобритании (BBC, "The Daily Mail"), Франции ("Le Monde"), Германии ("Der Spiegel") и России (РИА-Новости, «Комсомольская правда»)

[305] Gill T., Steger B., Slater D.H., eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 165.
[306] Drollette Jr D. (2016) Fukushima Future Studies: five years later, what have we learned? // Bulletin of the Atomic Scientists, 72 (2), 2016. P. 100.
[307] See Nagano M. Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees. 2015. [Website] URL: http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026 (available at 07.03.2017).
[308] Gill T., Steger B., Slater D.H., eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 140.

за период с 11 по 31 марта 2011 г. Это период пикового интереса к событию, в то же время достаточно длинный для того, чтобы показать развитие темы. Выбор был обусловлен необходимостью представить разные типы изданий, желанием показать картину в нескольких языковых мирах, а также наличием в интернете архивов статей за 2011 г.

Анализ проводился по нескольким пунктам: освещенность события; его трансформация с течением времени; слова, используемые для называния события; уровень оптимизма; уровень запугивания; разброс по направлениям землетрясение \ цунами \ атомная катастрофа; «человеческое лицо» (или представленность human story); представленность международной повестки; мнение экспертов или политиков.

Японская ежедневная газета The Japan Times насчитывает всего 11 статей за указанный период. Из них только 2 говорят непосредственно о событиях на Фукусиме, называя аварию «кризисом». Анализ по многим пунктам затруднен небольшим количеством данных, однако можно сказать, что словом «бедствие» обозначалась лишь общая картина ударов стихии 11 марта, гораздо больший акцент делается на природную составляющую катастрофы. Представлен «позитивный» взгляд: уроки землетрясения 1995 г. помогли спасателям в этом году. Очень сильна «человеческая сторона»: освещаются истории беременных женщин-беженцев, говорится об убежищах для выживших. В целом заголовки очень короткие, «сухие», информативные. В них говорится скорее о масштабах катастрофы, чем о ее последствиях (единственный «пугающий» заголовок звучит следующим образом: «Ничто не может подготовить к тому, чтобы лицезреть это»). Вопрос радиации не освещен, что вызывает озабоченность с учетом того, что это крупнейшее англоязычное издание в Японии, а значит, и авторитетный источник информации о стране для всего мира.

Американская ежедневная газета The New York Times – вторая крупнейшая по тиражу газета в США и одна из наиболее влиятельных газет в мире, обладатель 117 Пулитцеровских премий. В ее онлайн-версии за

указанный период можно найти 29 заголовков, посвященных землетрясению, цунами и аварии на АЭС. Из них наиболее частотны посвященные радиации и радиоактивной опасности, включая заражение продуктов питания и водопроводной воды (начиная с 14 марта именно темы, связанные с последствиями аварии наиболее часто встречаются). Получается, что сама тема развивается от смертей в землетрясении и цунами до обнаружения радиоактивного йода в океане, причем наибольший упор делается именно на опасности радиационного заражения. Примечательно, что если сначала говорится о надежде, то после 16 марта возникает тема страхов, «ложного чувства безопасности». Слова, которые используют журналисты: потенциальная ядерная катастрофа, японский атомный кризис. Если вначале еще встречаются слова надежды, то атмосфера нагнетается: 50 работников АЭС названы «последней защитой» (единственное упоминание о людях в статьях), сама радиация практически олицетворяется («выпущенная на волю ошибкой», «пойдет по скользкому пути»). Абсолютное большинство заголовков посвящены Японии, и весь выход на международный уровень скорее обусловлен граничащей – через океан – Америкой. Наконец, представлено мнение американских экспертов об аварии – они называют уровень радиации «экстремально высоким», называют причины взрывов реакторов.

Из изданий Великобритании в анализ были включены статьи с сайта BBC (13 заголовков) и онлайн-версии таблоида The Daily Mail (25 заголовков). У BBC заголовки очень сухие, короткие, но оптимистичные, говорится о прекращении утечек воды, падении радиации, приветствуются герои аварии. До 17 марта наиболее частотна тема землетрясения, потом лидирует Фукусима, причем катастрофа прямо не называется: употребляются такие слова, как «ситуация» или «поврежденная АЭС». Есть даже подобный заголовок: «Фукусима – катастрофа или отвлечение?» или цитата эксперта о том, что «все могло быть гораздо хуже». «Запугивание» населения начинает сквозить в заголовках ближе к концу марта, и то на очень незначительном

уровне: однократно появляются слова «страхи» и «катастрофа». Международный уровень не представлен, а о людях говорится несколько раз: упоминаются не только работники пострадавшей АЭС, но и рыбаки, а также настроения «раздражения» среди населения из-за планов эвакуации.

Совсем иная картина преподносится британским таблоидом The Daily Mail, ее можно назвать инсценированием риска. Во-первых, заголовки очень длинные, в них используются прописные буквы, язык очень образный – и либо провокационный, либо запугивающий. Употребляются такие выражения, как «изуродованный ядерный реактор», «пожары озаряют … ночь после мега-землетрясения», «кошмар становится еще страшнее», «день, когда Земля сдвинулась» – и это только за первые четыре дня. Оптимизм, если он и встречается, скорее похож на черный юмор: например, слова японского императора «не сдавайтесь!» даются вместе с сообщением о «новой пытке», снеге, или кетч «без суши» в статье о страхах заражения японских продуктов питания. Большинство статей говорят о Фукусиме, АЭС и радиации, но все-таки разброс тем велик: от «города-призрака Токио» до «отрядов самоубийц», работающих на станции. Люди показаны в отчаянии: слова мэра города около Фукусимы – «нас бросили», «глава АЭС плакал», «последние слова» выжившей после землетрясения женщины, держащей свою мертвую мать за руку. Международная арена представлена достаточно хорошо, авария сравнивается с трагедией 9/11, упоминается тогдашний президент США Барак Обама, британские спасатели, но экспертных статей нет.

Онлайн-версия французской ежедневной газеты Le Monde насчитывает 43 заголовка, о Японии и связанных с ней темах писалось практически каждый день. Большой объем заголовков позволяет судить об изменениях в освещении темы, однако никаких кардинальных перемен нет и новости подаются в одном тоне: «ядерная катастрофа», «крупная ядерная авария», «скверное положение», «драма» перемежаются такими словами как «хрупкий луч надежды», «отчаянные меры». При том, что по описательности и

образности (а также использованию преувеличений) язык можно сравнить с британской The Daily Mail, он, тем не менее, обладает гораздо меньшим накалом и не пугает людей, а скорее взывает к их эмоциональной составляющей: люди «чувствуют себя брошенными», «бесславный конец карьеры» главы компании-оператора АЭС, TEPCO, а саму компанию называют «надменной и скрытной», «чересчур самоуверенной», говорится, что развертывается «наихудший сценарий». Даются многие темы: от кошмаров детей после землетрясения до разрухи земель после цунами, от кредитования японских предпринимателей до ликвидаторов последствий аварии. Человеческая картина представлена очень ярко: суровые условия зимы, матери и дети, боящиеся сепарации, дискредитированное правительство Японии. Международный уровень и экспертный анализ даются наиболее подробно из всех рассмотренных газет: сравнивается и анализируется не только ситуация во Франции, но и вспоминаются Чернобыль и Чили.

Немецкий еженедельный журнал Der Spiegel, а точнее, его онлайн-версия, давала информацию блоками, всего 41 заголовок. Блоки озаглавлены следующим образом (по мере развития темы): «ядерная авария в Фукусиме», «бедствие в Японии», сменившиеся на «атомную катастрофу в Японии» и просто «АЭС Фукусима». В сухих и сжатых заголовках почти нет оптимизма, но нет и особого нагнетания атмосферы. В качестве примера можно привести следующие: «Опасность бассейна выдержки ядерного топлива», «Что Фукусима означает для любителей рыбы», «Зона полного уничтожения – Фукусима», «Император Акихито – последняя надежда Японии в кризисные времена». Как и в The New York Times, большая часть внимания отдается именно радиации, теме Фукусимы, о землетрясении и цунами говорится лишь в общих чертах, под заголовком «японский кризис». О людях говорится немного, только в контексте аварии: о 50 «смельчаках», об извинении премьер-министра за аварию. Международный уровень представлен неплохо: говорится о Европе, вспоминается Чернобыль. Экспертных статей почти нет,

но есть статьи, объясняющие влияние радиации на людей и на продукты питания.

В российской прессе в анализе представлены статьи сайта новостного агентства РИА-Новости (20 статей), а также газеты «Комсомольская правда» (16 статей). РИА-Новости сначала говорили о землетрясении (в заголовках не упоминается цунами), а потом – в «взрыве» и затем «аварии», нет слова «катастрофа», таким образом избегается какая бы то ни было эмоциональная или, возможно, пугающая окраска события. Об оптимизме тоже говорить сложно. «Человеческое лицо» представлено через мнение экспертов, ученых, в статье «Жизнь в каске и под партой: японцы живут на вулкане». Международный уровень – это в первую очередь связи с Россией, ее Дальним Востоком, российские спасатели, сравнение с Чернобылем, но говорится и о США.

«Комсомольская правда» более «эмоциональна» в своих заголовках, но достаточно близка РИА, пусть и говорит о более простых вещах. Например, приводится совет МИДа России воздержаться от поездок в Японию, говорится о повышении радиационного фона на Сахалине, вспоминаются пророчества Ванги. В этом нет ощутимого оптимизма, есть слова об общем «горе», но и запугивания, как такового, нет – скорее, спокойствие. Международный уровень можно найти в географии, говорится о Тихом океане, помимо Приморья. Много мнений экспертов: ученых, министров, есть слова главы Росатома президенту Путину.

Для сравнения, стоит отметить, что японскую прессу стали обвинять в «мягком национализме» в ситуации, которую можно обозначить, как «они против нас». В течение всего времени после катастрофы власти Японии осуществляли обычную для них информационную политику: не сообщать обществу и миру всей информации о реальном состоянии дел, практиковать «отрывочную и запаздывающую информацию», контролировать весь поток информации, идущий через центральные телеканалы. В результате такого

подхода, как уже говорилось выше, сложилась ситуация секвестрации знания[309].

Представленный анализ позволяет выделить несколько транслируемых нарративов исследуемой катастрофы. В первую очередь, это нарратив «судного дня» – или апокалиптическая картина тройного удара, буйства природы и опасности радиационного заражения, который можно встретить в британских таблоидах; по нему хорошо видно, как конструируются риски. Второй нарратив «сухих фактов», свойственен британской и немецкой журналистике; ему присуща даже некоторая оптимистичность и нацеленность на избегание провокационности. Везде встречается нарратив «героев» – 50 «ядерных самураев» Фукусимы, из «человеческих» историй также есть нарратив «оставленных» людей (пострадавших, эвакуированных и оставшихся на местах), который можно найти во французской и японской англоязычной прессе. В японской и русской прессе можно обнаружить нарратив, который можно назвать, как «мнимое спокойствие», выражающийся в словах цитируемых ученых о том, что радиация страшна страхами, а не реальной угрозой, и призванный успокоить людей. Есть также нарративы «сопоставления ситуации»: слова о влиянии катастрофы на местные сообщества и другие страны, их атомную энергетику, в том или ином виде присутствующие во всей рассмотренной прессе. Нарратив «поиска виноватого» наиболее ярко представлен во французской прессе, что может быть вызвано актуальностью вопроса ядерной безопасности для страны.

Как писал немецкий социолог У. Бек, реальность становится продуктом деятельности «дискурсивных коалиций», которые «простираются через границы классов, национальных государств и систем и теперь занимают центральное место», так как именно они формируют когнитивные карты, нарративные фреймы и табу[310]. Как мы увидели, эти коалиции могут

[309] Gill T., Steger B., Slater D.H., eds. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. Bern: Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. P. 130-146.
[310] Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009. P. 89.

обладать экспертным знанием и говорить об отсутствии опасности в регионе, в течении уже нескольких лет страдающем от радиоактивны утечек, несмотря на разделяющие их границы государств. А могут быть объеденными древней культурой страны, которую они любят – от простого рыбака до известного на весь мир писателя.

Кейс Фукусимы показал, что существующие «локальные» нарративы и транслируемые нарративы могут практически не пересекаться. Иностранным СМИ не свойственно, например, было разделять катастрофу на природную и техногенную, в них говорилось, скорее, об общем «кризисе» в Японии, катастрофа практически не делилась на составляющие и большее внимание уделялось радиации, которая практически замалчивалась в случае каких бы то ни было местных диалогов. Про какие-то культурные особенности Японии практически не говорилось, больше иронизировали над темой продуктов питания, суши.

В общем и целом, нами было выделено пять местных нарративов, а контент-анализ заголовков СМИ шести стран позволил назвать еще семь нарративов. Это доказывает сложность и комплексность аварии на АЭС Фукусима в восприятии ее социумом, и позволяет поставить ее в один ряд с другими «новыми» катастрофами, к изучению которых социология обратилась в недавнем времени.

Какой нарратив «победит» в Японии важно, как показывает история аварии на Чернобыле, произошедшей в апреле 1986 г. на севере УССР. Социолог, исследовавшая нарративы, сложившиеся в Беларуси и Украине, Е. Жукова, отмечает их различия, выразившиеся в соответствующих экономических и социальных показателях[311].

Хотя в обеих странах СССР рассматривается, как «предатель», в Белоруссии доминирующий «официальный» нарратив рассматривает аварию на АЭС, как трагическое, но все же «триумфальное» событие, которое

[311] Zhukova E. Trauma management: Chernobyl in Belarus and Ukraine // The British Journal of Sociology, 2016. Vol. 67 (2). Pp. 198-199, 203-205.

помогло жителям страны стать сильнее. Оппозиционный нарратив называет событие «геноцидом». Не так обстоят дела на соседней Украине, где ни националистические партии, ни правительство не используют Чернобыль в своей политической борьбе, но он гораздо чаще, чем в Беларуси, обсуждается в СМИ. И если в Белоруссии после развала СССР избрали нарратив «максимального прогресса», с государством в роли спасителя, то в Украине – «минимального», где государство пассивно.

В целом, можно сказать, что после 1991 г. Белоруссия смогла достигнуть чувства онтологической безопасности (по Гидденсу) за счет программ ликвидации последствий ядерной катастрофы, продажи экологически чистых продуктов, решения социальных проблем и создания инфраструктуры. В Украине не было своей программы ликвидации, проблемы инфраструктуры и потребления зараженных продуктов питания остались нерешенными. Беларусь продемонстрировала себя с «лучшей стороны», чем Украина и Россия, и смогла, в отличие от Украины, решить свои проблемы независимо. Кроме того, для отсутствия деморализации на структурном уровне в Белоруссии практиковались угрозы наказать «преступников» среди официальных лиц и простых граждан, предрасположенных к коррупции, отмыванию денег, стигматизации эвакуированных, мародерству оставленных домов и проч.[312]. Практики, осуществляемые правительствами этих двух стран, нашли отражение и в соответствующих нарративах, циркулирующих в СМИ. И если Беларусь стала активным «спасителем», и эта роль подкреплялась сообщениями СМИ, то украинское правительство, у которого и так не было подобной сильной поддержки со стороны СМИ, оказалось в роли «пассивной жертвы», приведя к нарративу выживания, а не прогресса.

К сожалению, пока можно говорить о том, что, по крайней мере, в Западной прессе, японское правительство и его действия были показаны, как

[312] Zhukova E. Trauma management: Chernobyl in Belarus and Ukraine // The British Journal of Sociology, 2016. Vol. 67 (2). Pp. 209-210, 212.

слабые и ошибочные в условиях аварии на АЭС Фукусима, с «фашистскими» мерами[313], направленными против журналистов, освещающих трагедию в ином русле, нежели выгодно власти. Но для страны важнее, что происходит внутри, и это покажут дальнейшие исследования.

Здесь также важно отметить, что нарративы (в соединении «новых» катастроф и современности) возможны не только текстуальные, но и визуальные. В случае урагана Катрина популярным средством как-то выразить, запечатлеть травму, почтить погибших или выразить свои чувства к пострадавшему Новому Орлеану стали татуировки[314]. Тату-художники в интервью информагентству АР признавались, что за год, прошедший спустя удар урагана в августе 2005 г., половина их клиентов просили набить надписи или изображения, связанные с Катриной. Спектр татуировок включал в себя изображения пострадавших зданий, разбитые сердца, из которых льются воды потопа, памятные надписи или «надгробные» слова. Приходили делать тату как в первый раз, так и опытные коллекционеры; члены семей и друзья собирались в салоны вместе. Например, девушка, спасенная Национальной гвардией и пришедшая в тату-салон вместе с друзьями, сказала: «Я наверняка больше не буду делать других татуировок, но вот эта значит что-то для меня». Татуировки становятся средством коммуникации, ежедневно напоминая не только своим обладателям, но и общественности (если они видны), о пережитой травме. Они способны стать средством делиться с воспоминаниями и выражать чувства к родным местам. Владелец тату-салона в Новом Орлеане А. ЛаРу назвала татуировки «способом для людей носить свою боль».

Таким образом, можно прийти к выводу, что неокатастрофы обладают такими сильными по уровню воздействия нарративами, что способны воздействовать на политику государств, в которых они произошли. В то же

[313] Wallace R. Japanese press baulks at push for 'fascist' secrecy laws // The Australian. Nov 25, 2013. [Website] URL: http://www.theaustralian.com.au/business/media/japanese-press-baulks-at-push-for-fascist-secrecy-laws/news-story/062748f2a68dba90d121a02f7c1d9fe0 (accessed 20.09.2017).
[314] Hidalgo D. A., Barber K., eds. Narrating the Storm: Sociological Stories of Hurricane Katrina. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 187-189.

время их травмирующее влияние на людей столь велико, что они согласны пронести его с собой всю оставшуюся жизнь. Такие катастрофы напрямую влияют на идентификацию, а не только на здоровье или материальную собственность.

Выводы

Кейс-стади аварии на АЭС Фукусима позволяет продемонстрировать, насколько современные, «новые» катастрофы вписаны в социальную, историческую, культурную и экономическую канву жизни общества. В ней тесно сплелись не только природные и техногенные факторы – непосредственные причины аварии, но и весь социальный бэкграунд оказался под ударом. Обнажились действующие иерархичные связи и возникли новые (в виде экофеминизма и групп солидарности), слабые «звенья», такие как бедняки, больные и старики оказались под ударом, выросло число самоубийств.

Протестных движений практически не возникло, и мужчины, руководствуясь национальной японской философией, продолжали ходить на работу и помогать друг другу в восстановлении прибрежных поселков и городов. Однако женщины, руководствуясь заботой о детях, организовывали протесты и обращались с политиками и местными властями с требованиями по преодолению секвестрации знания.

Особую роль при изучении кейса мы отвели коммуникации. В первую очередь, это провальная коммуникация между менеджментом компании-оператора и правительством, вызвавшая столько критики в свой адрес. Но, кроме того, это и возникшие среди населения нарративы. Все они направлены были на проживание этой трагедии, стали попыткой справиться с потерей близких, разрушением имущества, сохранить лицо перед ужасом не только землетрясения и цунами, но и новой, третьей для страны ядерной катастрофы. Наконец, немаловажно и то, как произошедшее в Японии 11 марта 2011 г. было представлено в мировых СМИ: множественность нарративов от «сухих» фактов до апокалиптической картины

происходившего – все это вписывалось в культурные традиции анализируемых стран и политику газет. В ходе исследования было выявлено пять локальных нарративов и семь транслируемых.

Изучение кейса аварии на АЭС Фукусима, его реалии показали, что они вполне перекликаются с теорией «новых» катастроф – и не только с точки зрения заданного цикла борьбы с последствиями или предложенного определения, но и социальных институтов, таких как религия и СМИ, которые были выдвинуты нами в качестве весомых в конструировании социальной реальности «нового» типа катастроф. Для неокатастрофизма, как социологического течения, эта авария – яркий и трагичный пример, встраивающийся в такие теории, например, как «нормальные» аварии Ч. Перроу или «новые» катастрофы Дж. Урри.

Заключение

Проведенная исследовательская работа позволила нам прийти к следующим выводам, основанным на анализе социологической и экологической литературы и кейс-стади аварии на АЭС Фукусима 11 марта 2011 г.

1. Несмотря на институционализацию инвайронментальной социологии четверть века назад, социологическая перспектива на изменения климата и другие новые катастрофы до сих пор проходит период своего становления. С новой силой о ней заговорили в 2010-х гг., на разных языках подчеркивая принципиально новый характер изменений, происходящих с глобальной экосистемой и нависших над человечеством. Происходит «возвращение» человека к окружающей среде, питающей его во всех смыслах, а не только служащей фоном для его повседневной жизни – от чего социология в свое время вынуждена была отказаться для размежевания своей предметной области от сферы естественных наук.

   Отдельно стоит отметить, что инвайронментальная социология крайне слабо представлена в России, и в этом смысле, является «хромой», по словам О. Н. Яницкого, отстает от западной социологии.
2. Ориентируясь на то, что катастрофа есть специфический случай экстремального социального изменения, можно сказать, что «новые» катастрофы со всех их многовекторностью (а это климатические, антропогенные и вирусные изменения лица планеты) и латентными побочными последствиями в долгосрочной перспективе несут с собой и неотвратимые изменения для социума. Они давно вышли за пределы исключительно естественных наук (пусть и относительно недавно, несколько десятилетий назад для официальной науки) и стали новой социокультурной реальностью.

3. «Новые» катастрофы от микро- до макроуровня зависят от социальных факторов и средовых особенностей, таких как решения индивидов разной степени влиятельности на экосистему, но вписанных в культурный и исторический контекст властных и мировоззренческих особенностей того или иного социального класса или региона.

   Дополнительным фактором, усугубляющим связи между социальным и природным, здесь стало то, что во многих случаях именно техника и человеческая деятельность делают привычные катастрофы «новыми». Ураганы, наводнения, извержения вулканов по последствиям становятся более масштабными и разрушительными для человека, непредсказуемыми и неконтролируемыми, так как затрагивают все более усложняющуюся и разрушительную в случаях бедствий промышленную систему, в особенности энергетическую отрасль. В свою очередь, изменения климата и его турбулентность, по Дж. Урри, как комплексная, глобальная, «новая» катастрофа делают такие удары природы более неожиданными, масштабными и с точки зрения окружающей среды, сил, сокрытых в недрах нашей планеты.

   Важно отметить и «качество» происходящих, разворачивающихся катастроф. В число проблем современного мира вошли рост количества и разнообразия «природных» катаклизмов, обусловленных антропогенным фактором, смена погодных и климатических паттернов, доступность питьевой воды, натуральных продуктов питания, надежность домов, рост сопротивляемости вирусных заболеваний, вымирание видов и общая картина дестабилизации экосистемы. На смену привычных, поддающихся логическому объяснению катастроф пришли «новые», не ограничивающиеся пространством и временем своей эпизодичности, как скажем, «мертвые» воды или стремительно возрастающая мобильность заболеваний. И, сталкиваясь с этим новым типом вызовов, так называемыми «неокатастрофами», социологи изучают общество, с одной стороны, с учетом неопределенности и

ограниченности научного знания, а с другой – всей комплексности, нелинейности климатических и экологических изменений и их социальных последствий, уязвимостей, ими создаваемых.

4. «Новые» катастрофы несут с собой отсутствие простых или очевидных решений в экологической сфере, иллюстрируя хрупкие, согласно новой экологической парадигме Р. Данлэпа, взаимосвязи между природой и обществом. Однако это не означает отсутствия необходимости действовать. Вспоминая не только философские воззрения древних греков, говорящих о человеке, как микрокосме, вписанном в макрокосм, но и смену фокуса социологической парадигмы, предложенной Н. Луманом, можно говорить о целостности мира и вписанности мира общественного в мир природный. С двухвековым ходом развития антропоцена социологи говорят не только о новой социо-природной реальности, но и об эре пост-природного (или «конца природы»), в которой исконно природное теряет свойство реальности, конструируется человеком. Это говорит о необходимости обновления теоретико-методологических подходов к анализу взаимоотношений общества и природы и развития инвайронментальной социологии в целом.
5. Неокатастрофизм – способ научного осмысления и направление философской мысли, посвященные нарастанию рисков и уязвимостей, вызванных ростом числа «новых» катастроф, соединяющих в себе социальные, природные и техногенные факторы.

   Вполне возможно, что происходящие катастрофы являются отражением разворачивающегося коллапса общества, как естественного направления его развития, про который писал Дж. Урри, или как следствие его «слепоты» по отношению к адаптации к природному миру, которую отмечал Н. Луман. Тогда современный катастрофизм действительно можно расширить и показать, как связующее звено, соединяющее природное и социальное, находящееся

в процессе метаморфозы, по У. Беку. И если не произойдет постепенный отход от углеродной экономики к так называемой пост-углеродной, более «зеленой» (о чем и напоминают такие социологи, как Дж. Урри и Э. Гидденс), общество может ожесточиться. Например, помимо войн и массовых потоков беженцев могут возникнуть неонацистские и экстремистские движения в защиту окружающей среды, по словам М. Манна[315].

6. Важно и то, как данный феномен освещается в СМИ, ведь опираясь на теорию социального конструктивизма в инвайронментальной социологии, можно утверждать, что социум «узнает» о проблеме в окружающей среде, только когда ее «замечают» средства коммуникации. Это означает, что положение дел в экологии может и замалчиваться, и подаваться под нужным исключительно политикам и бизнесменам углом.

   Рост внимания к «новым» катастрофам напрямую связан с действием СМИ и появлением глобального вещания. В рамках развития коммуникационной технологии искалась такая тема, что была бы способна объединить человечество, стереть национальные границы, противопоставить страх за собственную жизнь и неуверенность комфорту и мета-нарративу господства человека над природой. Так возник апокалиптический мета-нарратив и более мягкий нарратив необходимости изменения отношений человека с природой. Возможно, как одна из действительно глобальных и животрепещущих тем, экологический катастрофизм, как путь нашей планеты и реакция ее живого тела, способен объединить население земного шара. Однако этот процесс задействования в круглосуточном новостном вещании сообщений о катастрофах не так однозначно позитивен. Даже ужас,

[315] Mann M. The sources of social power. Vol. 4. – New York: Cambridge University Press, 2013. P. 432.

насаждаемый транслируемыми СМИ картинами, способен вызвать привыкание.

Здесь важно отметить и то, что все же при анализе информации о катастрофах нельзя ориентироваться на СМИ без критического осмысления сообщений: транслируемый нарратив катастрофы зачастую существует в противовес социологическому анализу. Принятая демонстрация катастрофы, как экстра-события, влечет за собой вычеркивание всего процесса социально-экологического метаболизма катастрофы и какой бы то ни было анализ. И все же немаловажно подчеркнуть, что за исключением очевидцев и пострадавших, люди обычно «отгорожены» от происходящего – и от природы в целом – сообщениями СМИ и работами ученых.

7. В связи с этим необходимо отметить роль просветительских усилий, которую несут международные неправительственные организации и социальные движения в защиту окружающей среды. Здесь невозможно переоценить роль коммуникации, способной либо лишить человека объективной информации об окружающей среде, либо «обезопасить» ее – либо же призвать к более экологичному действию и принятию решений о собственном потребительском поведении. Кроме того, как было показано, социологами (такими как представители Франкфуртской школы) подчеркивалась освободительная роль движений в защиту окружающей среды, их способность идти вразрез с официальной политикой и объединять людей на принципиально иных началах, основанных на солидарности и экологической справедливости. Именно из-за этого важно подчеркнуть роль интернета, как стирающего национальные границы и формирующего условия для метаморфозы мира, по У. Беку.
8. Наконец, остановимся на результатах анализа аварии на АЭС Фукусима. Экспансивный характер аварии, ее каскадирующий характер, долгосрочность последствий – все эти факторы позволяют

назвать ее «новой» катастрофой. Техногенный фактор, значительно изменивший масштаб последствий удара цунами и в корне поменявший его характер, расширив до уровня атомной катастрофы – еще одна неотъемлемая черта, свидетельствующая о ее «новине». В социально-экологическом метаболизме катастрофы велика и культурная составляющая: «маскулинная» самонадеянность японцев, построивших атомную электростанцию – и не одну – на побережье, и так находясь в сейсмоопасном регионе.

Кроме того, этот случай является и иллюстрацией производства рисков, согласно У. Беку, когда вмешательство политики и экономических интересов в восстановительные работы и функционирование СМИ приводит к разрушительным результатам. «Побочные» на первый взгляд, но социальные факты последствий – рост числа самоубийств и возникновение эко-феминизма школы сопротивления, характерной для стран третьего мира, но никак не для высокоразвитой, традиционалистской Японии, – происходящие на фоне жизни вблизи разрушенных ядерных реакторов и утечек радиационной воды говорят о том, как сильно «новая» катастрофа способна выбить социальную систему из ее привычных условий существования и привычного функционирования. Однако случай Японии также показал всю важность социального капитала, социальных сетей и тех возможностей, которые они предоставляют – в том числе и женщинам, – с растущей волной экофеминизма. Солидарность и приспособляемость, как факторы способствующие консолидации японского общества в момент катастрофы, – это еще один показатель глубины и древности японской культуры.

9. Немаловажной особенностью данного кейса является изучение нарративов, возникших как в самой Японии, так и за ее пределами. Они показали, насколько национальная идентичность способна оказывать влияние на формирование нарративов. В случае страны восходящего

солнца это всяческое избегание нарратива жертвы от первого лица – им свойственно скорее молчание, – но упование на глубокие культурные корни своей нации и многократный опыт переживания природных катастроф, будь то землетрясения или цунами. С другой стороны, в СМИ западных стран и России возникали апокалиптические нарративы, опасения в связи с радиационным заражением воздуха и океанической воды. Эта сторона изучения четверной катастрофы в Японии вновь демонстрирует речь и нарратив как средство борьбы с катастрофой и ее последствиями: упорядочивания хаоса и противопоставления слова тому отрицанию сложившейся социокультурной реальности, которая заложена в любой катастрофе.

10. Таким образом, «новые» катастрофы – это явление сегодняшнего дня, еще малоизученное, и представляющее собой поле для исследований социологов. Подобные исследования важны для разработки методов освещения неокатастроф для СМИ и правительственных организаций для исключения паники, а также рекомендаций относительно рациональных действий политиков и всего социума. «Новые» катастрофы формировались в течение последних веков и уже начали влиять на общество, заставляя его не просто меняться, а испытывать процесс метаморфозы, по У. Беку. И пусть крупные, действительно значимые «новые» катастрофы не всегда заметны – и очевидны только в своих производных, – это не означает отсутствия необходимости принимать скорые, но продуманные меры. Причем существенно важно, чтобы эти меры не были нацелены на решение однократно возникающих проблем, но были комплексными – и рассматривали «новые» катастрофы во всей их совокупности и многовекторности, влиянии не только на жизнь каждого человека, но и на всю экосистему планеты в целом.

Данная исследовательская работа представляет собой обзор не только последних, новейших теоретических воззрений на принципиальной иной

характер катастроф современности, но и анализ предшествующих им положений XX в. Было дано собственное определение «новых» катастроф и рассмотрены различия старых и новых катастроф. И, поскольку в качестве социального института, играющего критическую роль в конструировании катастроф были заявлены СМИ, в кейс-стади аварии на АЭС Фукусима был задействован анализ нарративов, не только локальных, но и иностранных. Были выявлены международные тенденции, позволяющие говорить о существующему апокалиптическом мета-нарративе.

Авторским нововведением в выбранном методе кейс-стади стало использование контент-анализа, а не только описание сложившейся пост-катастрофной ситуации и всего социально-экологического метаболизма аварии на АЭС.

В целом, данное диссертационное исследование было призвано осветить тематику «принципиально иных» катастроф, с которыми сталкивается человечество в XXI веке, и которые практически не задействуются в отечественных исследованиях подобного рода.

Библиография

На русском языке

Монографии, сборники

1. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. – М.: Институт социологии РАН, 2016. – 304 с.
2. Бабосов Е.М. Катастрофы: социологический анализ. – Минск, Наука и техника, 1995. – 472 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с.
4. Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. – Рига: Зинатне, 1991. – 131 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
6. Бьюкенен С.А. Планирование мероприятий по обеспечению готовности к бедствиям и природным катастрофам и ликвидации их последствий в библиотеках и архивах. Исследование по программе RAMP с директивами. – Москва, Рудомино, 1997. – 56 с.
7. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
8. Иванов А.В. и др. Социальный риск: ментальные, ценностные, коммуникативные основания. – Саратов, Наука, 2012. – 287 с.
9. Кравченко С. А. Социальная диагностика рисков, уязвимостей, доверия. – М.: МГИМО-Университет, 2016. – 431 с.
10. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. – М., Кучково поле, 2007. – 464 с.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Том 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М., Государственное издательство политической литературы, 1960 г. – 907 с.
12. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – М.: АСТ, 2003 г. – 528 с.
13. Массовая коммуникация и охрана среды // Под ред. М. Лауристин, Б. Фирсова. – Таллин: Ээсти Раамат, 1987. 296 с.
14. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. – Санкт-Петербург: Мир, 2012. – 288 с.
15. Спенсер Г. Социальная статика: Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. – Киев, Гама-Принт, 2012. – 496 с.
16. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. – М., Колибри, 2014. – 770 с.
17. Фрейд З. Недовольство культурой. – М.: Фолио, 2013 г. – 222 с.
18. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. – М., АСТ, 2004. – 352 с.
19. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 208 с.
20. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. – М., Медиум, 1997 г. – 312 с.
21. Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. – М.: Восточная литература, 2010. – 303 с.
22. Штер Н., Штор Х. Погода – климат – человек. – СПб.: Алетейя, 2011. – 172 с.
23. Энгельс Ф. Диалектика природы. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. – М., Государственное издательство политической литературы, 1961 г. – 827 с.

24. Яницкий О. Н. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ. – М.: Институт социологии РАН, 2013. – 258 с.
25. Яницкий О. Н. Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. – М.: Институт социологии РАН, 2011. – 215 с.
26. Яницкий О.Н. Экологическая социология // Социология в России: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Институт социологии РАН, 1998. – 696 с.
27. Яницкий О. Н. Экосоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика // Институт социологии РАН. – М.: Институт социологии РАН, 2016.

Диссертации и авторефераты диссертаций

28. Ефимов К. М. Катастрофическое состояние окружающей среды как негативная социальная реалия XXI века: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.04. М., 2005. – 312 с.
29. Марар О. И. Экологическая культура в современном российском обществе: дис. … д-ра соц. наук: 22.00.06. М., 2012. – 320 с.
30. Зорина А. Е. Социальная ответственность бизнеса и экологические установки населения (на примере общности в условиях риска): дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. М., 2015. – 214 с.
31. Калиева А. Д. Влияние экологической ситуации России на формирование экологического сознания населения региона: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. Волгоград, 2010. – 165 с.
32. Катерный И. В. Инвайронментализм в социальной философии: методологические и мировоззренческие аспекты: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2004. – 129 с.
33. Кулясов И.П. Сравнительный социологический анализ экологической модернизации в России. Диссертация. СПб, 2005. – 158 с.

34. Платонов К. А. Социальные последствия экологических рисков для населения промышленного моногорода: автореф. дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. СПб., 2017. – 844 с.
35. Родичева И. В. Социологический анализ трансформации массового экологического сознания: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. Иркутск, 2009. – 213 с.

Публикации в периодических изданиях

36. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность. Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
37. Бек У. Освободительный катастрофизм: что это значит для изменения климата и общества риска? // Социологические исследования, 2016, № 1. С. 177–185.
38. Кравченко С. А., Салыгин В. И. Усложняющиеся опасности и риски современного магистрального нефтепроводного транспорта // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4. С. 50–66.
39. Кравченко С.А. Становление сложного социума: за гуманистический поворот // Вестник МГИМО-университета, №: 6 (33), 2013. С. 220–224.
40. Мозговая А. В. Преодоление социальных последствий аварий на ядерных объектах: социологическая поддержка управленческих решений (к 30-летию чернобыльской катастрофы). Власть, № 6, 2016. С. 107–115.
41. Мозговая А.В., Шлыкова Е.В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. – Москва: Новый хронограф, 2016. – Вып. 14 — С. 358–378.
42. Несветайлов Г. А. Чернобыль с точки зрения социологии катастроф. Вестник РАН. 1992. №4. С. 54–64.

43. Сосунова И. А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования. № 7, 2005. С. 94–104.
44. Халий И. А. Общество и природа: эволюция новейших концептов // История и современность. 2011, № 2. С. 138–149.
45. Халий И.А. Российская локальность: интродукция глобализации и экополитические конфликты // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 291-317.
46. Хаустов Д. С. Теорема Томаса и особенности конструирования социальной реальности через массовые коммуникации // Социологические исследования. 2012, № 7. С. 29–36.
47. Штомпка П. Социальное изменение как травма. Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
48. Яницкий О.Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы. Социологические исследования, № 1, 2012. С. 43–60.

Интернет-ресурсы

49. База данных ФОМ. Экологическая ситуация и глобальное потепление. Опрос населения 19 июня 2008 г. [Вебсайт] URL: http://bd.fom.ru/report/cat/healthca/d082425 (дата обращения 16.04.2014 г.)
50. Википедия. Землетрясения в Непале (2015). [Электронный ресурс]URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ Землетрясения_в_Непале_(2015) (дата обращения 05.08.2017)
51. Википедия. Экосоциализм [Вебсайт] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1412756 (дата обращения 05.06.2017)
52. Всемирная география. Рейтинг уровня жизни населения стран мира [Вебсайт] URL:http://worldgeo.ru/lists/?id=28 (дата обращения 01.06.2017)

53. Всероссийское добровольное пожарное общество. Классификации, шкалы источников ЧС [Вебсайт]URL: http://vdpo14.ru/dpo/klassifikatsii-shkalyi-istochnikov-chs.html (дата обращения 18.06.2017)
54. ВОЗ. 10 ведущих причин смерти в мире [Вебсайт] // URL: http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs310/ru/ (дата обращения 02.04.2017)
55. Добрынина В. И. Философия XX века: учебное пособие[Вебсайт] URL: http://society.polbu.ru/dobrynina_philosophyxx/ch19_i.html (дата посещения 05.06.2017)
56. РИА Новости. Киотский протокол [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/spravka/20150216/1047544621.html (дата посещения 15.09.2017)
57. РИА Новости. Шкала Рихтера - классификация землетрясений по магнитудам [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/spravka/20130416/932944104.html (дата обращения 05.08.2017)
58. Российская служба предупреждения о цунами. Тихоокеанская система предупреждения о цунами. [Электронный ресурс] URL: http://rtws.ru/info/system (дата обращения 10.05.2017)
59. ТАСС информационное агентство России. В Токио более 60 тыс человек приняли участие в демонстрации против использования атомной энергетики [Вебсайт] URL: http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/508910 (дата посещения 02.06.2017)
60. Цикловики. Экологическая миграция [Вебсайт]URL: http://cyclowiki.org/wiki/Экологическая_миграция (дата обращения 05.06.2017)
61. Экологический словарь. Экологическая архитектура [Вебсайт] URL:http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/333882 (дата обращения 11.06.2017)

62. Экологический словарь. Экоцид [Вебсайт] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/2253/ЭКОЦИД (дата посещения 05.06.2017)

На английском языке

Монографии, сборники

63. Allen P., Bonazzi C., Gee D. Metaphors for change: partnerships, tools and civic actions for sustainability. – Sheffield, Greenleaf Publishing Limited, 2001. – 326 pp.
64. Amyes S.G.B. Magic bullets, lost horizons: the rise and fall of antibiotics. – London, Taylor and Francis, 2001. – 272 pp.
65. Anderson, M. D. Disaster Writing: The Cultural Politics of Catastrophe in Latin America. – Charlottesville, University of Virginia Press, 2011. – 256 pp.
66. Barry J. Environment and Social Theory. – NY, Routledge, 2005. –
67. Bankoff G., Frerks G., Hilhorst D., eds. Mapping vulnerability: Disasters, development and people. – London: Earthscan, 2004. –
68. Beck U. The Metamorphosis of the World: How Climate Change is Transforming Our Concept of the World. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 240 pp.
69. Beck U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2009. – 240 pp.
70. Borgatta, E. F., Montgomery, Rh. J. V. Encyclopedia of Sociology, Vol. 1. 2nd ed. – New York, Macmillan Reference USA, 2000. – 719 pp.
71. Boratta E. F. Encyclopedia of Sociology: Second Edition. Vol. 2. – N.Y.: Macmillan Reference USA, 2000. – 1475 pp.
72. Brunsma D.L., Overfelt D., Picou J.S. The sociology of Katrina. Perspectives on a modern catastrophe. 2nd ed. – Lanham: Rowman & Littlefield publishers, inc., 2010. – 282 pp.
73. Bryant C.D., Peck L.D. 21st century sociology: A reference handbook. – London: Sage Publications, Inc., 2007. – 1344 pp.

74. Button G. Disaster culture. Knowledge and uncertainty in the wake of human and environmental catastrophe. – Walnut Creek, CA, Left Coast Press, Inc., 2010. – 311pp.
75. Cerulo K. A. Never saw it coming: cultural challenges to envisioning the worst. – Chicago: The University of Chicago Press, 2006. – 336 pp.
76. Clarke L. Worst Cases: Terror and Catastrophe in the Popular Imagination. – Chicago: The University of Chicago Press, 2006. – 200 pp.
77. Covello V., Sandman P., Slovic P. Guidelines for communicating information about chemical risks effectively and responsibilly // Acceptable evidence: science and values in risk management. – New York, Oxford University Press, 1991. – 292 pp.
78. Dunlap R. E., Brulle R. J, eds. Climate change and society: Sociological perspectives. – New York, NY: Oxford University Press, 2015. – 480 pp.
79. Dunlap R. E., Buttel F. H., Dickens P., Gijswijt A., eds. Sociological Theory and the Environment: Classical Foundations, Contemporary Insights. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. – 384 pp.
80. Giddens A. The politics of climate change. – Cambridge, Polity Press, 2009. – 276 pp.
81. Gill T., Steger B., Slater D.H. Japan copes with calamity: Ethnographies of the Earthquake, Tsunami and Nuclear Disasters of March 2011. – Bern, Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2013. – 328 pp.
82. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of the Experience. – New York: Harper Colophon, 1974. – 600 pp.
83. Gottlieb R. The Ecological Community: Environmental Challenges for Philosophy, Politics and Morality. – London: Routledge, 1997. – 384 pp.

84. Hannigan, J. Environmental Sociology. 2nd ed. – Abingdon: Routledge, 2006. – 193 pp.
85. Hidalgo D. A., Barber K., eds. Narrating the Storm: Sociological Stories of Hurricane Katrina. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2007. – 265 pp.
86. Kapur A. Vulnerable India: A geographical study of disasters. – New Delhi: SAFE Publications, 2010. – 270 pp.
87. King L., McCarthy D. Environmental sociology: from analysis to action. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2009. – 443 pp.
88. Kok M.T.J., Vermeulen W.J.V., Faaij A.P.C., de Jager D. Global Warming and Social Innovation: The Challenge of a Climate-Neutral Society. – London, Earthscan Publications Ltd, 2002. – 231 pp.
89. Luhmann N. Ecological communication. – Cambridge: Polity Press, 1989. – 200 pp.
90. Mann M. The sources of social power. Vol. 4. – New York: Cambridge University Press, 2013. – 496 pp.
91. Marcuse H. Counterrevolution and Revolt. – London: Penguin, 1972. – 138 pp.
92. McDonagh S. Fukushima: The death knell for nuclear energy? – Dublin, The Columba Press, 2012. – 168 pp.
93. Mockett M. M. Where the dead pause and the Japanese say goodbye: a journey. – N.Y.: W.W. Norton & Company, Inc, 2015. – 336 pp.
94. Mol A. P. J., Buttel F. H., eds. The Environmental State Under Pressure (Research in Social Problems and Public Policy, Volume 10). – Bingley: Emerald Group Publishing Limited, 2002. – 336 pp.
95. Mol A. P.J., Spaargaren G., Sonnenfeld D. A., eds. The Ecological Modernisation Reader: Environmental reform in theory and practice. – London: Routledge, 2009. – 542 pp.

96. Murphy R. Leadership in Disaster: Learning for a Future with Global Climate Change. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009. – 424 pp.
97. National research council of the National Academies. Lessons Learned from the Fukushima Nuclear Accident for Improving Safety and Security of U.S. Nuclear Plants. –Washington, D.C., The National Academies Press, 2014. – 394 pp.
98. Pearce F. With speed and violence: why scientists fear tipping points in climate change. – Boston: Beacon press, 2007. – 304 pp.
99. Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. – Princeton, Princeton University Press, 2007. – 432 pp.
100. Perrow Ch. Normal Accidents: Living with High Risk Technologies. –NY, Basic Books, 1984. – 464 pp.
101. Pillwein S. Climate Refugees: Klimawandel und Migration am Beispiel des Inselstaats Tuvalu im Pazifik. – Hamburg, Diplomica Verlag GmbH, 2013. – 104 S.
102. Raphael B. When disaster strikes. – London, Hutchinson, 1990. – 342 pp.
103. Redclift M. R., Woodgate G., eds. The International Handbook of Environmental Sociology, 2nd ed. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2010. – 448 pp.
104. Rhodes, E.L. Environmental Justice in America. – Bloomington IN: Indiana University Press, 2003. – 280 pp.
105. Royal Society. Geoengineering the Climate: Science, Governance and Uncertainty. – London: Royal Society, 2009. – 82 pp.
106. Sassen S. Expulsions: Brutality and Complexity in the Global Economy. – Cambridge, Belknap Press, Harvard University Press, 2014. – 304 pp.

107. Smil V. Global catastrophes and trends. The next 50 years. – Cambridge, The MIT Press, 2008. – 320 pp.
108. Snow, D. Benford, R. Master frames and cycles of protest, in Frontiers in Social Movement Theory // A. Morris and C. Mueller, eds. – New Haven: Yale University Press, 1992. – Pp. 133–155.
109. The Intergovernmental Oceanographic Commission (IOC) of UNESCO. Look deeper. An introduction to the role and functioning of the IOC of UNESCO with suggested guidelines for promoting the IOC's mission and programmes. – Paris, UNESCO, 2006. – 56 pp.
110. The Hutchinson Dictionary of Ideas, Oxford: Helicon, 1994. – 583 pp.
111. Thompson J., Held D. Habermas: Critical Debates. – London, Macmillan, 1982. – 221 pp.
112. Thomas, D.S.K., Phillips, B.D., Lovekamp, W.E., Fothergill, A. Social vulnerability to disasters. 2nd ed. – Boca Raton, FL: CRC Press, 2013. – 514 pp.
113. Toolan, M. Narrative: A Critical Linguistic Introduction. – London: Routledge, 1988. – 272 pp.
114. Urry J. Climate Change and Society. – Malden: Polity Press, 2011. – 200 pp.
115. Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. – London: Zed Books, 2013. – 304 pp.
116. Wall D. Hutchinson Dictionary of Ideas. – Oxford, Helicon, 1994. – 584 pp.
117. White R. Controversies in environmental sociology. – New York, Cambridge University Press, 2004. – 300 pp.
118. Willoquet-Maricondi, P. Framing the world: explorations in ecocriticism and film. – Charlottesville: University of Virginia Press, 2010. – 280 pp.

119. Wisner B., Blaikie P., Cannon T., and Davis I. At risk: Natural hazards, people's vulnerability and disasters, 2nd ed. – London: Routledge, 2004. – 124 pp.

Публикации в периодических изданиях

120. Asayama S. Catastrophism toward 'opening up' or 'closing down'? Going beyond the apocalyptic future and geoengineering // Current Sociology, 2015, Vol. 63(1). Pp. 89–93.

121. Beck U. Remapping social inequalities in an age of climate change: for a cosmopolitan renewal of sociology // Global networks: a journal of transnational affairs. Vol. 10 (2), April 2010. Pp. 165–181.

122. Beck U., Blok A., Tyfield D., Zhang J. Yu. Cosmopolitan Communities of Climate Risk: Conceptual and Empirical Suggestions for a New Research Agenda // Global Networks. 2013. № 13(1). Pp. 1–21.

123. Bergmans, A. Meaningful communication among experts and affected citizens on risk: challenge or impossibility? // Journal of Risk Research, 11(1–2), 2008. Pp. 175–193.

124. Bonanno G.A. Loss, trauma and human resilience. Have we underestimated the human capacity to thrive after extremely aversive events? American Psychologist, 2004. Vol. 59, № 1. Pp. 20–28.

125. Catton W. R., Jr., Dunlap R. E. Environmental sociology: a new paradigm // The American Sociologist. 1978, Vol. 13. Pp. 41–49.

126. Cutter, S., and C. T. Emrich, J. T. Mitchell, B. J. Boruff, M. Gall, M. C. Schmidtlein, C. G. Burton. The Long Road Home: Race, Class, and Recovery from Hurricane Katrina // Environment. March, 2006. P. 8–20.

127. Dickinson J. L., Crain Rh. How Framing Climate Change Influences Citizen Scientists' Intentions to Do Something About It // The Journal of Environmental Education, 44(3), 2013. Pp. 145–158.

128. DiNitto R. Narrating the cultural trauma of 3/11: the debris of post-Fukushima literature and film // Japan Forum, 26 (3), 2014. Pp. 340–360.

129. Draper E. Risk, society and social theory // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews, 1993, 22 (5). Pp. 641–644.

130. Driedger, S. M., Cooper, E., Jardine, C., Furgal, C., Bartlett, J. Communicating Risk to Aboriginal Peoples: First Nations and Metis Responses to H1N1 Risk Messages // PLoS ONE, 2013, 8(8).

131. Drollette Jr D. Fukushima Future Studies: five years later, what have we learned? // Bulletin of the Atomic Scientists, 72 (2), 2016. Pp. 97–104.

132. Fauville G., Säljö R., Dupont S. Impact of ocean acidification on marine ecosystems: educational challenges and innovations // Marine biology, 2013, Volume 160 (8). Pp. 1863 – 1874.

133. Featherstone S. The ghosts of Fukushima // New Republic, July-August 2016. Pp. 22–29.

134. Garvin T. Analytical paradigms: the epistemological distances between scientists, policy makers, and the public // Risk Analysis, 21(3), 2001. Pp. 443–455.

135. Jensena, A., van Bommelb, S., Pedersena, A. B., Nielsena, H. Ø., Kuindersma W. Framing climate change: new directions in Dutch and Danish planning strategies // Planning Theory & Practice, 2013, Vol. 14, No. 2. Pp. 233–247.

136. Kimura Sh. Lessons from the Great East Japan Earthquake: The Public Use of Anthropological Knowledge // Asian Anthropology, 11 (1), 2012. Pp. 65–74.

137. Longo S.B., Clark B. An Ocean of Troubles: Advancing Marine Sociology // Social Problems, 2016. V. 63 (4). Pp. 463–479.

138. Marcuse H. Ecology and the Critique of Modern Society// Capitalism, Nature, Socialism. Vol. 3 (3), 1992. Pp. 29–38.

139. Marriner N., Morhange Ch., Skrimshire S. Geoscience meets the four horsemen? Tracking the rise of neocatastrophism // Global and Planetary Change, 2010. Pp. 43–48.
140. McComas K., Shanahan J. Telling stories about global climate change // Communication Research, 26(1), 1999. Pp. 30–57.
141. Mekonnen M., Arjen Y. Hoekstra. Four billion people facing severe water scarcity // Science Advances, 2016, №2 (2).
142. Mills J-A., DurhamJ., Packirisamy V. Rehabilitation services in disaster response // Bull World Health Organ. 2017, Vol. 95(2). Pp. 162–164.
143. Mol A. P. J. Ecological Modernization and the Global Economy // Global Environmental Politics. Vol. 2 (2), 2002. Pp. 92–115.
144. Moore P. The truth about ocean “acidification” // The climate surprise: Why CO2is good for the Earth. Arlington, The CO2 coalition, 2016. Pp. 23–28.
145. Mortreux C. und Barnett J. Climate change, migration and adaption in Funafuit, Tuvalu // Global Environmental Change, Vol. 19, № 1, 2008. Pp. 105–112.
146. Murakami H. (2011) Speaking as an Unrealistic Dreamer // The Asia-Pacific Journal. Vol. 9, issue 29 (7). Pp. 1–8.
147. Mythen G. Reframing risk? Citizen journalism and the transformation of news // Journal of Risk Research, 2010, 13(1). Pp. 45–58.
148. Neumayer E., Plumperw Th. The Gendered Nature of Natural Disasters: The Impact of Catastrophic Events on the Gender Gap in Life Expectancy, 1981–2002 // Annals of the association of the American geographers. Volume 97 (3), 2007. Pp. 551–566.
149. Olive A. What Is the Fracking Story in Canada // The Canadian Geographer, 60(1), 2016. Pp. 32–45.
150. Phua K-L. Post-Disaster Victimization: How Survivors of

Disasters Can Continue to Suffer after the Event is over // New Solutions: A Journal of Environmental and Occupational Health Policy. Vol. 18 (2), 2008. Pp. 221–231.

151. Pimm S.L. Climate disruption and biodiversity // Current Biology, 19 (14), 2009. Pp. 595–601.

152. Quarantelli E.L., Dynes R.R. Response to social crisis and disaster // Annual revue of sociology, 1977, №3. Pp. 23–49.

153. Reimold W.U. Revolutions in the Earth Sciences: Continental Drift, Impact and other Catastrophes // South African Journal of Geology. Pp. 2–46.

154. Rockström J. etal. A safe operating space for humanity // Nature, 2009, № 461. Pp. 472–475.

155. Rodríguez H., Barnshaw J. The Social Construction of Disasters: From Heat Waves to Worst-Case Scenarios // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. Vol. 35 (3), 2006. Pp. 218-223.

156. Rosa E. A. The Sky is Falling; The Sky is Falling … It Really is Falling! // Contemporary Sociology: A Journal of reviews. Vol. 35 (3), 2006. Pp. 212–217.

157. Samuels J. Buddhist disaster relief: monks, networks, and the politics of religion // Asian Ethnology, 75, №1, 2016. Pp. 53–74.

158. Smillie, L., Blissett, A. A model for developing risk communication strategy // Journal of Risk Research, 13(1), 2010. Pp. 115–134.

159. Tierney K. Foreshadowing Katrina: Recent Sociological Contributions to Vulnerability Science // Contemporary Sociology: A Journal of reviews. Vol. 35 (3), 2006. Pp. 207–212.

160. Tierney K., Bevc Ch., Kuligowski E. Metaphors Matter: Disaster Myths, Media Frames, and Their Consequences in Hurricane Katrina // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 604 (1), 2006. Pp. 57–81.

161. Trumbo C.W., Shanahan J. Social research on climate change: where we have been, where we are, and where we might go // Public Understanding of Science. Vol. 9 (3), 2000. Pp. 199–204.

162. Urry J. Climate change, travel and complex futures // The British Journal of Sociology, Volume 59, Issue 2, 2008. Pp. 261–279.

163. Walsh F. Traumatic loss and major disasters: Strengthening family and community resilience // Family Process, 2007. Vol. 46, No. 2. Pp. 207–227.

164. Zhukova E. Trauma management: Chernobyl in Belarus and Ukraine // The British Journal of Sociology, 2016. Vol. 67 (2). Pp. 195–215.

Интернет-ресурсы

165. Busby C. European Committee on Radiation Risk. ECRR Risk Model and radiation from Fukushima. March 19, 2011 [Website] URL: https://www.nirs.org/wp-content/uploads/reactorwatch/accidents/ecrrriskmodelandradiationfromfukushima.pdf (accessed 02.06.2017)

166. Cabezon, E., L. Hunter, P. Tumbarello, K. Washimi and Y. Wu, 2015: Enhancing macroeconomicresilience to natural disasters and climate change in the small states of the Pacific. IMF Working Paper WP/15/125. [Электронныйресурс] URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15125.pdf

167. Fackler M. Japan to cancel plan to build more nuclear plants // New York Times, 12 May 2011 [Website] URL: http://www.nytimes.com/2011/05/11/world/asia/11japan.html (accessed 03.06.2017)

168. Geert Hofstede. What about Japan? [Website] URL: https://geert-hofstede.com/japan.html (accessed 02.05.2017)

169. Greenpeace website. The problems of air pollution [website] // URL: http://www.greenpeace.org/eastasia/campaigns/air-pollution/problems/ (accessed 05.07.2017)
170. IPCC Climate Change 2014 Synthesis Report. [website] URL: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar5/syr/AR5_SYR_FINAL_All_Topics.pdf (accessed 04.04.2017)
171. Kunii Y., Suzuki Y., Shiga T., Yabe H., Yasumura S., Maeda M., Niwa Sh., Otsuru A., Mashiko H., Abe M., Mental Health Group of the Fukushima Health Management Survey. Severe Psychological Distress of Evacuees in Evacuation Zone Caused by the Fukushima Daiichi Nuclear Power Plant Accident: The Fukushima Health Management Survey // PLOS One. July, 2016 [Website] URL: http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0158821 (accessed 15.08.2017)
172. Nagano M. Suicides rise among Fukushima nuclear disaster evacuees. 28 Dec 2015 [Website] URL: http://ajw.asahi.com/article/0311disaster/fukushima/AJ201512280026 (accessed 07.03.2017)
173. National Geographic website. Freshwater crisis. [website] // URL: http://www.nationalgeographic.com/freshwater/freshwater-crisis.html (accessed 14.05.2017)
174. National Oceanic and Atmospheric Administration. US Department of Commerce. What is resilence? [Website] URL: http://oceanservice.noaa.gov/facts/resilience.html (accessed 05.06.2017)
175. Orten D. Ecofascism: What is It? A Left Biocentric Analysis [Website] URL: https://theanarchistlibrary.org/library/david-orten-ecofascism-what-is-it (accessed 05.06.2017)

176. Perrow Ch. Fukushima forever// Huffington Post [Website] URL: http://www.huffingtonpost.com/charles-perrow/fukushima-forever_b_3941589.html (accessed 20.05.2017)
177. Population Pyramids of the World from 1950 to 2100 [Website] // URL: http://www.populationpyramid.net/ (accessed 06.04.2017)
178. Reuters. Japan says Fukushima leak worse than thought, government joins clean-up [Website] URL: http://www.reuters.com/article/us-japan-fukushima-pm-idUSBRE97601K20130807 (accessed 02.06.2017)
179. Safdar A. IOM: Refugees dying at quicker rate in Mediterranean // Al Jazeera, Sept 17, 2017. [Website] URL: http://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/09/iom-refugees-dying-quicker-rate-mediterranean-170917035605080.html (accessed 20.09.2017)
180. Snyder M. School science project reveals high levels of Fukushima nuclear radiation in grocery store seafood. // The Truth, March 27, 2014 [Website] URL: http://thetruthwins.com/archives/school-science-project-reveals-high-levels-of-fukushima-nuclear-radiation-in-grocery-store-seafood (accessed 20.05.2017)
181. The Guardian website. Qatar looks to grow food in Kenya // URL: https://www.theguardian.com/environment/2008/dec/02/land-for-food-qatar-kenya (accessed 14.05.2017)
182. The Guardian website. Rich countries launch great land grab to safeguard food supply // URL: https://www.theguardian.com/environment/2008/nov/22/food-biofuels-land-grab, (accessed 14.05.2017)
183. The Guardian. Death toll from rubbish dump landslide in Ethiopia rises to 65 [Website] // URL: https://www.theguardian.com/world/2017/mar/13/death-toll-rises-to-

65-after-rubbish-dump-landslide-in-ethiopia (дата обращения 15.04.2017)

184. The International Union for Conservation of Nature and Natural Resources (IUCN) Red list of threatened species 2016 [Website] // URL: http://www.iucnredlist.org/about/summary-statistics (accessed06.04.2017)

185. The National Diet of Japan. The official report of the Fukushima nuclear accident Independent Investigation Commission: Executive summary [Website] URL: https://www.nirs.org/wp-content/uploads/fukushima/naiic_report.pdf (accessed 09.08.2017)

186. The science education research center at Carleton college. Potential health and environmental effects of hydrofracking in the Williston Basin, Montana. [Website] // URL: http://serc.carleton.edu/NAGTWorkshops/health/case_studies/hydrofracking_w.html (дата обращения 15.04.2017)

187. The World Bank. Gross domestic product 2015 [Website] URL: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP.pdf (accessed 01.06.2017)

188. The World Health Organization. The cost of a polluted environment: 1.7 million child deaths a year, says WHO [Website] URL: http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017/pollution-child-death/en/(датаобращения 10.05.2017)

189. Ulrich K. Fukushima nuclear disaster and the violation of women's & children's human rights // Greenpeace International [Website] URL: http://www.greenpeace.org/international/en/news/Blogs/nuclear-reaction/fukushima-nuclear-disaster-and-the-violation-/blog/58873/ (accessed 02.06.2017)

190. UN Food and Agriculture Organization (FAO). Livestock a major threat to environment [Website] // URL:

http://www.fao.org/newsroom/en/news/2006/1000448/index.html (accessed 18.04.2017)

191. UN Migration Agency. Mediterranean Migrant Arrivals Reach 131,772 in 2017; Deaths Reach 2,556 // IOM press-release, Sept 19, 2017. [Website] URL: https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-reach-131772-2017-deaths-reach-2556 (accessed 20.09.2017)

192. UN Press Release. Conference on cooperation of cities and citizens to cultivate 'eco-society' to be held at Tokyo, 26-29 May [Website] URL: http://www.un.org/press/en/1998/19980522.eco4.html (accessed 04.06.2017)

193. Wallace R. Japanese press baulks at push for 'fascist' secrecy laws // The Australian. Nov 25, 2013. [Website] URL: http://www.theaustralian.com.au/business/media/japanese-press-baulks-at-push-for-fascist-secrecy-laws/news-story/062748f2a68dba90d121a02f7c1d9fe0 (accessed 20.09.2017)

194. WHO (World Health Organization). Avian influenza: assessing the pandemic threat. Geneva, 2005.

195. WHO (World Health Organization). Cumulative number of confirmed cases of avian influenza (A/(H5N1) reported to WHO. Geneva, 2007.

196. WMO Statement on the State of the Global Climate in 2016. [Электронный ресурс] URL: http://library.wmo.int/opac/doc_num.php?explnum_id=3414 (accessed04.04.2017)

197. Woods Hole Oceanographic Institution. 20 Facts about ocean acidification. [Эл. ресурс] URL: http://www.whoi.edu/OCB-OA/FAQs/ (дата обращения 01.04.2017)

198. World Health Organization website. Ambient (outdoor) air quality and health [website] // URL:

http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs313/en/ (accessed 04.03.2017)

199. World Population Prospects: The 2015 Revision [Website] // URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/events/other/10/index.shtml (accessed 06.04.2017)

200. World Wildlife Fund (WWF) review of deforestation [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/deforestation (accessed06.04.2017)

201. World Wildlife Fund (WWF) review of overfishing [Website] // URL: https://www.worldwildlife.org/threats/overfishing (accessed06.04.2017)

202. Zeitvogel K. 50 million 'environmental refugees' by 2020, experts say // Plos website // [Website] // URL: https://phys.org/news/2011-02-million-environmental-refugees-experts.html#jCp (accessed 18.04.2017)